

Валерий Шанин

Вокруг света за 280\$

ИНТЕРНЕТ-БЕСТСЕЛЛЕР
теперь на книжных полках!

«Если герои Жюль Верна объехали вокруг света за 80 дней, то Валерий Шанин задачи побить рекорд скорости перед собой не ставил. Цель была иная: доказать себе и миру, что можно совершенно бесплатно перемещаться по разделенной границами и языками планете».

Русская служба BBC

Валерий Шанин
Вокруг света за 280\$. Интернет-
бестселлер теперь на книжных полках
Серия «Туристический бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6650988

*Вокруг света за 280\$: Интернет-бестселлер теперь на книжных полках / Валерий Шанин.: Эксмо;
Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68944-6*

Аннотация

Валерий Шанин отправился в дорогу, взяв российский паспорт с монгольской визой и 300\$. Через три года, проехав через Китай, Юго-Восточную Азию, Австралию, Новую Зеландию и Южную Америку, он вернулся назад в Россию, и 20\$ еще оставалось...

Книга, молниеносно ставшая бестселлером после размещения в сети Интернет, книга, о которой многие слышали, но не знали, где прочитать, – теперь в книжном формате!

Содержание

Часть 1	5
Россия	5
Как я дошел до жизни такой	5
Первый старт	7
Второй старт	7
Третий старт	8
Монголия	11
Автостоп в степи	11
Встреча в Улан-Баторе	12
Зимний Улан-Батор	14
Новый год в пустыне Гоби	14
Китай	16
Внутренняя Монголия	16
Австралийское посольство в Пекине	17
Первый опыт китайского автостопа	19
Помощники и хэлперы	23
Заснеженный монастырь Шаолинь	26
Сиань – древняя столица Китая	27
Мимо Великой Китайской стены	29
Бросок на юг	31
Автостоп в провинции Юньнань	32
Лаос	34
Первые настоящие джунгли	34
Поиск «спонсоров» в Луангпхабанге	36
Дорога № 13	38
Первый опыт «практического буддизма»	38
Трое пьяных европейцев	39
Таиланд	42
Датчанин на «Харлее»	42
Тайский народный буддизм	43
Аюттая – древняя столица Таиланда	45
Двухэтажная «монашеская келья»	47
Идем на север!	48
Суп из топора	49
Американец в лесу	50
Как мы жили в «телефонной будке»	51
Православная церковь в Бангкоке	52
Буддистские монастыри Бангкока	53
Буддистские монахини	54
Показной рис	55
Посвящение в монахи	56
Сонкран в Чианг-Мае	57
Три раза на одном джипе	58
От Мае-Хонг-Сона к Мэсаряну	59
Карма, настойчивость и мудрость	60
Ностальгия	61

Монахи – тоже люди	62
Первая Пасха в Юго-Восточной Азии	63
Не заниматься любовью. Ни в какой форме!	64
Тайский вариант «Дома Советов»	65
В Малайзию, срочно!	66
Малайзия	67
Христиане, индуисты и буддисты Пинанга	67
Христианское и мусульманское гостеприимство	69
У тайских буддистов	70
Первая ночь в сикхском храме	71
«Ассамблея Бога» в Куала-Лумпуре	72
Разошлись, как в море корабли	73
Попытка авиастопа	74
Изгнание духов	75
Есть австралийская виза!	76
Попытка гидростопа	76
Сингапур	79
Дорогостоящая чистота	79
Христиане и сикхи Сингапура	79
Индонезия	83
Остров Батам – ворота в Индонезию	83
Можно ли спать в мечети?	84
Христиане – братья и сестры	85
Три дня в Джакарте	85
Автостопом по Яве	87
Сожженная церковь	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Валерий Шанин

Вокруг света за 280\$

Часть 1

Россия

Как я дошел до жизни такой

В детстве многие мечтают о дальних странствиях, приключениях, неизведанных землях. Но по мере взросления мы втягиваемся в рутину повседневной жизни с ее заботами, тревогами, планами, успехами и неприятностями – со всем, что принято называть борьбой за выживание и что поглощает все наше внимание. А дальние странствия так и остаются детскими мечтами в стране грез – где-то между Дедом Морозом и Бабой Ягой.

Из Советского Союза, окруженного по периметру колючей проволокой со смотровыми вышками и собаками, вырваться за границу удавалось лишь отдельным счастливицам. Легально это можно было сделать только в составе официальных делегаций, которые за рубежом находились под постоянным контролем и присмотром. Были, конечно, и нелегалы, которые сбегали с судна во время стоянки в порту, переплывали ночью пограничную реку, протискивались между рядами колючей проволоки и т. д. Они, даже в случае успеха, находились под постоянным страхом расправы или насильственного возвращения на Родину. И им, конечно, было не до путешествий.

Только в 1993 году все россияне получили право свободного выезда. Казалось бы, самое время отправляться в неизведанные страны и на далекие континенты. Но как это делать не по путевке, под контролем турфирмы, а самостоятельно, на свой страх и риск, – никто не знал.

Первыми за границу рванули «новые русские», они стали частыми гостями самых фешенебельных отелей и ресторанов, дорогих курортов и пляжей. Те же, кто получил свободу, так сказать, в «чистом» виде, вспомнили об автостопе, лучшем способе путешествовать без больших финансовых затрат.

Именно автостоп дает возможность любому студенту, врачу или учителю объездить все страны Европы. Конечно, не всем по карману обедать в шикарных ресторанах и останавливаться в пятизвездочных отелях. Но на то, чтобы добраться до любой европейской страны, обеспечив себя по дороге всем необходимым, больших денег не нужно. За несколько лет путешествий в этом я убедился на своем опыте.

Как это обычно и бывает, только-только достигнешь одной цели, как на горизонте уже маячит следующая. Если поездки по Европе действительно доступны всем, то что можно сказать о трансконтинентальных и кругосветных путешествиях?

Путешествие вокруг света отличается от месячного вояжа по Европе так же, как марафонский бег от утренней пробежки вокруг дома. Сейчас на самолете всю планету можно облететь всего за пару дней. Но на поездку по земле даже героям полуфантастического романа Жюль Верна потребовалось 80 дней. Тем же, кто захочет повторить их подвиг с российским паспортом, этого времени не хватит даже на то, чтобы оформить все необходимые визы (при условии, что их вообще удастся получить!). При самом благоприятном раскладе на кругосветку требуется не меньше одного года.

Если следовать логике, то получается, что на такую поездку нужно зарабатывать одиннадцать лет. У нас за такой срок может произойти два дефолта и три деноминации. Значит, обычному человеку без спонсоров нельзя и претендовать на кругосветку?

А если все же попробовать? Конечно, на весь маршрут в нынешних российских условиях накопить деньги невозможно, но, возможно, удастся подзаработать где-нибудь по пути. Конечно, проще это делать в каких-нибудь развитых странах. Так появилась идея разбить маршрут на несколько этапов: через Азию до Австралии, там немного подзаработать, затем через Южную Америку в США и Канаду (опять же на заработки) и, наконец, в Европу и назад – домой. Тогда для старта достаточно примерно 300\$. Их, по моим приблизительным расчетам, должно было хватить на первый этап – до Австралии. А дальше посмотрим. Будем решать проблемы по мере их появления.

Когда у меня появилась эта идея, я стал искать попутчиков. К тому моменту у меня уже был опыт организации групповых заездов в Европу. Агитацию начал с ближайших родственников, друзей и знакомых. Но никто не рвался составить мне компанию. Одних страшили трудности такого длительного путешествия, другие не могли оставить на год любимую работу или учебу. Тогда через средства массовой информации я объявил на всю страну: «Все, у кого есть 300\$ и желание объехать весь мир, присоединяйтесь!» И народ потянулся.

Первым проявился Эдик Сухов – высокий, немного заторможенный парень двадцати шести лет с длинными, перехваченными резинкой волосами.

– Работал в Певеке слесарем и продавцом в ларьке. Но сейчас работы нет. А если и есть, то так мало платят, что прожить на эти деньги нельзя. Я на попутном ледоколе добрался до европейской части страны, но и здесь не нашел хорошей работы. Хочу куда-нибудь эмигрировать. Только еще не решил, в какую страну. Поэтому для начала хочу объехать вокруг света, посмотреть, где лучше всего живется. Туда потом и уеду насовсем.

В начале июля под Самарой на фестивале авторской песни имени Валерия Грушина я случайно познакомился с Татьяной Александровной Гузовой. Она оказалась человеком авантюрным и легким на подъем.

– Вам в команду, наверное, нужен врач. Возьмите меня с собой. Я тридцать лет проработала на «Скорой помощи», в кардиологической бригаде, а в сентябре как раз выхожу на пенсию. Опыт турпоходов у меня есть. Правда, только по России, за границей мне бывать не приходилось.

На очередной встрече «потенциальных кругосветчиков» появился Дима Становов. Он к двадцати трем годам успел отслужить в армии, поучиться в Калужском пединституте на преподавателя труда и поработать строителем на дачах для «новых русских» в Подмосковье. Мы познакомились еще два года назад на одном из «Чемпионатов Москвы по автостопу». В том же году он побывал за границей – в Польше и Чехии. И почему-то сразу же пропал из виду, неожиданно появившись именно тогда, когда в самом разгаре был набор участников кругосветки.

Свое желание к нам присоединиться выразила и Стася Миронова – аспирантка Института языкознания, знавшая английский и испанский языки.

Было еще несколько человек в возрасте от семнадцати до семидесяти лет. Они крутились вокруг да около, но никак не могли решиться. Я никому не отказывал, но и не уговаривал. Чтобы не было потом мучительно больно (в первую очередь – мне, ведь именно на меня как на организатора этой авантюры, естественно, и посыплются все шишки). А ведь в дороге всякое может случиться.

Георгий Канделаки, парень двадцати шести лет, под два метра ростом, жил в Гагре, учился в Кутаисском политехе, увлекался туризмом и альпинизмом. Но тут в Абхазии разразилась война. Ему, как грузину, пришлось оттуда бежать. Судьба забросила его в Москву, где он устроился работать барменом в ресторан. Про организацию кругосветной экспедиции

узнал из публикации в журнале «Учеба, работа, бизнес за рубежом» и пришел как раз на ту встречу, где я объявил об окончании отбора участников.

Количество потенциальных кругосветчиков постоянно колебалось – одни приходили, другие уходили, третьи болтались где-то посередине. К моменту официального старта было восемь участников. Мы разбились на пары: Эдуард Сухов со Стасей Мироновой; Дмитрий Становов с Татьяной Александровной Гузовой; Владимир Иванов с Аней Стешенко и я с Георгием Канделаки. Предполагалось, что пары эти временные, по дороге мы будем периодически встречаться (договариваясь о месте и времени через Интернет) и перегруппировываться. Только так можно избежать неизбежно возникающего в длительных поездках психологического напряжения и усталости друг от друга.

Первый старт

Я наивно полагал, что мы сможем оформить все визы еще в Москве, а затем быстро-быстро пробежимся по миру и уже через год вернемся назад. Но трудности с получением виз возникли у нас еще до старта и потом продолжались всю дорогу. Именно на визы во время этого путешествия была потрачена большая часть денег, времени и нервов.

Одна туристическая фирма – в обмен на рекламу в моих книгах – взялась бесплатно сделать нам все визы (мы должны были оплатить только консульские сборы). Началась бумажная волокита. Старт, назначенный на 19 сентября, пришлось отложить.

Туристическая фирма, потратив два месяца, наплотив кучу бумаг, заставив нас сделать прививки от желтой лихорадки (без них нельзя в Эквадор), визы нам так и не сделала. Надо признать, что не из вредности или отсутствия желания помочь. Оказалось, несмотря на большой опыт, в этой турфирме впервые сталкивались с проблемой оформления кругосветного путешествия. Поэтому-то не сразу осознали главное препятствие – большая часть виз оформляется с фиксированным коридором (время, в течение которого можно въехать в страну) – максимум до трех месяцев. А как за это время можно успеть доехать до какого-нибудь Эквадора или Перу?

Второй старт

Турфирма визы делать отказалась, а желание ехать еще оставалось. Пришлось мне самому заняться оформлением документов.

В китайское посольство очередь была недели на две – народ как раз собирался на праздник 50-летия КНР. Вася Лебедев, уже побывавший прошлым летом в Китае, посоветовал: «Езжайте через Монголию. Там за неделю в китайском посольстве оформляют месячные визы всего за 30\$ (в Москве – 50\$!). И без приглашения!»

В монгольском посольстве ко мне отнеслись радушно (я представил всех кругосветчиков как группу журналистов, которые «спят и видят», как только рассказать россиянам про удивительную страну Монголию). Там за 25\$ виза оформляется в течение 7 дней, за 50\$ – за 1 день. Но нам пошли навстречу и оформили срочные визы по цене обычных. В лаосском посольстве бюрократии оказалось больше. У меня взяли список «группы журналистов» и отправили запрос во Вьентьян. Через неделю ответа все еще не было, а старт откладывать уже не хотелось.

Пришлось договариваться с консулом, что он перешлет нам разрешение (если оно будет) в лаосское посольство в Пекине. Во вьетнамском посольстве меня сразу предупредили, что ответа из Ханоя нужно ждать не меньше трех недель. Тоже облом! Так и пришлось отправляться в кругосветку с монгольской визой в паспорте. Хорошее начало!

7 декабря все кругосветчики, за исключением Татьяны Александровны (она должна была присоединиться к нам по пути) и Ани Стешенко, которая на последней тренировке по айкидо вывихнула ногу, собрались на выезде из Москвы в полной походной выкладке.

Но и этот старт для большинства из нас оказался лишь очередной репетицией. Уехали только Дима с Георгием. Всего за сутки они добрались до Самары и на следующий день соединились в Новокуйбышевске с Татьяной Александровной. Стася, как выяснилось, должна была еще неделю работать переводчиком на международной выставке. Она с Володи и Эдиком собиралась догонять первую тройку на поезде. У меня тоже нашлись неотложные дела. Нужно было закончить рукопись книги «Карьерные игры» и сдать в типографию «Уроки автостопа».

15 декабря я пожелал счастливого пути второй тройке кругосветчиков. Но и с ними все оказалось не так, как планировалось. На следующее утро мне позвонила Стасина мама:

– Я вчера провожала Стасю. Была на вокзале вплоть до отхода поезда. А Эдик так и не пришел. Что случилось?

Вот-те раз. Как началось, так и продолжалось – через пень-колоду. Оказалось, Эдик, последние шесть месяцев томившийся в Москве в ожидании старта, опоздал на 5 минут. Пришлось ему брать еще один билет. Но следующий поезд в Улан-Удэ уходил только через сутки.

Третий старт

Для меня кругосветка началась ранним утром в воскресенье 19 декабря 1999 года. Ровно на три месяца позже, чем планировалось. Вместо дня рождения автостопа – в день рождения Леонида Ильича Брежнева. Такой вот получился бестолковый символизм.

Хлюпая по раскисшей грязи и обходя огромные лужи, я пошел к пересечению Дмитровского шоссе и МКАД. Тишина. Падающий пушистыми хлопьями снег заглушал редкие в этот час звуки.

Выйдя на Рязанской объездной из «ГАЗ-66», я встретил «коллегу». Старенькая бабуля пожаловалась:

– Стою здесь уже три часа. Совсем замерзла, а никто не берет.

– Будем голосовать вместе, – предложил я.

И нас как «бабулю с внуком» вскоре забрал «КамАЗ».

На следующем посту ГАИ я увидел сразу трех автостопщиков. Они стояли один за другим на расстоянии ровно пятидесяти шагов – в полном соответствии с «правилом приоритета». С одной стороны, было приятно, что автостоп стал в России таким популярным, а с другой – досадно: нужно гнать, а придется становиться в самом конце – четвертым.

Но долго стоять не пришлось. Первый же «жигуленок», медленно проехав мимо всех голосующих, остановился прямо возле меня:

– Садись. Те трое наверняка только до ближайшей деревни просят подбросить. Ничего, и пешком дойдут. А ты, сразу видно, турист! Видимо, далеко собрался – вон какой у тебя рюкзак!

А тогда действительно он был у меня огромный. По наивности мне казалось, что для кругосветки снаряжения нужно больше, чем для обычной одно-двухмесячной поездки в Европу.

За Нижним Ломовым на посту ГАИ я подсел в «Газель» до Самары. Водитель попался из заядлых рыбаков и всю ночь травил байки. Одна история мне особенно запомнилась.

– Лед на реке еще не окреп, но мне уже надоело ждать. В это воскресенье я пошел рыбачить и прямо возле берега провалился по колено в воду. Вернулся домой, поменял штаны.

Пошел опять. На этот раз провалился по пояс. Еще раз переоделся. Пошел снова. Провалился по шее. Опять вернулся домой и больше на реку не пошел.

– Неужели испугался? – удивился я.

– Нет. Сухой одежды больше не было!

Вот она, русская настойчивость. Ну что ты сделаешь с таким бесстрашным народом!

Добравшись до поста ГАИ, стоящего перед началом длинного ряда закусочных, заправки и небольшого поселка, я надолго застрял. Дорога обледенела, и тяжело груженные грузовики скопились перед одним особенно крутым подъемом. Мимо проходили только редкие легковушки. Да и те были исключительно местные.

Когда у меня исчезла надежда хоть куда-нибудь уехать из этой «ловушки», появился «Икарус». Шофера долго убеждать не пришлось – салон все равно был наполовину пустой. Поэтому через час я был на станции Бугульма, где как раз шла погрузка на уфимский поезд. Зайдя в битком набитый, душный, но теплый общий вагон, я забрался на верхнюю полку, закутался в спальный мешок и, наконец, впервые за тот день согрелся.

С уфимского вокзала я вернулся на трассу и весь день тащился на «КамАЗе» до Миасса. Когда стемнело и голосовать в полной темноте на малооживленной трассе стало бессмысленно, пришлось опять переходить на железную дорогу. Добравшись на электричке до Челябинска, я провел остаток ночи в общем вагоне новокузнецкого поезда.

Утро 22 декабря – самого короткого дня в году – встретило меня в Кургане. Там я опять вернулся на трассу и сравнительно быстро уехал на «КамАЗе», но только на тридцать километров. Там на пустынном безымянном повороте, недалеко от какой-то занесенной снегом по самые крыши деревни я надолго застрял. Впереди были Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск... Даже если бы я продолжил гнать в том же режиме: днем – автостопом, ночью – на поезде, у меня все равно уже не оставалось шансов догнать своих попутчиков в Улан-Баторе. Пришлось «поступиться принципами». Впервые за всю свою автостопную практику я перешел на другую сторону дороги и поехал в обратную сторону.

Следующие двое суток я смотрел, как за окном плацкартного вагона «Харьков – Владивосток» проплывала сибирская тайга. В разговоры соседей не вмешивался, наслаждаясь редкой в автостопной поездке возможностью помолчать, но мое внимание привлек рассказ дорожного мужика лет пятидесяти о поездке в Китай:

– Там все очень дешево, но если не знаешь китайского языка, тебя обязательно обманут. Мы сходили в ресторанчик пообедать. Заплатили, по нашим понятиям, немного – по 50 юаней. Но, когда мы зашли туда с переводчиком и заказали практически то же самое, обед нам обошелся всего по 10 юаней!

Другой сосед почему-то тоже вспомнил о Китае (или это я обращал особое внимание на всякие, даже беглые, упоминания тех стран, через которые собирался проехать?):

– Мой друг из Чехии по дороге в Австралию специально заезжал в Пекин, чтобы в австралийском посольстве оформить визу, которую в Праге дают только по приглашению.

От Улан-Удэ на местном поезде я за ночь добрался до пограничной станции Наушки. Но перейти границу пешком там нельзя. Ближайший переход находится возле города Кяхты. Опять начался автостоп!

«УАЗ» с пограничным нарядом проехал мимо. А ведь в советское время у меня наверняка проверили бы документы и поинтересовались пропуском в погранзону. Зато на следующей «Ниве», водителем которой оказался спешивший к началу своей смены таможенник, попал сразу к автопереходу. Там меня «по благу» – как путешественника – пропустили в обход длинной очереди «челноков» с огромными тачками и тележками, заваленными прохладительными напитками (это в конце декабря!), сгущенкой, бананами, яблоками, тряпками...

Быстро перейдя через нейтральную полосу, я попал на монгольскую сторону. И здесь столкнулся с точно таким же разделением на «своих» и «чужих». На этот раз уже мне пришлось стоять на морозе, наблюдая, как монгольские пограничники пропускают «блатных». В результате переход границы занял почти четыре часа.

Монголия

Автостоп в степи

При слове «Монголия» воображение сразу же рисует бескрайние степи и пески, караваны верблюдов, стада овец, табуны лошадей Пржевальского и дикие орды Чингисхана. Но все это было где-то далеко впереди. За пограничным переходом я увидел только все тех же челноков, грязный поселок и стоянку таксистов-частников.

Пошел по дороге, надеясь поймать попутную машину прямо на ходу. Километра через три мне удалось остановить легковую «Мазду». Там уже сидели четыре женщины.

Водительница молча открыла багажник, помогла положить туда мой рюкзак. Всю дорогу до Сухэ-Батора она ни одного слова не проронила. Но, как только мы остановились у железнодорожного вокзала, вдруг сообщила:

– 1500 тугриков.

– Вообще-то я автостопом еду, – удивился я.

– Давай деньги! – завопила она и вцепилась в мой рюкзак, призывая на помощь других таксистов и демонстрируя решимость биться до последнего тугрика.

– Тугриков все равно нет, – попытался я ее успокоить. – Могу дать тридцать рублей (их я оставил для того, чтобы заплатить за выезд из Бурятии «экологический налог», но его почему-то не взяли).

– Тридцать мало, нужно пятьдесят, – таксистка попыталась торговаться, но, убедившись, что больше с меня все равно не получишь, смирилась: – Хорошо, давай тридцать рублей.

Так я познакомился со спецификой монгольского автостопа, а заодно и избавился от остатков российских денег.

Этот случай меня не обескуражил. Подобные недоразумения иногда встречаются и у нас в России. Таксисты иногда путают автостопщиков с клиентами. Но не может же такого быть, чтобы в Монголии не нашлось ни одного альтруиста! Видимо, как и при поездках на попутках по российским городам, нужно сразу же предупреждать о своей безденежности.

Пытаясь вспомнить, как по-монгольски звучит фраза: «У меня нет денег», я продолжал идти по дороге, голосуя всем проезжавшим мимо машинам. Но они даже не притормаживали. Постепенно стемнело. Ночь выдалась ясная, все небо усыпано яркими звездами – красота, да и только. Но мороз стал крепчать. По моим ощущениям, было уже никак не меньше -40 °С. Тащиться пешком до самого Улан-Батора я, конечно, не собирался. Но и простоять на одном месте больше пяти минут без риска обморозиться было невозможно. Идти приходилось хотя бы для того, чтобы согреться.

Вокруг тянулась безбрежная заснеженная степь. С каждым шагом я все дальше уходил от жилья, и мне все больше и больше хотелось повернуть назад. Посреди бескрайней пустоты я чувствовал себя очень неуютно. И тут, совсем некстати, вспомнилось, как путешественник Юрий Рерих, побывавший в этих местах в тридцатые годы XX века, писал о живущих здесь одичавших собаках. Однажды ночью они напали на караульного. С помощью ружья и сабли ему удалось убить несколько псов, но оставшиеся лишь рассвирепели и разорвали здорового крепкого мужика на куски. На следующее утро нашли только ружье, саблю и часть одежды – шапка, сапоги и даже патронташ были растерзаны на части.

Когда я уже совсем решился повернуть назад в Сухэ-Батор, вдалеке показался одинокий огонек. Он вселил надежду и придал новые силы. Подойдя немного поближе, я разгля-

дел, что это светилось оконце маленького глинобитного домика, служившего блокпостом монгольской дорожной полиции.

Скучавший в одиночестве полицейский принял меня радушно – как своего личного гостя. Он сразу же предложил горячего чая и вареной баранины. А узнав, что я путешественник из России, показал на свободную кровать.

– Оставайся на ночь.

Я стал отказываться.

– Кровь из носа, но утром мне нужно быть в Улан-Баторе. Вот сейчас немного отдохну и пойду наружу голосовать.

– Зачем тебе ночью торчать на морозе, – он вышел, поставил знак «стоп» и вернулся назад. – Сиди спокойно. Теперь водители сами будут останавливаться и заходить отмечаться.

Голосовал я с комфортом: прислонившись к жарко нагретой печке с пиалой горячего чая в руке, смотрел по телевизору французскую кинокомедию на монгольском языке. Время от времени на пост заходили водители. Но все, как сговорившись, ехали в Сухэ-Батор.

Часа через два такого автостопа я уехал в «Жигулях» до Дархана. По дороге пытался женщине-водителю и ее сыну-подростку объяснить, почему принято подвозить попутчиков на попутных машинах. Но безуспешно. Они не понимали самой сущности явления. Хотя об оплате даже не заикались, но, видимо, исключительно потому, что я попал к ним по протекции полицейского.

В Дархан мы приехали очень поздним вечером. На автостоп надежды уже не было. Обстановка на железнодорожном вокзале была как в какой-нибудь российской глубинке. На скамейках спали бомжи; к закрытому окошку билетной кассы тянулась длинная очередь. Примерно посередине в ней стоял высокий парень в очках. Хорцог, как и все мало-мальски образованные монголы, говорил по-русски.

– Примерно через два часа в Улан-Батор пойдет поезд. В этой кассе будут продавать на него билеты.

Мне не пришлось становиться в самый конец очереди. Хорцог купил билет и для меня. И вообще он взял надо мной шефство. И это оказалось очень даже кстати. Когда на перрон подали пустой состав, пассажиры сразу же рванули к дверям. В наш общий вагон пыталось проникнуть человек двадцать, причем одновременно! Картина была, как в старых фильмах о Гражданской войне. Люди с огромными мешками и котомками карабкались друг другу по головам.

Я пропустил Хорцого вперед, и он оправдал мое доверие, ухитрившись проникнуть внутрь одним из первых и занять сразу две полки. Мой рюкзак положили в багажный ящик под нижней полкой, на которую лег мой новый знакомый. Я же забрался на верхнюю, пережив на плечи своего попутчика заботу о сохранности и моего рюкзака, и сумки с видеокамерой.

Поезд пришел в Улан-Батор рано утром, и к девяти часам утра я был уже у дверей консульского отдела китайского посольства. Там, как мне и говорили в Москве, визы оформляют без приглашения и всего за 30\$.

Встреча в Улан-Баторе

Улан-Батор раскинулся между высокими горными хребтами в долине реки Тола на высоте полутора тысяч метров. Склоны к югу от города заросли хвойным лесом, а на севере видны одни камни: ни кустика, ни травинки. Но именно там почему-то и строятся новые городские кварталы. Хотя зародился город внизу, на берегу реки с кристально чистой водой.

Центр застроен сталинскими домами, на окраинах можно увидеть типичные российские спальные микрорайоны, застроенные панельными высотками. А вокруг хаотично раз-

бросаны войлочные юрты. Из труб буржеек идет удушливый дым от сжигаемого навоза, отчего в воздухе висит неповторимый аромат.

Когда стемнело и стало быстро холодать, я озабочился поисками ночлега. Пройдя по гостиницам, выяснил, что иностранцы должны платить в несколько раз больше, чем местные жители, – от 10\$ за ночь. Из опроса прохожих выяснилось, что частники предлагают туристам койкоместа в своих квартирах всего за 3–5\$. Искать же их лучше всего у железнодорожного вокзала. Туда я и отправился.

На привокзальной площади мужчина с пухлым портфелем ловил такси. Он, оказалось, не только свободно говорил по-русски, но и учился в Москве в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

– Я не знаю, где найти частников, сдающих квартиры за деньги. Но одну ночь можно переночевать и у меня, причем бесплатно.

Так я попал к Шагдару Дашнаму. Он с женой, сыном и дочерью жил в большой четырехкомнатной квартире в одном из новых высотных домов. Хотя в семье все говорят по-русски, порядки дома – монгольские. В то время как я с Шагдаром и его сыном сидел за столом и смотрел по телевизору передачи из Москвы, его жена и дочь проводили вечер на кухне, появляясь в нашем поле зрения только для того, чтобы принести новые кушанья или забрать пустые тарелки.

Гостеприимный хозяин предложил мне позвонить в Москву. Так я узнал, что мои попутчики живут в студенческом общежитии местного филиала Плехановского института народного хозяйства, и на следующий день к ним присоединился.

Официально общежитие было закрыто на ремонт: паркет сорван, многие внутренние перегородки разрушены, двери сняты с петель. Но в кранах была холодная вода, а в батареях – горячая, да и свет не отключали. И все двухэтажное здание было предоставлено в наше полное распоряжение.

Впервые все кругосветчики собрались в полном составе. Татьяне Александровне, для которой Монголия была первой в жизни заграницей, не терпелось рассказать, как ей удалось добраться до Улан-Батора.

– В Улан-Удэ мы получили по Интернету сообщение о том, что Эдик опоздал на поезд и приедет через два дня. Стася с Володей и Георгием отправились в Улан-Батор, а мы с Димой остались ждать. Прошли по тем адресам, которые нам дал Санта Дергачев. Только в одной квартире нашлись живые люди. Два пьяных мужика радушно предложили оставаться у них на ночь, но мы отказались. Проходя мимо Дома культуры железнодорожников, заметили оживление – там как раз готовились к встрече Нового года. Заведующая, потрясенная встречей с кругосветчиками, проявила неожиданное гостеприимство и предложила на пару ночей остановиться у них. Спали мы, правда, прямо на сцене. Зато скучно не было. Нового года мы не дождались, но попали на день рождения одного из танцоров. Когда приехал Эдик, мы вместе поехали на автобусе в Кяхту. После пересечения границы нас обступили таксисты. Еле-еле от них отбились. Монгольский автостоп у нас не заладился. С огромным трудом добравшись на попутках до Сухэ-Батора, мы сели в поезд до Улан-Батора.

О том, как в Улан-Батор попали остальные, рассказал Володя Иванов:

– Из Улан-Удэ мы втроем – я, Георгий и Стася – выехали на автобусе. По пути познакомились с женщиной, сидевшей на соседнем сиденье. В Кяхте она пригласила нас к себе ночевать, а утром накормила пельменями и отвезла на погранпереход. А по Монголии мы проехали автостопом. Правда, страшно намучились и замерзли. Попутки приходилось ждать подолгу, но и в машинах здесь не согреешься. Подвозят обычно на «Газелях». Для Стаси, как правило, удавалось найти место в кабине, а мы с Георгием мерзли в открытом кузове. Может, летом и приятно проехать по степи с ветерком. Но сейчас-то по ночам мороз под сорок! И еще одна проблема. Монгольские водители привыкли подвозить за деньги. Прихо-

дилось каждому из них объяснять, что мы не богатые туристы, а безденежные путешественники. Зато, как только это удавалось сделать, отношение к нам сразу же менялось. Например, шофер «Газели», на которой мы приехали в Улан-Батор, даже пригласил к себе в гости. Так мы впервые попали в настоящую монгольскую юрту. В ней тепло даже в самый лютый мороз. На деревянном полу лежит толстый войлок, а в самом центре стоит раскаленная докрасна железная печка. Есть и электричество, но мебели мало. Только у стенок юрты стоят огромные яркие деревянные сундуки. Ни диванов, ни кроватей нет. Монголы предпочитают сидеть на корточках или на разложенных вдоль стен толстых матрацах.

Зимний Улан-Батор

Несколько дней в Улан-Баторе, ожидая китайские визы, мы провели в экскурсиях по городу. В дацан Геген, основанный тибетским монахом Ундур Гегеном в 1649 г., вошли через главные ворота. Вход в монастырь бесплатный. Но, как только я попытался снять на видеокамеру гигантскую скульптуру Будды, ко мне наперерез с истерическими криками: «Пять долларов! Пять долларов!» – бросился монах-охранник. Вот уж действительно, национальное достояние – священо. Если и продается, то только за доллары!

Стася с Володей, видимо, из любопытства, зашли на консультацию к тибетским ламам-врачевателям. Они всего за 1000 тугриков предсказывают будущее и проводят диагностику. Найденные болезни потом сами же и лечат, но это стоит уже значительно дороже. А за отдельную плату, наверное, смогут и будущее «подправить».

Стася вышла вся в слезах, но не захотела рассказать, чем ее так расстроили. А Володя Иванов сообщил, что, по мнению ламы, ему осталось прожить только 10 лет, да и то, если повезет. Если это сообщение его и расстроило, то вида он не подал.

– Я еще не был почти в 200 странах. Успею ли?

Улан-Батор по внешнему виду напоминает российский областной центр. Дома построены советскими строителями; в магазинах большинство товаров российского производства; машины на дорогах тоже все наши; по телевизору – Останкино, по радио – «Маяк», все маломальски образованные монголы говорят по-русски.

За мостом через реку Тола возвышается Баян-гол – одиночная гора, которую можно увидеть со всех концов города. Мы пошли к ней напрямик, через заснеженное поле. Нам пришлось перелезть через высокий железный забор, долго блуждать в сухих зарослях, взбираться наверх по скользкому склону. И все для того, чтобы увидеть на вершине стелу, обрамленную бетонным поясом с мозаикой, на которой изображены русские солдаты, помогавшие Монголии в отражении японской агрессии в 1939 г.

Воздух был удивительно прозрачный, лишь легкая дымка висела над вершинами гор. Можно было окинуть взглядом сразу всю долину и раскинувшийся внизу скучный город: построенные в конце восьмидесятых годов братским советским народом микрорайоны высотных жилых домов, пара теплоэлектростанций, кожевенный и деревообрабатывающий заводы. Вот, собственно, и все...

Новый год в пустыне Гоби

31 декабря немного потеплело – до 30 градусов мороза, но поднялся сильный ветер. От Улан-Батора до китайской границы около 600 километров, вначале по степи, а потом по заснеженной пустыне Гоби. Само ее название в переводе с монгольского означает «пустынная местность». Находится она на высоте около двух километров над уровнем моря. Температура воздуха летом поднимается здесь до +40 °С в тени, а зимой опускается до -40 °С (на солнце!). Китайский путешественник в 500 г. писал: «Сколько ни вглядывайся в пустыню,

не узнаешь, как пройти через нее, единственный указатель на песке – это высохшие кости погибших здесь путников». Зимой же и этих «указателей» не увидишь!

Что такое монгольский автостоп, мы уже прекрасно представляли – пустые дороги и длинные утомительные объяснения с водителями. Обморозиться можно не только во время бесконечных часов ожидания попутки, но и в машине, вернее, в холодном кузове. Те, кто сможет пересечь автостопом зимнюю пустыню Гоби, будут достойны не только занесения в Книгу рекордов Гиннесса, но и ордена Мужества. Правда, скорее всего, посмертно.

В нашей компании героев, готовых пойти на такой риск, да еще в самом начале кругосветки, нашлось только двое. Стася с Эдиком тогда были твердо уверены в том, что на Земле нет такой дороги, по которой нельзя было бы проехать автостопом. И взялись это доказать.

Остальные пятеро предпочли поехать до китайской границы на поезде (билет в общий вагон – 4\$). Билеты продают с местами. Да и желающих ехать в предновогоднюю ночь было мало – максимум 20–30 человек. Но, видимо, привычка неискоренима: все пассажиры рванули к дверям одновременно, создав страшную толкотню и давку. А потом долго носились по полупустому вагону.

У монголов свой календарь, но 1 января они тоже празднуют – как хороший повод выпить. С приближением двенадцати часов пассажиры стали собираться компаниями, выставляя на столы водку и нехитрую снедь. Когда именно наступил Новый год, мы смогли определить только приблизительно. В поезде не было ни традиционного поздравления президента, ни боя курантов. А часы – у тех, у кого они были, показывали время с разбросом в десять минут.

Когда смолк звон граненых стаканов и эмалированных кружек, с разных концов вагона стали доноситься застольные песни. А поезд все так же мчал нас вперед, через заснеженную пустыню. На редких станциях заходили укутанные с головы до пят монголки с огромными корзинами и громко кричали.

– Цары, цары! Цары-гуцары! – Так здесь называют пельмени с бараниной, похожие на среднеазиатские манты.

Первое утро 2000 г. мы встретили на монгольской пограничной станции Дзамын Уд. Там нас ждал сюрприз: поездов в Китай в ближайшие сутки не будет!

Отбиваясь от назойливых таксистов, мы отправились к границе пешком. Но долго идти не пришлось. На посту у входа в погранзону дорогу нам преградил молодой солдатик в зеленом ватнике и шапке-ушанке с красной звездой, с автоматом Калашникова наперевес. К границе он нас пропускать не хотел, но, видимо, опасался, что одновременно с пятерыми может и не справиться, поэтому по телефону вызвал подмогу.

Вскоре на военном «уазике» приехал лейтенант. Естественно, как и все образованные монголы, он прекрасно говорил по-русски.

– У нас есть соглашение с китайцами, что на этом погранпереходе границу пешком переходить нельзя. – И тут же предложил: – Садитесь ко мне в машину, я вас отвезу.

Китай

Внутренняя Монголия

На китайской таможне мы были в девять часов утра, как раз перед открытием. И, таким образом, стали первыми иностранцами, входящими в Китай в новом тысячелетии, – по крайней мере, на этом участке границы.

Когда начался таможенный досмотр, первым пошел Володя Иванов. Китайцы заставили его вынуть все вещи и тщательно их прощупали. Вторым был Дима Становов. У него посмотрели только верхнюю половину рюкзака. Меня проверяли уже поверхностно, а остальных вообще пропустили без досмотра.

Заминка вышла с грузинским паспортом Георгия Канделаки.

– Джорджия? Это что за страна такая? – удивились таможенники.

– Это часть бывшего Советского Союза, – объяснил Георгий.

Не поверив ему на слово, китайцы подошли к висевшей на стене карте СССР и стали искать Грузию где-то в районе Колымы и Чукотки. И только с нашей помощью им все же удалось найти страну, первый представитель которой появился на этом затерянном в пустыне пограничном переходе.

Эрен-Хото – первый китайский город на нашем пути. Мы еще собственно и не попали в Китай, а лишь перешли из Внешней Монголии во Внутреннюю. Пейзаж совсем не изменился, и живут здесь те же монголы, что и с другой стороны границы, но мы с самых первых минут испытали настоящий «культурный шок». Никто не говорит не только по-русски, но и по-английски. Все надписи – исключительно китайскими иероглифами. Попытались установить контакт с местными жителями. Стали спрашивать, как пройти к банку и рынку, считая, что эти слова в век глобализации и Интернета должны быть понятны всем жителям Земли без перевода. Китайцы широко улыбались, кивали головой и показывали направление рукой (правда, почему-то под углом 45 градусов к горизонту). Однако, несколько раз потыкавшись туда-сюда, мы, наконец, поняли, что этим жестом в Китае посылают не куда-то конкретно, а, как у нас сказали бы, посылают на...

По городу мы ходили в окружении десятка зевак пешеходов. Их никогда не становилось ни больше, ни меньше. Когда те, кто уже удовлетворил свое любопытство, покидали нас, на их место сразу же прибывали другие. Если мы заходили в какой-нибудь магазинчик, «свита» терпеливо ждала на улице, а самые любопытные с нетерпением заглядывали в окна. Поблизости постоянно крутилось несколько велорикш, надеявшихся, что нам, наконец, надоест бродить пешком и мы куда-нибудь поедем.

Как удалось выяснить, поезда 1 января не ходят и с китайской стороны границы. Возле рынка с помощью случайно встреченного на улице русскоговорящего монгола мы нашли грязную, но дешевую гостиницу. За пятиместную комнату с фанерными стенами и одинарным оконным стеклом с нас запросили всего 10\$ (как позднее выяснилось, мы еще и переплатили – не умели правильно торговаться). Батареи не было, но вдоль стены проходит труба с горячей водой. Жарко там, конечно, не было, но пар изо рта не шел. А согревались горячим чаем. Кипятка в старых потрескавшихся трехлитровых термосах хозяева давали сколько угодно и бесплатно.

Утром хозяин гостиницы проводил нас до автовокзала, где уже шла погрузка на автобус до Пекина. В салоне вместо привычных сидений в два яруса установлены обычные кровати с толстыми матрацами, ватными одеялами и подушками. Настоящий отель на колесах!

Чтобы не разделяться, мы прошли на заднюю площадку, где была установлена широкая пятиместная лежанка. Однако расслабиться и уснуть нам не удалось. На ухабах и кочках трясло и подбрасывало. Так и казалось, что на следующей колдобине обязательно проломишь крышу автобуса головой. Жаль, что в обязательный комплект наряду с постельными принадлежностями не включили мотоциклетные шлемы.

По Внутренней Монголии мы ехали несколько часов, но не увидели ни одной машины: ни встречной, ни попутной. Но по мере приближения к Пекину дорога становилась лучше, а транспорта – больше. Да и вокруг тянулась уже не безжизненная пустыня, а засыпанные снегом поля с лесозащитными полосами, деревенскими домами и магазинами. Два раза – на завтрак и обед – останавливались у придорожных ресторанов (видимо, у тех, чьи владельцы платили шоферам комиссионные за клиентов).

Австралийское посольство в Пекине

В Пекин мы попали в самое неудобное время. Когда нас высадили из автобуса возле монументального здания Западного железнодорожного вокзала, было около трех часов ночи. Искать ночлег – поздно, а идти куда-нибудь по делам – рано. На площади перед вокзалом было темно, холодно и неудобно, но на углу нашлась круглосуточная закусочная.

Как только рассвело, мы пошли искать посольский район. Опытный Володя Иванов посоветовал:

– Нужно зайти в дорогой отель – чем шикарнее, тем лучше, – и попросить карту города.

Отелей перед вокзалом – десятки. И все одинаковые – новенькие небоскребы из стекла и бетона с мраморными лестницами и помпезными холлами. Зашли в первый же попавшийся на нашем пути и там сразу получили карту Пекина на английском языке. И интересно, что на ней нет российского посольства! Попытались спрашивать дорогу у китайцев. Большая часть прохожих вообще не понимала, что нам нужно. А те, кто понимал, не могли толком объяснить, куда идти. Либо мы не понимали их объяснений. Помощь пришла совершенно неожиданно. С заднего двора австралийского посольства выехала машина. Заметив наши затруднения, сидевший на заднем сиденье дипломат попросил шофера остановить и приоткрыл окно:

– Какие-то проблемы?

Тогда я первый раз столкнулся с тем, в чем позднее убеждался сотни раз, – в азиатских странах все европейцы, независимо от национальности, чувствуют себя чуть ли не «земляками» и стараются всячески помогать друг другу.

Собственно говоря, посольство само по себе нас не интересовало. Нам всего лишь нужно было узнать телефон пекинского представительства ИТАР-ТАСС (напомню, я оформил всех своих попутчиков как «группу российских журналистов»). И надо же: такое совпадение! Оказалось, оно находится всего в 300 метрах от австралийского посольства!

На входе в «дипломатический» квартал Тайюань стоит охрана. Но пропуска спрашивают только у китайцев, а европейцев пропускают свободно. Пекинские итар-тассовцы – Анатолий Тимофеев, Володя Федорук, Олег Литвинов и Андрей Кириллов – нас уже ждали. Спать, правда, пришлось по-походному – на холодном мраморном полу, но голодными нас не оставили: и сухим пайком обеспечили, и по ресторанам водили. Узнав, что после завершения путешествия я планирую написать книгу, меня попросили об одном одолжении:

– Только не пиши, что наше представительство открыто для всех. У нас все же не отель.

Я это и написал. И даже еще раз могу повторить: «Российские представительства за границей – это не бесплатные отели для безденежных путешественников».

На следующий день появились «герои Гоби» – с обмороженными щеками, руками и ногами, но живые и жизнерадостные. Мы сразу накинулись с расспросами, и Стася стала рассказывать:

– Как только вы уехали на вокзал, мы с Эдиком отправились на трассу. А там было пусто и холодно! Долго на одном месте не простоишь. Вот мы и пошли, надеясь, что нас кто-нибудь да догонит. Но так и прошли целый день, не встретив ни одной машины. Поздно вечером добрались до одинокой юрты. Мы заглянули попроситься переночевать, а попали на празднование Нового года и полночи пьянствовали. На следующее утро хозяева довезли нас на своей лошади до ближайшей станции, и дальше мы поехали на поездах. Правда, все равно бесплатно.

– А контролеры?

– С ними мы разыгрывали из себя «глупых иностранцев». Эдик просто молчал, а я на все вопросы говорила одно слово: «Бейджин» (Пекин). И никому, конечно, даже в голову не могло прийти, что у нас нет билетов. Так мы и доехали.

В лаосском посольстве нас уже ждало пересланное из Москвы разрешение на выдачу виз. Оставалось только заполнить короткие анкеты, заплатить по 14\$ и подождать один день. Так у нас появилось время на экскурсию по центру Пекина.

До площади Тяньаньмэнь и храма Неба мы шли по заснеженным проспектам, застроенным сверхсовременными отелями и офисными зданиями. А назад возвращались напрямик – по узким, почти не освещенным переулкам, все еще сохранившимся от Старого города. Там теснятся какие-то магазинчики, ресторанчики, забегаловки. Жизнь кипит: толпятся покупатели, между ними снуют прохожие и уличные торговцы. А в воздухе, несмотря на холодную погоду, витает аромат экзотических кушаний. На лотках продают тараканов, саранчу, личинок, ящериц. Их готовят там же, на открытых жаровнях. Жаль, что вскоре от всего этого не останется и следа. В центре китайской столицы идет интенсивное строительство, и старые дома сносят целыми кварталами.

Вечером Стася с Эдиком собрались ехать – у них китайская виза была не на 30 дней, как у остальных, а всего на две недели. Совершенно неожиданно для меня к ним присоединился и Георгий (планировалось, что, начиная с Пекина, мы с ним поедem на пару). Я попытался уговорить его задержаться еще на один день. Но мне это не удалось.

Оставшись без напарника, я временно, как мне тогда казалось, присоединился к Диме с Татьяной Александровной. Мы собирались выезжать на следующий день и догонять первую тройку где-нибудь в районе китайско-лаосской границы. Володя Иванов оставался в Пекине оформлять визы Гонконга и Макао – он озабочен тем, чтобы отметиться в как можно большем числе стран.

Вечером мы подготовили свои вещи, чтобы выехать как можно раньше, и сели выпить по кружке чая на сон грядущий. И тут Володя Иванов, как бы между делом, обмолвился:

– Кстати, Стася сегодня днем заходила в австралийское посольство.

– И что? – я спросил чисто из любопытства.

– Она говорила с консулом, и он ее заверил, что визу можно оформить всего за одну неделю, даже без приглашения и без собеседования.

Тут и я некстати вспомнил слова случайного попутчика в поезде о том, что некий чех специально приезжал в Китай оформлять австралийскую визу, которую на родине без приглашения получить не мог. Может, действительно в Пекине всем желающим направо и налево раздают визы в Австралию?

Соблазн быстро и легко получить нужные нам австралийские визы был велик. С утра зашли на разведку в австралийское посольство. Обстановка там была спокойная и деловая. Казалось, действительно визы дают без проблем. Да и неделя задержки вряд ли помешает нам догнать своих попутчиков. Придется лишь немного ускориться.

Я, Дима и Татьяна Александровна решили рискнуть, а хитрый Володя Иванов предпочел воздержаться. После того как заполнили анкеты и заплатили консульский сбор по 42\$ (юанями по курсу), неожиданно выяснилось: в связи с новогодними праздниками срок оформления виз увеличен до двух недель.

В принципе, в этом не было ничего страшного. Если гнать день и ночь без остановки, то даже с двухнедельной задержкой у нас оставались шансы догнать первую тройку, если не в Китае, то в Лаосе-то уж наверняка. Важнее было решить, чем заняться в предстоящие две недели. Далеко на юг не поедешь – все равно назад придется возвращаться. На север ехать – холодно. На восток, к морю? Зимой? Володя Федорук – он был для нас непререкаемым «экспертом» по Китаю – посоветовал:

– Отправляйтесь лучше в Сиань, древнюю столицу Китая. Это один из самых интересных городов страны.

Первый опыт китайского автостопа

В Китае людей много, но все чем-нибудь заняты. Если дорогу ремонтируют – дороги самой не увидишь, так много на ней рабочих, строящийся дом также облепляют, как муравьи. Вот и в метро: ни турникетов, ни автоматов нет. Билет нужно купить в кассе и, пройдя три метра, отдать его в руки контролеру. Люди оказываются при деле. Но порядка от этого больше не становится. В этом мы убедились, когда зашли на станцию через выход. Никто даже не удосужился нас остановить.

Западный вокзал поразил своей пустынностью. Оказалось, минут через десять уходит последний на сегодня поезд. После этого вокзал закрывается до утра. Поезд был скорый и для нас слишком дорогой, но выбора не было. Чтобы сэкономить, билеты купили только до самой первой остановки. Это была неизвестная для нас станция Бао-дунг. К сожалению, до нее поезд доехал всего за пару часов. Именно, к сожалению! Зачем нам куда-то идти посреди ночи? Мы и не пошли, а спокойно продолжили путь на том же самом поезде, с теми же самыми билетами.

Где-то на пятой остановке в вагон ввалила толпа крестьян. Среди них оказались и те, у кого были билеты на «наши» места. Они столпились в недоумении в проходе, перегородив дорогу напиравшим сзади мешочникам. Видимо, нам пора выходить.

Для ориентации в Китае приходится пользоваться двумя картами: на английском и китайском языках. Сравнив написанные на перроне иероглифы с «китайскоязычной» картой, я определил наше местонахождение, а по англоязычной карте прочитал название: станция Шидзяшуанг – примерно в четыре раза дальше от Пекина, чем «нужный нам» Баодинг.

На выходе из вокзала толстые женщины, одетые в форменные зеленые шинели, проверяли у выходящих пассажиров билеты. Причем, как оказалось, делают они это не формально, а очень даже внимательно. Бдительная контролерша, заметив, что у нас «липа», закрыла выход своей грудью и громко завопила. Ей на помощь тут же прибежало еще несколько человек в форме, судя по погонам, уже какое-то большое начальство. Вот попали так попали. Признаться, что мы специально заехали дальше, чем нужно, я не стал. Пришлось разыгрывать «глупых иностранцев».

– Вот у нас билеты. Мы в Баодунг едем!

Китайцы хором стали доказывать, что мы попали не в Баодунг, а в Шидзяшуанг. Я попытался их успокоить и предложил компромисс:

– Давайте мы все же выйдем с вокзала. И потом сами как-нибудь, при случае, доедем-таки до Баодунга.

Но когда китайцы поняли, что мы «заблудились», у них появилось огромное желание «спасти глупых иностранцев». Они что-то написали на обратной стороне билетов и повели

нас назад на платформу. Туда прямо как по заказу как раз подошел пекинский поезд. Проводника строго-настрого предупредили следить, чтобы эти «идиоты» опять не потерялись. Поэтому он ни на секунду не выпускал нас из виду, а в Баодунге так активно взялся помогать выйти, что чуть ли не силком выталкивал на платформу.

Но, что уж совсем удивительно, и в Баодунге нам с первой попытки выйти в город тоже не удалось. Оказалось, контролеры на выходе смотрят на билете не только на станцию назначения, но и на номер поезда. Такой там жесткий контроль. И без всяких там компьютеров или электронных сканеров!

Так, проехдив туда-сюда всю ночь (по крайней мере, в тепле) мы рано утром попали в Баодунг. Жизнь уже кипела. По тротуарам сновали прохожие, на рынках торговцы раскладывали товар, уличные кухни дымили – там жарили лепешки, заваривали лапшу. И все это на протяжении десятка километров! Но и после того, как вышли за границу города, вдоль дороги продолжала тянуться сплошная череда домов, только победнее.

Интересно, остановится ли кто-нибудь на вытянутый палец – стандартный жест хитч-хайкеров в США и Европе? И сможем ли мы объясниться с помощью двух известных нам фраз: «Ни хао» (здравствуйте) и «Во мейю цянь» (у нас нет денег).

На дороге показался рейсовый автобус типа нашего «пазика». Кондуктор, выполняя одновременно роль зазывалы, висел, высунувшись из открытой двери. Приняв нас за потенциальных пассажиров, он начал что-то истошно вопить. Едва автобус остановился, кондуктор тут же из него выскочил и стал нас хватать за руки, приглашая внутрь. Еле от него отбились. Со вторым автобусом – та же самая история. Поэтому, как только мы увидели третий автобус, то сами стали истошно орать и размахивать руками, показывая, что не хотим в него садиться. Этот проехал мимо. Но вскоре появился следующий! А ведь в промежутке между ними приходилось еще и от такси отмахиваться.

Машины, на которых хотя бы теоретически могут подвозить попутчиков бесплатно, в потоке автобусов, такси, велосипедистов, телег, тракторов и другого «бесполезного» транспорта вычислить удивительно трудно. Пока мы этим занимались, китаец из соседнего дома подошел помочь «глупым иностранцам». И с легкостью тут же застопил... автобус. Объяснить, что нам это не надо, было невозможно.

Видимо, неправильное место выбрали. Прошли еще пару километров. Но там повторилось то же самое. Сделали еще несколько попыток. И нигде нам больше 10 минут простоять не дали. Обязательно появлялся какой-нибудь доброхот и тормозил автобус. Как втолковать ему, что мы в такой помощи не нуждаемся (действительно, что мы делаем на дороге, если не пытаемся уехать?). Проще махнуть рукой и пойти куда-нибудь в поисках более подходящего места.

Потратив на изучение китайского автостопа целый день, мы столкнулись с удручающим результатом. Нам не удалось застопить ни одной попутки! Возможно, это объяснялось тем, что мы голосовали втроем, или тем, что выбрали какую-то очень глухую дорогу. Но факт остается фактом. Первый блин комом!

И при этом нельзя сказать, что китайцы нас совсем не замечали. Совсем наоборот! Когда мы проходили по улице очередной деревеньки (она начиналась, как только заканчивалась предыдущая), прохожие улыбались, приветствовали возгласами «Хеллоу!» или «Гуд бай!»; все, кто занимался какими-либо своими делами, сразу же бросали их, для того чтобы на нас посмотреть: высовывались в окна, толпились в дверях.

Утомившись от долгой ходьбы, мы остановились немного передохнуть. Из ближайшего дома выскочила китайка и жестами пригласила внутрь. В большом зале в одном углу стояли три круглых ресторанных столика со стульями, а в другом – торговый прилавок с типичным набором продуктов: пакетная лапша, печенье, конфеты, чай... Дело было под вечер, а из-за аварии на линии свет не горел. Зал, освещенный редкими свечками, был пуст и

погружен в темноту. От горячего чая мы отказываться не стали. Потом предложили и поесть. Меню даже показывать не стали, на стол накрыли по своему выбору.

Весть о появлении в деревне иностранцев быстро разнеслась по округе. Со всех концов деревни собирались родственники и их соседи, услышавшие о визите странных европейцев-пешеходов. Общались с помощью русско-китайского разговорника. Один пожилой китаец пригласил к себе переночевать. Показали ему фразу «Сколько это стоит?». Ответ он написал на бумажке – «100 юаней». Нет. Так не пойдет. Интересно, а за еду с нас сколько запросят? Китайцы долго и горячо спорили между собой и сообщили: «30 юаней».

Вот так мы первый раз и побывали у китайцев «в гостях».

Как бы там ни было, проблема ужина была решена. Осталось найти ночлег. Постучали в первый попавшийся дом. Дверь открыли, но внутрь не пригласили. То ли не поняли, что нам нужно, то ли не захотели понять. Короче, послали куда подальше.

Палатку поставить? Снега нет, но холодно, мокро и промозгло. Свернули на поле, а там – грязь по колено. Пришлось вернуться на дорогу. Было уже очень темно, хотя не поздно – зимой ведь дни очень короткие. Автобусы еще продолжали ходить. И, конечно же, все притормаживали, как только свет фар выхватывал на пустынной дороге троих европейцев с рюкзаками.

Нам и днем-то не удалось никого застопить, а уж в темноте можно было и не пытаться. Мы и не пытались. Джип с крупными белыми иероглифами на боку остановился сам. Я сразу же вспомнил о том, как Володя Федорук в Пекине рассказывал истории про иностранцев, случайно попавших в запрещенный район и долго потом мыкавшихся в китайских застенках как «шпионы». Может, и мы сейчас возле сверхсекретного объекта?

Полицейские, а это оказались именно они, попытались завязать разговор. Но мы с китайцами могли общаться только при помощи разговорника: выбирали на русском языке подходящую фразу и показывали пальцем соответствующую ей строчку китайских иероглифов – имитировать китайскую речь даже не пытались. Китайцы, если они хотели нам ответить, должны были делать с точностью до наоборот. В темноте же такой способ не годился – просто не видно, куда пальцем тыкать.

Подожли к фарам. Я достал разговорник и начал с наиболее подходящей, как мне тогда показалось, фразы: «Мы – члены правительственной делегации». Полицейские долго рылись в разговорнике, но подходящего ответа так и не нашли. Стали жестами приглашать нас в машину. Я попытался отказаться, но нежелание ехать они расценили как недоверие.

– Вы не бойтесь, мы – полицейские!

Мы и не боялись. Сели в машину и поехали, причем в нужном нам направлении и бесплатно. Вот он – первый успешный опыт китайского автостопа! Если так же удачно пойдет и дальше, то следующая попытка может оказаться тюремным «воронком».

Приехали к зданию казармы. В просторной комнате с покрашенными в темно-синий цвет стенами и тремя десятками кроватей на спинках стульев и на вбитых в стену гвоздях висели комплекты полицейской формы или отдельные предметы снаряжения. Особенно много было фуражек – полицейские еще не перешли на летнюю форму одежды и ходили в шапках-ушанках. Несколько кроватей пустовало. Может, нам хотят предложить здесь переночевать? Почему-то именно так, причем одновременно и не сговариваясь, мы все и подумали.

– Я эту кровать занимаю, – сказал Дима.

– А я эту, – тут же среагировала Татьяна Александровна, ничуть не испугавшись перспективы провести ночь в казарме.

И тут нас пригласили в кабинет. Начальник встретил сурово.

– Паспорта! – это оказалось единственное известное ему английское слово.

А паспортов-то как раз и не было! Они остались в австралийском посольстве. У нас на руках были только их ксерокопии и еще какие-то несерьезные бумажки. Мы вывалили весь ворох на стол. Полицейские стали с интересом их разглядывать. И сразу же стало понятно, что для них тексты на русском или английском несут не больше смысла, чем для нас строчки китайских иероглифов.

– Куда вы едете?

Я показал на карте национальный парк, в сторону которого мы целый день упорно шли пешком.

– А зачем?

Ответил бы, если бы знал, что сказать. Но, честно говоря, мы и сами не знали, зачем нам сдался этот парк. Пришлось придумывать хоть какое-то разумное объяснение нашего, честно говоря, странного поведения.

– Переночевать.

Полицейские облегченно вздохнули – они, очевидно, и остановились-то на дороге именно для того, чтобы помочь нам найти ночлег, – как все остальные встреченные в этот день китайцы рвались посадить на автобус. Стали звонить в самый шикарный отель. Там на хорошем английском мне сообщили, что за ночь придется заплатить по 40\$. Пришлось объяснять полицейским, что у нас не то чтобы совсем нет денег, но их не так много, как должно бы быть, если бы мы были западными туристами-бэкпакерами. И все это с помощью фраз из русско-китайского разговорника. До сих пор удивляюсь, и как мне это удалось?

Вскоре на том же самом джипе полицейские повезли нас на поиски подходящей гостиницы. И опять же в попутном направлении. Автостоп продолжается!

Попетляв по улочкам какого-то мелкого городка, мы остановились в темном переулке у рынка, возле освещенного керосиновыми лампами магазина. Полицейские представили нас его хозяйке. Они же взяли на себя ведение переговоров и сообщили нам конечный результат: есть комната на троих за 30 юаней (3.75\$). Мы согласились, даже не посмотрев, что нам предлагают. Лишь бы избавиться от навязчивой опеки со стороны китайских правоохранительных органов.

Полицейские с чувством выполненного долга уехали, а мы пошли осматривать уже оплаченные «апартаменты». Как оказалось, мы заплатили за комнату в пристройке с одинарным оконным стеклом и фанерной внешней стенкой, вдоль которой проходит труба с горячей водой. Там было достаточно тепло, чтобы снять головные уборы, но недостаточно жарко, чтобы остаться без верхней одежды. Едва мы освоились, как опять появилась хозяйка.

– Не хотите ли принять ванну?

Ну кто бы после долгого трудного дня отказался от заманчивого предложения понежиться в горячей воде. Пошли посмотреть. Долго петляли по длинному кривому слабоосвещенному коридору, захламленному коробками, старыми стульями, детскими игрушками. Вышли во внутренний двор. Там стояла железная бочка из-под бензина с дождевой водой. Хозяйка взяла висевшую на бортике эмалированную кружку и несколькими уверенными движениями расколола толстый слой льда – на улице-то было -30 °С. Жестами показала, как следует мыться: зачерпывать воду и лить прямо на себя.

Вот вам и ванная. Грязная вода должна стекать в сточную канаву. Может, ее используют и по прямому назначению? Но нет. Санузел там оказался отдельный. Можно даже сказать, о-о-очень отдельный. До туалета типа «Эм-Жо» было как минимум метров двести. Он находился на противоположном конце скрывавшейся в темноте рыночной площади. Еще хорошо, что хозяйка обеспечила нас фонариком.

На следующий день с упорством, достойным лучшего применения, мы продолжали двигаться вперед, постепенно удаляясь от цивилизации. Полдня прошли в безуспешных

попытках остановить хоть что-нибудь, кроме надоедливых автобусов. Наконец удалось тормознуть легковушку.

– Во мейю цянь (нет денег), – это все, что я смог сказать водителю.

То, что нас нужно подвезти, я пытался объяснить с помощью жестов. Но это мне не удалось. Я не придумал ничего лучше, чем опять повторить:

– Во мейю цянь.

Водитель достал из кармана 10 юаней, вручил мне и... уехал.

Потом мы все же застопили микроавтобус. Он довез нас до стоянки такси. Ну вот, как уже было в Сухэ-Баторе, сейчас начнутся истеричные вопли, подумал я, но не угадал. Водитель денег от нас не ждал. Хотя проехали мы с ним всего-то километров двадцать, главное было сделано: мы наконец-то убедились, что и в Китае существует автостоп.

Национальный парк, до которого мы так долго и упорно добирались, оказался озером. Наверное, оно действительно прекрасно. Весной. Летом. Или осенью. Но никак не зимой, когда поверхность воды, скованная льдом и занесенная снегом, ничем не отличается от окружающих полей. И для того, чтобы в этом убедиться, мы потратили два дня!

На центральной площади – стоянка автобусов. 50 километров до Баодунга, которые мы проехали «автостопом» за два дня, автобус преодолел всего за полтора часа. Да и билеты стоили по 5 юаней! И за что боролись?

Первый же прохожий, которому мы показали фразу из разговорника «Где здесь ближайший отель?», отвел нас в общежитие автобусного парка. На четвертом этаже – гостиница. Как в песне Владимира Высоцкого: «Система коридорная – на сорок восемь комнаток всего одна уборная».

Комната нам досталась четырехместная. Здесь было значительно теплее, чем в деревенской гостинице, в которой мы провели предыдущую ночь: стояли настоящие кровати с постельным бельем, и даже был цветной телевизор (с тремя программами на китайском языке). Но цена почему-то была та же самая – 30 юаней за троих. На это «магическое число» мы потом и ориентировались, когда торговались в китайских гостиницах.

Помощники и хэлперы

Несмотря на удручающий результат двух первых дней, мы продолжили изучать китайский автостоп. На этот раз дорогу выбрали более оживленную – идущее на юг шоссе.

И там было трудно найти подходящую позицию. Поблизости от жилых зданий, учреждений, кафе, рынков и т. д. – любых мест, где много народу, голосовать нельзя – не дадут спокойно простоять и пяти минут. Китайцы однозначно понимают, что европейцы вышли на дорогу для того, чтобы остановить автобус или такси. И переубедить их в этом невозможно. По крайней мере, с нашим уровнем китайского языка.

И все же нас подвозили. На первом микроавтобусе добрались до ближайшего городка, на втором проехали еще километров двадцать, на третьем – примерно столько же. По дороге нас угостили горячими китайскими пельменями, завезли пообедать в придорожный ресторанчик. Однако в целом автостоп оставлял желать лучшего.

Место назначения мы определяли путем сравнения двух карт Китая – на английском и китайском языках. Но чтобы понять, куда мы попадали, этого было недостаточно. Когда нас высаживали в каком-нибудь городке, я поначалу пытался выяснить наше местоположение. Но всегда безрезультатно. В разговорнике, конечно, нет фразы: «В каком городе мы находимся?», поэтому приходилось уповать на язык жестов. Остановив кого-нибудь из прохожих, я показывал пальцем на землю перед собой, потом на карту (на китайском языке!). Китаец внимательно рассматривал карту, обязательно переворачивал ее на обратную сторону, чтобы узнать, что там написано, затем смотрел вниз, почему-то наверх и смущенно улыбался.

Поэтому, если сейчас кто-то спросит меня, в каком городе мы оказались следующим вечером, я только и смогу, что с удивлением смотреть на карту Китая и... улыбаться. К счастью, на конкретный вопрос: «Где здесь ближайшая гостиница?», нас сразу же направили в соседний дом, где оказалось... женское рабочее общежитие. Там меня с Димой, несмотря на все китайское уважение к иностранцам, принять не захотели. Пришлось идти дальше. И то ли нам просто повезло, то ли там (в этом неизвестном для нас китайском городке) гостиницы были в каждом доме, но по соседству с общежитием мы нашли свободную трехместную комнату все за те же 30 юаней.

В городах находить гостиницы мы легко научились, но следующая ночь застала нас возле какой-то глухой деревни. С обеих сторон разбитой колеи, служащей в качестве главной улицы, высились трехметровые глинобитные стены с массивными железными воротами. Только заглянув в щелку, можно разглядеть внутренний двор, куда выходят и двери, и окна дома. И лишь вдалеке светился одинокий уличный фонарь. Как выяснилось, он освещал деревенский магазин. При нем тоже был «гостиничный номер» – но только на одного, максимум на двоих.

Хозяйка магазина вызвалась отвести нас в деревенский отель. Он оказался обычным трактиром. Посреди просторной комнаты стояла натопленная печка-буржуйка. Возле нее три человека пили пиво, ели лапшу и смотрели старый черно-белый телевизор. Комната для гостей отделена от обеденного зала грязной засаленной занавеской. Внутри тоже не чище: стол завален мусором, три дряхлых топчана застелены ватными одеялами, натуральный цвет которых уже нельзя определить под слоями грязи. Через окно с одинарным стеклом, покрытым паутиной и толстым слоем пыли, тянет холодом. Какая температура внутри, можно догадаться по тому, что при разговоре идет пар изо рта. И в дополнение ко всему – устойчивый запах кухни: уксус, кислая капуста и вонючее жареное сало. Но всего за 10 юаней за троих. Дешевле – только даром! Спать, конечно, пришлось в спальных мешках, но для тепла можно было накрыться ватными матрацами.

Утром вахтовый автобус с железнодорожниками подбросил нас до какой-то станции. Там нами – единственными европейцами – заинтересовались два бизнесмена лет под пятьдесят – первые англоговорящие китайцы на нашем пути. А когда выяснилось, что они даже знают, что такое хитч-хайкинг, я тут же попросил написать нам в разговорнике фразу «Подвезите, пожалуйста, нас по пути, бесплатно». И автостоп сразу стал значительно легче. Увидев строчку знакомых иероглифов, все водители сразу же озарялись широкой улыбкой и радушным жестом приглашали к себе в машину.

Автостоп в Китае медленный и даже более дорогой способ передвижения, чем общественный транспорт. Поэтому мы не стали выбираться на окраину поселка в поисках трассы, а за сорок минут, заплатив всего лишь по 2 юаня, на местном поезде доехали до Шидзяшунга (четыре дня назад мы там уже были, но не смогли выйти со станции).

Мы уже несколько ночей провели в гостиницах и с нетерпением ждали, когда наконец-то спустимся на юг так далеко, что сможем спать в палатке. И вот, казалось, этот момент настал: и населенных пунктов вдоль дороги не было, и погода подходящая: не то чтобы очень жарко, но и не мороз, да и снега нет.

Свернув с шоссе на пустое и абсолютно гладкое поле – китайцы убирают все подчистую, – мы поставили палатку, которую Дима тащил из Москвы, но еще ни разу не использовал по прямому назначению. Вообще-то она двухместная, но мы и втроем в ней поместились – в тесноте, да не в обиде. Только обувь девать было некуда, и пришлось выставить ее наружу – как раз и проветрится за ночь.

За день так умаялись, что уснули быстро и крепко. Утром я почувствовал: что-то не так. Но что именно? Выглянул наружу и остолбенел. Все вокруг покрыто... десятисанти-

метровым слоем пушистого снега. Красота неопиcуемая. Ах, да. Мы же ботинки снаружy оставляли. Найти их удалось только на ощупь, под толстым слоем снега.

Пока собирались и сворачивали палатку, согрелись. Но ноги оставались мокрыми. Сейчас бы горячего чаю, а лучше чего-нибудь покрепче. К счастью, в Китае нет ничего легче, чем найти заведение общепита: ресторан, столовую или забегаловку.

Обедали мы обычно примерно за 10 юаней на троих (1,2\$). Чашка риса на каждого – по 1 юаню плюс одно блюдо из списка за 7—10 юаней. Меню, если оно вообще было, конечно же, на китайском языке. Мы наобум выбирали какое-нибудь блюдо из списка и гадали, что же принесут – овощи, мясо или рыбу. Одно неудобство – садиться обязательно приходилось спиной к кухне – лучше не видеть, в каких условиях готовят и как моют посуду (обычно в тазу, где до этого мыли и мясо, и овощи).

В одну из таких типичных забегаловок мы и ввалились. О ее уровне можно судить уже по тому, что меню не было совсем, даже на китайском языке. Больше того. Хозяин – он же одновременно и повар, и официант – оказался неграмотным. Пришлось тыкать пальцем. Вскоре у нас на столе было два блюда: вареная капуста с перцем и соевая лапша. Заказали по стопке водки. Хозяин принес бутылку. Мы приняли внутрь по 50 граммов для дезинфекции, потом еще по столько же – для профилактики простуды, а потом допили остаток, чтобы не пропадал.

Автостоп с помощью фразы: «Подвезите нас, пожалуйста, по пути бесплатно», стал значительно легче. Но не быстрее. На покрытых толстым слоем льда вперемешку со снегом дорогах сновали автобусы, грузовики, велосипедисты, мотоциклисты, трактора, телеги, крупный рогатый скот и пешеходы. Поэтому и легковушки разогнаться не могли.

Обычно в Китае легко найти гостиницу. Они там на каждом шагу, плюс – при магазинах, ресторанах и рынках также есть комнаты для постояльцев. Но, попав поздно вечером на окраину Шеньчжоу, мы впервые столкнулись с отсутствием свободных мест. Только в одном месте нам предложили «апартаменты». Вход был прямо с улицы, в комнате – голые бетонные стены, пол и потолок, а в центре – жаровня с углем. У стены стояли широкие нары с кучей грязных ватных одеял. Видели и хуже. А цена?

– 200 юаней.

– Может, 20? – не поверив в серьезность такого предложения, переспросил я.

– Нет, 200.

Видимо, с кем-то нас спутали. Придется идти дальше.

С обеих сторон дороги стояли недостроенные здания. Заглянули в один дом, а там груды строительного мусора, ни дверей, ни окон, ветер гуляет свободно. Во втором – то же самое. И только в третьем мы нашли уютную комнату со сравнительно чистым полом и окном во двор. Там и поставили палатку. Когда мы проснулись утром, во всех домах, кроме «нашего», уже кипела работа. То ли случайно нас не побеспокоили, то ли постеснялись это сделать?

В Шеньчжоу гололед был страшный. Пока мы три часа шли до вокзала, каждые пятьдесят минут слышался вскрик и шлепок падения тела или велосипеда. Самим приходилось демонстрировать чудеса эквилибристики.

К нам часто подходили с просьбой сфотографироваться на нашем фоне, – в Китае это считается очень престижным. От одного из любопытных, подошедшего к нам попрактиковаться в английском, мы узнали, что неподалеку от города находится знаменитый монастырь Шао-линь.

На вокзале нам легко удалось определить, на какой поезд брать билеты. Но к какому из 22 окошек занимать очередь? Если ошибешься, то придется еще два часа отстоять – уже в другую кассу. А очень не хочется! Нам на помощь пришли два приятных молодых человека, сносно изъяснявшихся по-английски.

– Поезда до Шаолиня не идут, и вам придется добираться с пересадкой. Поезжайте лучше на прямом автобусе – это значительно удобнее, – объяснили они нам, и сами вызвались проводить до автовокзала.

Как оказалось, автовокзал стоит на противоположной стороне привокзальной площади. Идти было от силы минуты три-четыре. Добровольные помощники – хэлперы – быстро купили нам билеты (за наши деньги). И... стали требовать:

– Теперь заплатите нам по 10 юаней!

Говорить, что у нас вообще нет денег, было уже поздно. Пришлось платить. Конечно, не по 10 юаней, а всего 10 на троих, но и это будет нам впредь наукой.

Когда мы отделались от хэлперов, выяснилось, что помощь была не только корыстной, но и бестолковой, – они нам купили билеты на автобус, отправляющийся следующим утром (потому-то в эту кассу и не было очереди!). Пришлось возвращаться на вокзал.

На этот раз мы обратились за помощью к железнодорожнику в форменной шинели. Он и показал нам нужную кассу.

Заснеженный монастырь Шаолинь

На трассе перед поворотом к Шаолиню стоит бронзовая скульптура мастера кунг-фу. От нее до монастыря еще километра три сплошной череды сувенирных лавочек. Вход на территорию монастыря охраняется. С иностранцев за входные билеты берут по 40 юаней. Для нас это слишком дорого. Придется идти в обход. И ведь буквально в пяти метрах от официального платного входа нашлись распахнутые настежь ворота!

Монастырь Шаолинь («монастырь в мелколесье») основал в конце V в. индийский монах Бато. В VI в. сюда попал знаменитый буддистский проповедник Бодхидхарма. Не найдя людей, готовых воспринять его оригинальное учение, он удалился в горную пещеру и девять лет провел в медитации, сидя лицом к стене. Говорят, от долгого сидения у него откалывали ноги. И, чтобы встать, ему пришлось сделать зарядку. Именно эти физические упражнения и стали основой у-шу или, как его еще часто называют, – кунгфу. А пещера Бодхидхармы стала одной из главных шао-линьских святынь.

Монастырь прославился на весь Китай во времена династии Тан. Тринадцать монахов, вооруженных лишь деревянными дубинками, сумели разгромить армию мятежников и захватить в плен ее главаря – сановника Ван Шичу-на. Это произвело на императора Тайцзуна такое неизгладимое впечатление, что он присвоил Шаолиню почетное звание Первого монастыря Поднебесной. С тех пор все, кто хотел стать настоящим мастером боевых искусств, приезжали в Шаолинь тренироваться под руководством здешних монахов, передававших секреты мастерства из поколения в поколение.

На территории монастыря и сейчас есть несколько бойцовских школ-интернатов. Несмотря на сравнительно прохладную погоду, во внутренних двориках я увидел сотни молодых людей в тренировочных костюмах. Одни махали руками и ногами, другие – бамбуковыми палками, третьи – колошматили друг друга деревянными мечами.

Прогулявшись по территории монастыря, мы обнаружили «внутренний монастырь», также окруженный высокой стеной. Его построили еще во времена династии Мин. Но в 1923 г. здание сгорело дотла. Осталось всего лишь несколько никому не нужных в коммунистическом Китае полуразрушенных павильонов.

В 1970-х гг. на экранах западных кинотеатров с огромным успехом стали идти фильмы с участием Брюса Ли. В некоторых из них действие якобы происходило на территории монастыря Шаолинь. Постепенно все больше и больше туристов стремилось увидеть «распиленный» монастырь воочию. Именно для них и стали в 1980 г. восстанавливать заброшен-

ные за ненадобностью руины. То, что можно увидеть сейчас, построено в конце XX в. Хотя и по старым образцам.

Внутренний монастырь окружен стеной от 2,5 до 3 метров высотой. Мы обошли вокруг, но никаких калиток или хотя бы проломов не обнаружили. Вернулись к центральному входу. Там посетителей встречает ярко раскрашенный смеющийся Будда Майтрея, которого в Китае часто называют «Буддой с большим животом». Весь его вид выражает оптимизм, радость и беспричинное веселье (считается, что в заплечном мешке у него хранится сущность всего мира – Великая Пустота). Интересно, что билетер, который по совместительству выполнял также роль охранника, несмотря на то что целыми днями стоял по соседству с символом безграничного веселья, остался худым и грустным. Без билетов – по 10 юаней – он нас ни за что пропускать не хотел.

Посреди первого двора стоит огромное раскидистое дерево, а слева виден замкнутый с четырех сторон «Двор кулачного искусства». Там раньше проходили тренировки монахов, а сейчас в нишах установлены окрашенные в темный красно-коричневый цвет гипсовые скульптуры: монахи в кимоно изображают основные элементы техники кунг-фу.

В поисках ночлега мы обратились в ближайший отель. Там с нас запросили 80 юаней и вначале не хотели уступать. Видимо, по ошибке приняли за богатых иностранцев. Но китайцы – прирожденные торговцы, и когда они поняли, что с нас много не получишь, а клиентами зимой, когда туристов раз-два и обчелся, пренебрегать не стоит, нам нашли-таки трехместную комнату – за все те же «магические» 30 юаней.

Вечером к нам в комнату постучали и сразу же вошли двое серьезных мужчин.

– Секретная служба, – сказал один из них по-английски и в доказательство показал удостоверение с зеленой корочкой и текстом из китайских иероглифов.

И на фото все китайцы на одно лицо, и иероглифы для нас – китайская грамота. Как понять, действительно ли они те, за кого себя выдают? Пришлось поверить на слово. Но и наш ответ был в том же стиле – в ксерокопиях наших паспортов не было ни одного иероглифа. Вот и пообщались.

Двор, крыши и памятники покрывал толстый слой пушистого снега, продолжавшего хлопьями падать с неба. Монастырь выглядел заброшенным. Никаких посетителей в это январское утро не было. В засыпанных снегом горах нельзя разглядеть признаков человеческой деятельности. Удивительно, что в самой населенной стране мира есть такие пустынные места.

Спустившись с гор в ближайшую деревню, мы пришли на автостанцию. Шофер стоявшего там единственного автобуса радостно предложил довезти нас до Лояна за... 300 юаней. Опять нас принимают за богатых интуристов!

К счастью, пешком долго идти не пришлось. Вскоре нас нагнал грузовик. В кабине уже было два человека, но и для троих путешественников с тремя огромными рюкзаками нашлось место. Как я потом неоднократно убеждался, у нас с китайцами разные представления о тесноте. Но нас, видимо, объединяет пословица: «В тесноте, да не в обиде».

Дорога была запружена автобусами, машинами, тракторами, повозками, велосипедами, скотом... А ведь еще и гололед! В результате мы полдня плелись до Лояна со скоростью не выше двадцати километров в час.

Сиань – древняя столица Китая

У железнодорожного вокзала Лояна нас сразу же окружили хэлперы. Один брался ответить к туалету, хотя его и так было видно, другой – порывался сопровождать до билетной кассы, которую найти еще легче. Еле-еле отбились.

Билет на поезд предпочли покупать без посторонней помощи. И опять же только до первой остановки. Интересно, как далеко нам удастся уехать на этот раз?

Контролеры шли один за другим. Пока не выехали из «оплаченной» зоны, мы были готовы к проверке. Но и при этом я заметил интересную особенность: билет спрашивали только у кого-то одного. Как будто китайцы принимают группу европейцев как одно цельное существо. Полагая, что ночью они постесняются нас будить, мы с Димой завалились спать, а Татьяна Александровна замешкалась. И тут появились очередные контролеры и подошли к ней. Прикидываться спящей было уже поздно. Оставался самый надежный способ – сыграть «глупого иностранца».

Татьяна Александровна стала тщательно проверять все свои многочисленные карманы, доставая и внимательно разглядывая завалявшиеся там бумажки. Наконец в недоумении развела руками – не могу, мол, найти. Контролеры, казалось, ничуть не удивились. Ну, что взять с бестолковых иностранцев! И пошли себе дальше.

В общем вагоне китайского пассажирского поезда народу обычно невпроворот, и все постоянно что-нибудь едят. К титану с кипятком выстраивается очередь из желающих заварить лапшу. На каждой станции пассажиры покупают новые порции жареных кур, шашлыков, семечек, лепешек... Мусор и объедки, не задумываясь, бросают себе под ноги. Когда он уже начинает мешать проходу, появляется проводник и подметает. Но чистота, пусть и относительная, держится недолго. Ощущение, что едешь не в поезде, а в какой-то захудалой закуской на колесах.

В Сиане мы были готовы к тому, что и на выходе из вокзала будет контроль. Поэтому вопрос не попали. Первым шел Дима. В ответ на просьбу показать билет он сделал неопределенный жест рукой и по-русски сказал: «Билеты сзади». Я поступил точно так же. Шедшая же последней Татьяна Александровна, наоборот, стала утверждать, что билеты были у одного из нас. Мы же к тому времени уже растворились в плотной толпе на привокзальной площади. Контролерша, в очередной раз убедившись в невообразимой «глупости иностранцев», поднимать тревогу и звать начальство не стала. Да и поздно. Двоих-то она уже пропустила! Пришлось и Татьяну Александровну отпустить с миром.

Сиань (в переводе с китайского Западный мир) – нынешний административный центр провинции Шэньси – с XI века до н. э. на протяжении более 1000 лет был столицей тринадцати древнекитайских династий. Хотя в бурных водах китайской истории XX в. большую часть памятников разрушили, там еще осталось, на что посмотреть.

Еще до старта кругосветки я понимал, что расходы на посещение достопримечательностей не впишутся в наш очень ограниченный бюджет. Но и проехать по миру, побывав только на вокзалах, в гостиницах и закусочных, по меньшей мере, глупо. У нас были «рекомендательные письма» на английском и испанском языках. Знаток китайского языка Паша Лак сделал «бумаги» и на китайском языке – мы называли их «дадзыбао» (по аналогии с распространенными в Китае в период «культурной революции» настенными плакатами).

В нашем «дадзыбао» был текст примерно такого содержания (не знаю, насколько точен был перевод): «Предъявитель сего документа является великим другом китайского народа. Он приехал в Китай для изучения культуры и обычаев страны. Всех официальных лиц просим оказать посильную помощь в выполнении этой миссии». Для большей солидности текст закреплялся моей подписью и печатью «Школы автостопа» (на русском языке!).

Для первого испытания «дадзыбао» мы выбрали трехэтажную колокольную башню Zhong Lou на центральной площади Сианя. К контролеру на входе подошла Татьяна Александровна, а я снимал все происходящее на видео – настоящее реалити-шоу.

Контролер внимательно, по слогам, прочитал «дадзыбао», потом почему-то заглянул на обратную сторону (странно, но так поступают практически все китайцы) и жестом показал – проходите. Хотя в бумаге была просьба помогать только ее предъявителю (у каждого

из нас был свой экземпляр), но, как мы уже знали, китайцы обычно принимают группу иностранцев как единое целое. Поэтому, когда Татьяну Александровну пропустили, мы спокойно вошли следом, уже ничего, кроме своих европейских физиономий, не предъявляя.

А вот в соседний музей – на краю той же площади стоит еще одна башня – нас бесплатно уже не захотели пустить. Если в первом случае мы обращались к контролеру, который сам лично билетов не продает, а только проверяет их наличие, то во втором – показывали свое «дадзыбао» контролерше, которая еще и кассирша. Она в принципе не могла понять, как можно кого-то пропустить внутрь без билета. И тем более она не могла дать билеты бесплатно – ей придется за них отчитываться. Поэтому, чтобы подняться на городскую стену (кстати, это самая длинная в мире городская стена – мини-аналог Великой Китайской стены), мы специально выбрали тот вход, где продажей билетов и их проверкой занимаются разные люди.

При входе в знаменитый Музей Бэйлинь наше «дадзыбао» вызвало удивительную реакцию – мы, как обычно, показывали только одну бумагу на троих. Его прочитали все, начиная от контролера на входе, заканчивая директором. Узнав, что «нам нужно оказывать всяческую помощь», они, казалось, были уже готовы пустить шапку по кругу для сбора спонсорских средств. И были даже немного разочарованы, когда оказалось, что требуется такая мелочь, как бесплатный вход (кстати, три билета в этот музей стоят 60 юаней – 7\$).

Мимо Великой Китайской стены

До Тайюаня ехали всю ночь – уже привычным для себя «методом одной остановки». Идя пешком к выезду из города, мы случайно попали на бесплатную дегустацию нового сорта китайской водки. Идти сразу стало веселее, хотя вокруг расстилалась безжизненная пустыня, в которой лишь изредка встречались одинокие глинобитные хижины.

Дорога была удивительно пустынной. По мере подъема в горы становилось все холоднее и холоднее. Пронизывающий до костей ветер нес мусор и угольную пыль.

Грузовичок с крытой кабиной (он не имел ни надписей, ни табличек с иероглифами) мы приняли за вахтовый автобус. В кузове на установленных вдоль бортов длинных скамейках уже сидели люди в грязных засаленных ватниках и форменных шинелях. Мы к ним присоединились.

Проехали километров десять. На пустынном повороте грузовик свернул с трассы, и водитель... стал требовать денег за проезд. Показали ему записанную на бумажке иероглифами фразу: «Подвезите нас, пожалуйста, по пути бесплатно». Но это не помогло. Он стал грозить полицией и доказывать, что работает как таксист. Оставалось только развести руками.

Ветер усилился до такой степени, что на него можно было лечь. Идти приходилось, сильно склонившись в сторону. Но и деваться некуда. Вокруг не было никаких признаков жилья – только заброшенные полуразвалившиеся глиняные мазанки. Сзади нас медленно догонял груженный под завязку углем грузовик. В кабине уже сидело двое – водитель и его помощник. Я не стал махать рукой – видно же, что машина полная. Но грузовик остановился. И для трех путешественников с огромными рюкзаками там нашлось место. Хотя сидеть пришлось, как килькам в банке, как говорится, «лучше плохо ехать, чем хорошо идти». А ехали мы очень-очень медленно. Грузовик был явно перегружен сверх всякой меры и на крутых серпантинах не мог разогнаться до скорости больше 10 км/час.

До перевала оставалось около 30 километров. Но дорога заняла часов пять. И при этом нас ни разу никто не обогнал! Никакого транспорта, кроме тяжелогруженных самосвалов с углем, там нет. Именно за их счет и выживают редкие прилепившиеся на крутых безжизненных склонах деревушки. Практически у каждой из них расчищена маленькая площадка

для остановки двух-трех машин. Дети лет 10–12 за вполне умеренную плату поливают из шланга холодной родниковой водой перегретые тормозные колодки.

В нашем грузовике перегревались не только тормоза. В моторе, видимо, тоже от перегрева, потекла прокладка. На одном из перевалов мы остановились, чтобы ее починить своими силами. Но это не удалось. Пришлось еще медленнее, чем раньше, тащиться к первой мало-мальски крупной деревне. Когда мы остановились там для ремонта, все местные жители, естественно, сразу же забыли о своих делах и собрались вокруг поглазеть на иностранцев. Такая реакция была для меня уже привычной. В Китае мы вызывали фурор практически везде, кроме самых туристических мест. Но что поразило именно в этой деревне – там не нашлось ни одного «знатока» английского языка. Ни одного возгласа «хеллоу» или «гуд бай»! Деревенские жители лишь молча смотрели, разинув рты от удивления.

Когда стемнело и пошел густой пушистый снег, мы уже спустились на плоскогорье. В каком-то неизвестном городке нас высадили у дверей самого шикарного местного «интуристовского» отеля. В него мы не стали заглядывать даже из любопытства. Прямо напротив нашлась более подходящая гостиница. Она расположена в подвале. Стекла в вестибюле разбиты, окно освещенной подслеповатой лампочкой комнаты выходит во внутренний двор на уровне земли, стены обшарпаны, а кровати застелены засаленными одеялами. Я тут же предложил не 30 юаней за троих, как мы обычно платили, а всего 20. И хозяин согласился. Мы у него в ту ночь были единственными постояльцами.

Следующее утро началось с поездки на военном «уазике». Он запомнился тем, что по радио как раз передавали песню «Подмосковные вечера» на китайском языке, а сидевший на переднем сиденье рядом с водителем лейтенант оказался русофилом. Когда Татьяна Александровна показала ему старую советскую десятку с портретом Ленина, он тут же предложил за нее 10 юаней. А вот российская тысячерублевая купюра (ходившая до деноминации 1998 года и взятая в качестве сувенира) его почему-то не заинтересовала. Он не хотел менять ее даже в пропорции 1:10. Очередная китайская загадка!

Вокруг лежал снег, но горное солнце пригревало уже по-весеннему. Вдалеке виднелся участок Великой Китайской стены. Мы уже несколько раз ее пересекали, но все как-то не удавалось снять на видео. С того участка дороги, по которому мы шли, стену было видно плохо. Ее закрывали растущие вдоль канала деревья. По полю до них было метров двести.

Я вернулся минут через пятнадцать.

– Где же ты был? Мы поймали джип, объяснили водителю, что с нами третий. Он согласился взять всех. Ждали тебя, ждали. А ты все не приходишь. Кричали, не докричались. Так и пришлось его отпустить, – пожаловалась Татьяна Александровна.

Пока мы обсуждали, был ли я не прав, что пропустил редкую там попутку, или нужно расслабиться и положиться на судьбу, появился пикап «Нисан». Остановился он метров через сто. Водитель, видимо, не сразу поверил своим глазам – в такой глухомани и вдруг сразу три иностранца.

Мы закинули свои рюкзаки в кузов, а сами втиснулись на заднее сиденье, зажав в угол сидевшую там китаянку. Стали знакомиться. За рулем сидел Ван Линь Линь, рядом его брат Ли Цзу Юнь, а на заднем сиденье жена одного из них (я так и не понял, кого именно) – Ань Люй До. На нас посыпался град вопросов: кто мы, откуда, куда едем. Достали разговорник. Ли пролистал его и показал фразу: «Я могу порекомендовать вам фирменное блюдо». Заметив, что его слова не вызвали ожидаемой реакции, он нашел более подходящий вопрос: «Завтракали (обедали) ли вы сегодня?» Еще хуже. Понятно, что нас хотят пригласить на обед, но неясно, что нужно ответить. Не будет ли ответ «нет» расценен, как отказ от приглашения? Или, наоборот, ответ «да» воспримут как утверждение о том, что мы уже сыты? Пришлось пойти на хитрость.

– О'кей! – надеюсь, это будет понято правильно.

Так и оказалось.

Мы заехали в первый же попавшийся на пути придорожный ресторан. Там нас, как почетных гостей, провели в отдельный кабинет. Пока готовились заказанные нами блюда, мы учились у китайцев обиходным словам, а они пытались говорить по-русски. Больше всего им понравилось звучание слова «картошка». В их устах оно звучало как «калотоска» и вызывало какие-то неизвестные нам ассоциации, провоцируя бурные приступы веселья.

Бросок на юг

20 января мы пришли в австралийское посольство за своими паспортами. Как и следовало ожидать, визы нам не дали. И понятно почему. Австралийцам нужно было «показать» по крайней мере по 2000 долларов. А столько не было у всех семерых кругосветчиков вместе взятых! Поэтому мы и получили назад свои паспорта с «черными метками» (неприметный на первый взгляд штамп о приеме документов).

Что же делать? Очень не хотелось так сразу расставаться с надеждой на австралийские визы. Ведь под большим вопросом оказывалась и вся задуманная мной кругосветка. У нас же к тому моменту оставалось примерно по 150\$ (примерно столько же мы уже потратили на дорогу от Москвы и на визы). Но, может, вместо настоящих денег использовать справку о том, что издательство оплачивает нам расходы на транспорт и проживание (подписывая ее, директор так и сказал: «Если вы едете автостопом, а ночуете в палатке, то я могу честно написать, что такой проезд и такое проживание мы оплачиваем»). Этот «денежный суррогат» я и показал чиновнику, занимавшемуся нашими бумагами.

– Это же совсем другое дело. Можете опять подать документы. Однако вам придется повторно заполнить все анкеты и опять заплатить консульский сбор. Он берется не за визу, а за рассмотрение документов.

– И опять ждать две недели? У нас заканчивается китайская виза.

– Обещаю, в этот раз мы рассмотрим ваши документы за 2–3 дня.

Два-три дня превратились в пять. В посольстве требовали то одну бумажку, то другую. Потом выяснялось, что нужен перевод на английский. Причем не простой, а заверенный в российском посольстве! Создавалось впечатление, что австралийцы специально тянули резину. Видимо, они надеялись, что мы сами откажемся от надежды получить визы, либо у нас просто не останется времени. Упорства нам было не занимать. А вот времени действительно не хватало. Пришлось забирать паспорта. Хорошо еще, что в них не поставили по второму отказному штампу. И одной «черной метки» было более чем достаточно. С ней ни в одном приличном посольстве визу уже не получишь.

Пока мы занимались бумаготворчеством, стремительно приближался срок окончания наших китайских виз. Продлить же их, по мнению местных российских журналистов, было довольно сложно. Но был еще шанс успеть доехать до китайско-лаосской границы. Конечно, не автостопом. Зимой в Китае этот способ передвижения, как мы уже убедились, оказывается слишком медленным. Расценками на самолетные билеты мы даже не поинтересовались. Оставалась надежда на поезд.

В конце января в Китае началась активная подготовка к празднованию Нового года по лунному календарю (в начале февраля). Половина страны сорвалась со своих мест и устремилась в дорогу, чтобы встретить праздник в кругу семьи. Поезда были битком забиты, на вокзалах не протолкаешься, к кассам выстроились длинные очереди. Железнодорожные служащие, одетые в одинаковые зеленые шинели, пытались организовать хоть какой-то порядок.

Особо они не церемонились. Тех, кто пытался пролезть без очереди, грубо осаживали. Если же это не помогало, то с размаху били кулаком в ухо, хватали за шиворот и, подгоняя пинками, выталкивали на улицу.

Для иностранцев на Западном вокзале есть специальная касса. Но и туда очередь была очень длинная. Причем большая часть «иностранцев» – это те же самые китайцы, только из Гонконга или Тайваня. К тому же билетов на нужный нам поезд и там не было.

Казалось, никаких шансов у нас нет. Но в самый последний момент появились хэлперы. Какие-то явные проходимцы предложили продать именно три билета и именно на нужный нам поезд до Куньминя. И, что совсем уж подозрительно, без накруток. Пришлось рискнуть. Как потом выяснилось, билеты оказались самыми настоящими – или подделки были такого высокого качества, что ни один из многочисленных контролеров не предъявил нам претензий.

На платформе железнодорожники пытались организовать хоть какой-то порядок. Еще до прихода поезда всех пассажиров выстроили в тех местах, где должны были остановиться двери вагонов. Однако это мало помогло. Едва состав подошел к перрону, как с таким трудом созданный строй нарушился. К дверям все устремились одновременно, усиленно работая локтями и пробивая дорогу огромными мешками и баулами.

Среди трех билетов два было в общий вагон, а один – в плацкартный (он похож на наш, но все шесть полок с одной стороны, по три в ряд). Его мы с Димой уступили Татьяне Александровне, а сами отправились в уже привычный нам «третий класс». Там, к огромному удивлению, среди наших соседей обнаружилась и парочка немцев. Конечно, они бы предпочли оказаться в спальном вагоне – денег хватало и на первый класс, и на люкс, да и билеты покупались заранее. Но все хорошие места заняли «новые китайцы», спешившие домой к Новому году.

Немцы в общем вагоне чувствовали себя неудобно и вскоре перешли-таки в купе, доплатив проводнику разницу в стоимости билетов. А мы так и ехали три дня с китайским пролетариатом. Вернее, «к себе» приходили только ночевать, а все дни напролет проводили «в гостях» у Татьяны Александровны.

Автостоп в провинции Юньнань

В Куньмине железная дорога заканчивается. До лаосской границы оставалось еще около тысячи километров, а до окончания китайской визы – всего три дня. Успеем ли?

Выезд из города мы искали путем опроса местных жителей. Но такой способ ориентации привел нас в аэропорт (видимо, туда нас и направляли, думая, что мы хотим лететь в Лаос на самолете). Зато там удалось найти карту окрестностей и по ней определить правильное направление.

Куньминь в Китае называют «городом вечной весны». Там всегда стоит отличная, в меру теплая погода. Но в том году в январе, впервые за последние 25 лет, неожиданно выпал снег, и температура упала ниже нуля. К счастью, к нашему приезду уже немного потеплело. Этим мы и воспользовались, поставив палатку на окраине плантации сахарного тростника. Им же и питались. Если соскоблить ножом толстую древесную кожуру, то сладкую внутренность можно жевать. Много ли получишь при этом калорий, неизвестно, но челюсти устают быстро, и желание жевать надолго пропадает.

Автостоп на юге Китая оказался лучше и проще, чем на севере. Но меня не покидало ощущение, что мы все же можем не успеть. Поэтому я предложил двигаться и ночью. Трудность оказалась в том, что по свету фар трудно отличить грузовики от автобусов. А уж понять, какие легковушки – такси, а какие – нет, вообще невозможно.

После нескольких по ошибке остановленных рейсовых автобусов нам все-таки удалось тормознуть «нормальный» микроавтобус. А поздно ночью на пустынной развилке на берегу какой-то широкой реки нас подобрал пикап с компанией пьяной молодежи. Водитель выглядел вполне трезвым, поэтому мы запрыгнули в кузов, по которому перекатывались пустые, початые и полные бутылки водки, пива, джина и виски. Однако проехали только метров двадцать. Машина почему-то остановилась и стала разворачиваться в обратную сторону. Мы забарабанили по крыше кабины и стали выпрыгивать. Компания удивилась.

– А мы думали вас к себе в гости пригласить. У нас весело!

Еще до наступления рассвета мы остановили вахтовый автобус. Потом попали в кузов грузовика. В пути он неожиданно заглох, и пришлось толкать его два километра до ближайшей авторемонтной мастерской. И за это время нас не обогнала ни одна машина! Поэтому даже от предложения проехать в тракторном прицепе отказываться не стали. Это было все же лучше, чем идти пешком. Хотя и не намного быстрее. До границы оставалось меньше 200 километров, но дело-то было в последний день действия наших китайских виз. Пришлось поступиться принципами и поехать на автобусе.

На площади у пограничного шлагбаума, как и почти на всех китайских площадях, раскинулся стихийный рынок. Там мы поменяли остатки китайских юаней на лаосские кипы, став обладателями толстых пачек грязных затертых купюр с двумя-тремя нулями. Это явный признак того, что мы въезжаем в страну, где свирепствует инфляция.

Лаос

Первые настоящие джунгли

В Лаосе нет ни плодородных долин, ни полезных ископаемых. Это одна из самых бедных стран мира, хотя в XX в. европейцы и пытались ее модернизировать. Французские колонизаторы привозили сюда технических специалистов и чиновников из более развитого Вьетнама; во время Вьетнамской войны здесь трудились американские специалисты и советники; после провозглашения Лаосской Народно– Демократической республики страна попала под опеку СССР. И все оказалось бесполезно! Лаос как был, так и остался на задворках мировой цивилизации. Лаосцы, похоже, и сами давно смирились с тем, что их страна навсегда останется островком патриархальности в окружении «азиатских тигров».

Перейдя китайско-лаосскую границу, мы, как на машине времени, перенеслись на 100 лет назад. Если в Китае жизнь кипит – на каждом шагу рестораны, забегаловки, магазины, торговые палатки, уличные рынки, передвижные кухни, то первая же лаосская деревня поразила... тишиной. Мычание коров, кукареканье и детские крики ее не только не нарушают, а, наоборот, подчеркивают. Электричества там нет, поэтому нет ни телевизоров, ни радио, ни холодильников, ни стиральных машин, ни электропил. Стоят вдоль дороги бамбуковые хижины на высоких сваях; мужики пахут на буйволах; дети резвятся в струях горной речки. И никто никуда не торопится!

Несколько последних дней в Китае мы были в ситуации цейтнота. Все мысли были посвящены только одной цели – на юг! Конечно, я замечал, что окружающий пейзаж меняется, становится все теплее и теплее. Но это оставалось на периферии сознания, как что-то не очень важное.

И только в Лаосе, увидев полуголых детишек, я вдруг осознал, что сам-то по-прежнему одет не только в теплый свитер, но и в зимнюю куртку!

Куда же деть теплые вещи? Не тащить же их дальше на юг – там будет еще теплее. Но вдруг нам придется снова двигаться на север? Австралийских виз у нас нет, и, возможно, вскоре этим же путем придется возвращаться назад. Тогда придется опять утепляться.

Свернув с шоссе, не асфальтированного, но хотя бы покрытого гравием, на тропинку, петляющую между двумя рядами колючей проволоки, мы прошли метров сто и забросили свои зимние куртки, варежки и шапки в густой колючий кустарник (они, видимо, до сих пор лежат в этой своеобразной «камере хранения»).

Дорога – единственная автотрасса, связывающая Лаос и Китай – поразила своей пустынностью. Мы прошли пару часов, но не встретили никакого транспорта. Хотя нет. Один все же встретили. Местный крестьянин на запряженной буйволом тележке тащил связку дров. Но, заметив направленную на него видеокамеру, сразу же бросил свое занятие и с криками «Мистер! Мистер!» бросился к нам с протянутой рукой. Попался по пути и охотник, запомнившийся своим старинным ружьем с непропорционально длинным стволом.

Дорога вьется через долину, заросшую густым вечнозеленым лесом. Для нас троих это были первые тропические джунгли, увиденные не по телевизору или в ботаническом саду. В памяти всплывали истории о подстерегающих повсюду гадах, ядовитых растениях и тропических болезнях. Но атмосфера расслабления, наступившего с момента пересечения границы, не давала страхам укорениться в сознании. Свернув с дороги на едва заметную тропинку, мы пошли в глубь леса, в сторону шумевшей впереди реки. По старой туристской привычке устроили кемпинг: развели костер, открыли бутылку китайского вина и порезали

ананасы – отпраздновать переход в новую страну. Но тут начался дождь, и пришлось прятаться в палатку.

Утром я обнаружил на ноге огромную пиявку. Воображение услужливо нарисовало яркие картины проказы, лихорадки, язв – полный букет тропических хворей и болезней. Неужели на этом путешествие и закончится? Как потом выяснилось, меньше всего я боялся самой реальной перспективы – оставшаяся в ране голова пиявки может начать гнить. К счастью, и этого мне удалось избежать. А укус пиявки остался в памяти как своеобразное приветствие от всей тропической живности.

Мы прошли по дороге пару километров, прежде чем нас нагнала первая машина, – это был пикап с открытым кузовом. Как в Лаосе обстоит дело с автостопом, я понятия не имел. Даже не знал, как здесь звучит фраза: «Нет денег». Понадеялся на авось. Чтобы остановить машину, оказалось достаточно пошевелить рукой. Да и объяснять ничего было не нужно. Дорога-то там единственная. В любом случае нам по пути. Водитель махнул рукой в сторону кузова, где уже сидело двое крестьян, и сказал:

– Муанг-Намо.

Я предположил, что это название деревни, до которой он нас сможет подбросить. И примерно через полчаса мое предположение подтвердилось. А вот требование заплатить по 3000 кип с каждого было сюрпризом.

– Со всех 3000, – я среагировал автоматически, как привык это делать в Китае.

– С каждого, – попытался настаивать лаосец.

– Тогда вези обратно, – я сделал вид, что опять собираюсь забраться в кузов.

– Ладно. Давай 3000.

Опять, как и в Монголии, первый автостопный «блин» вышел комом.

Рынок в Муанг-Намо поразил не столько бедностью выбора, сколько миниатюрностью порций. Яйца там продаются поштучно, пирожки делают размером с пельмени; орехи, рисовые комочки, сладости фасуют в пакетики максимум по 50 граммов. Там же нам встретилось и первое заведение лаосского общепита. Под деревянным навесом стоял длинный стол, покрытый грязной клеенчатой скатертью, и пара лавок, а в углу на дровяном очаге в закопченном котле кипел суп с лапшой.

Из подъехавшего джипа вывалили толпа европейцев.

– Может, у вас карта Лаоса есть? – спросил я у веселого мужика с видеокамерой (я имел довольно смутное представление, где именно мы находимся).

– Конечно, – обрадовался он и тут же достал толстенный атлас.

Достаточно было одного беглого взгляда, чтобы понять – до Вьентьяна ведет одна-единственная дорога, и нужно двигаться по ней все время на юг, никуда не сворачивая.

Автостоп не заладился. Торчать на пустынной дороге скучно; долго и нудно идти по ней, зная, что до Вьентьяна пешком не доберешься и за месяц, – глупо. Поэтому, отойдя от деревни на несколько километров, мы отправились на исследование окружающих джунглей. Рубились напрямик, ориентируясь на то, что где-то впереди должна быть река.

Только со второй попытки мы все же выбрались на берег. Хотя для этого и пришлось перелезть через один забор из ржавой колючей проволоки. Утром долго и задумчиво собирались, потом так же медленно и неспешно искали путь к трассе. Всего-то пару дней провели в Лаосе, а уже становились такими же спокойными и неторопливыми, как местные жители.

Шоссе было пустынным. Первым человеком, которого мы встретили в тот день, был чех-велосипедист. Он уже третью неделю колесил по Малайзии, Таиланду и Лаосу.

– Интересно, а автостоп в Лаосе и Таиланде есть?

– Сам не пробовал, не знаю, – сообщил он. И тут же добавил: – В Таиланде я видел много пикапов. Местных жителей они подвозят в кузове. Скорее всего, бесплатно.

Пока мы обсуждали виды на автостоп в Юго-Восточной Азии, на дороге показался автобус – там это грузовики типа наших «Газелей» с установленными в кузове скамейками.

Чех попытался его остановить.

– Садитесь. Проезд стоит недорого.

Но мы отказались.

Вечером нас нагнал китайский грузовик. А обращаться с китайскими водителями мы уже умели. Да и русско-китайский разговорник с записанной в нем фразой: «Подвезите нас по пути, пожалуйста!», выбросить еще не успели.

В кабине уже сидело трое, поэтому мы забрались наверх, в заполненный тюками и коробками кузов. Поехали с ветерком, а на поворотах, чтобы ненароком не вывалиться, хватились за такелажные веревки.

– Бах!!! – это всего лишь кочка. Потом еще одна. Потом крутой поворот. Не езда, а слалом!

В темноте китайцы высадили нас в какой-то большой деревне. В какой именно, неизвестно. В Китае мы отучились от праздного любопытства. Зачем доставать местных жителей вопросами, если главное и так ясно – до Вьентяна еще не доехали, развилки нет. Значит, нам нужно продолжать двигаться дальше на юг.

Несколько дней подряд мы подолгу ждали попутную машину, а затем неспешно ехали. На севере Лаоса узкая дорога вьется серпантином по склонам заросших густым вечнозеленым лесом гор, то поднимаясь на перевал, то спускаясь в долину. Время от времени в зоне видимости появлялись деревушки, застроенные двухэтажными деревянными домиками с тростниковыми крышами. Дома лаосцы строят на высоких сваях, поэтому внизу образуется как бы еще один этаж. Именно там, в тени и прохладе, местные жители и проводят большую часть дня.

Поиск «спонсоров» в Луангпхабанге

Белый джип принадлежал международной организации по борьбе с проказой. Сидевшие в нем лаосцы на первый взгляд на больных похожи не были. Только мужчина с перевязанным большим пальцем вызвал у меня подозрение.

– Прокаженный?

– Нет. Топором по пальцу тяпнул, – успокоил он.

Татьяна Александровна, отработавшая 30 лет на «Скорой помощи», тут же предложила свою помощь.

– Повязка наложена очень непрофессионально! – и она достала свою походную аптечку с лекарствами на все случаи жизни.

Из джипа нас высадили возле старинного буддистского монастыря на окраине Луангпхабанга. Пройдя в центр города, мы вышли к Королевскому дворцу. Последний лаосский король Сисаванг Ваттана после победы прокоммунистического движения Патет Лао целый год просидел здесь под домашним арестом. Потом его с семьей отправили в трудовой лагерь на перевоспитание. А дворец превратили в музей.

На пристани у дворца мы встретили американца. Он с весны до осени работает ландшафтным архитектором в Орегоне, а зиму проводит в Юго-Восточной Азии. Объездив весь регион, Джимми пришел к выводу, что Луангпхабанг – здесь самый удивительный здесь город.

– Время словно давным-давно остановилось и замерло.

ЮНЕСКО весь старый город включило в число памятников всемирного наследия. Новые здания строить запрещено. Но их здесь, видимо, и так бы не строили. Такой уж тут

расслабленный народ живет. Никакой суеты и спешки. Я бы посоветовал вам задержаться хотя бы на пару дней.

– Мы обычно в палатке ночуем. Идти же на окраину, а затем тащиться назад не хочется. Придется искать дешевую гостиницу.

– Загляните вечером, лучше всего после шести, в один из монастырей. Я слышал, что иногда монахи дают кров путникам, – посоветовал он.

Это был знак судьбы. Но... я на него не обратил внимания.

В поисках пристанища, как уже привыкли это делать в Китае, мы стали обходить дешевые гостиницы. Свободных мест было навалом. Но цены заламывали невероятные. А торговаться лаосцы в отличие от китайцев не умеют. Или за время социализма разучились? Только часа через два, уже изрядно утомившись от хождения с рюкзаками по жаре, мы нашли подходящий «гестхаус» (по 1,3\$ за ночь с каждого).

Проживание мы оплатили сразу за две ночи, поэтому на следующий день бродили по городу налегке, не заботясь о предстоящем ночлеге, – почувствовали себя интуристами. Обедали в самом шикарном ресторане. Как мы уже выяснили, в Лаосе тарелка риса везде стоит одинаково – 2000 кип (около 0,3\$). Почему же отказывать себе в удовольствии посидеть за чистым столом с видом на Меконг?

В Луангпхабанге сохранилось свыше 30 действующих монастырей. Они украшены золотом сверху донизу – и спускающиеся до земли крыши, и расписные колонны, и даже окна с декоративными решетками. Но больше всего поражают стены. Они расписаны удивительно живописными фресками с тщательным смакованием сцен пыток грешников.

Жизнь в Луангпхабанге течет степенно и неторопливо. Утомившись от хождения по храмам, перед закатом солнца мы, как и местные монахи, долго сидели на берегу широкого Меконга и смотрели на темнеющие вдаль горы и заливные поля, где лаосцы в плетеных шляпах на огромных черных буйволах с гигантскими рогами неторопливо вспахивали свои поля.

Побыв один день интуристами, мы поневоле должны были «вернуться на землю» и задуматься о своем плачевном финансовом положении. Тяжелый разговор начала Татьяна Александровна:

– Деньги у нас скоро закончатся. Что делать будем? – Ее обурежала жажда деятельности. – Вы посмотрите, сколько вокруг туристов. Давайте устроим акцию по сбору спонсорских средств на поддержку нашей кругосветки!

Она рекламировала свою идею весь вечер, и ей удалось-таки сломить наше пассивное сопротивление. На следующее утро мы втроем выбрали на центральной улице наиболее подходящее, на наш взгляд, место – возле интернет-кафе (не удивляйтесь, и сюда прогресс дошел!), наискосок от Королевского дворца. Для привлечения внимания написали плакат на английском языке и вывесили на бамбуковом шесте желтую футболку с эмблемой «Школы автостопа». На кусок полиэтилена положили российские банкноты и монеты; деревянные ложки, матрешки; уральские полудрагоценные камни – все, что мы брали в дорогу в качестве сувениров (большую часть к тому времени уже благополучно раздали).

Появление живописной группы на улице сонного Луангпхабанга не могло долго остаться незамеченным. Подошла пара европейцев.

– А я вас видел вчера в ресторане! – воскликнул мужчина и добавил, обращаясь к своей жене: – Ты представляешь, они заказали на обед только по тарелке риса.

Он стал нашим первым спонсором, пожертвовав на успех кругосветки 5000 кип. Еще столько же мы получили от американки из Канзаса. И все! Спонсоров больше не нашлось. Зато нашлись покупатели. Мы к этому были настолько не готовы, что поначалу даже не могли точно сказать, что сколько стоит. Но постепенно, как это и бывает на рынке, цена определилась сама – как результат соотношения спроса и предложения. Часа через три, когда

появилось чувство, что почти все местные жители и все без исключения западные туристы к нам уже подходили, мы подсчитали выручку – 105 000 кип (15\$).

Дорога № 13

На стратегическом шоссе, соединяющем бывшую и нынешнюю столицы Лаоса (лаосский аналог трассы Москва – Санкт-Петербург), мы простояли час, второй – никого. Ни одной машины! Ни в попутном направлении, ни во встречном. Попробовали идти пешком, но это быстро надоело. Устроились в тенечке и стали ждать. Через пару часов томительного ожидания уехали в кузове грузовика, где до этого перевозили уголь. Дотронуться ни до чего было нельзя – борта жирные, грязные и скользкие. Но и не держаться невозможно. Того и гляди, на повороте вылетишь. А вокруг – красота: из густой пелены облаков, словно острова в океане, выступают вершины заросших тропическим лесом гор.

Мы двигались все время на юг, и с каждым днем становилось все жарче и жарче. Идти по пустынной дороге под палящими лучами солнца было скучно. Остановиться же на открытом месте нельзя – сразу получишь солнечный удар. А тени не было – дорога, как назло, вывела в широкую долину. До гор далеко, а непосредственно за обочиной начинаются огоры. Так мы и шли, пока не встретили бамбуковый летний домик, одиноко стоящий на краю кукурузного поля. Соломенная крыша дает тень, а прохладу приносит ветерок, свободно проникающий между бамбуковыми стволами, из которых сделаны пол и стены. Одно плохо – дорогу оттуда было почти не видно. Решили выставлять часовых. Пока двое сидят в тени, третий должен торчать на дороге и, если заметит попутную машину, звать остальных. Очередность определили жребием. Первым выпало голосовать Диме. Через полчаса настала очередь Татьяны Александровны. И прямо перед тем, как подошел мой черед, она застопила пикап. Но проехали мы на нем всего пару километров и опять попали на открытое место, под палящие лучи солнца.

Когда жариться на солнце стало совсем неважноту, свернули в джунгли. Я внимательно смотрел под ноги, опасаясь ненароком наступить на какую-нибудь змею. Только поэтому и заметил тоненький провод, протянутый поперек почти незаметной в траве тропинки. Провод вел к спусковому крючку замаскированного бамбукового арбалета. Аккуратно переступив через него, мы пошли дальше, но вскоре встретился еще один самострел. На кого же там охотились? Ответ стал очевиден, когда тропинка вывела нас на хорошо замаскированную в густых зарослях делянку опиумного мака. Нам еще, можно сказать, повезло – мак только цвел. В период его уборки поля, наверное, охраняют еще тщательнее.

Несколько дней мы ходили по пустынной дороге, забирались в джунгли, кемпинговали на берегу реки. Природа там удивительная, но местность на удивление малозаселенная. На трассе же машины появлялись редко и «порциями». И только значительно позднее я узнал, почему. Оказывается, шоссе № 13 пользуется в Лаосе очень дурной славой. Местные партизаны, которых никак не удастся убедить в том, что Вьетнамская война уже закончилась, периодически устраивают засады и нападения на проезжающий транспорт. Специально на европейцев не охотятся. Но месяца через три после нашего визита во время одного из разбойных нападений все же убили двоих случайно подвернувшихся под руку туристов.

Первый опыт «практического буддизма»

До Вьентьяна доехали на цементовозе. В российском посольстве (мы зашли туда, чтобы передать в Москву отснятые видеокассеты) вице-консул Эльшат Талибов передал мне записку от первой тройки кругосветчиков. Георгий, Эдик и Стася сообщали, что были в столице Лаоса несколько дней, причем одну из ночей провели... в буддистском монастыре. Это

был уже второй перст судьбы (первый раз о возможности переночевать в буддистском монастыре мне говорил американец в Луангпхабанге), но я, увы, пропустил и его.

В Лаосе мы предпочитали ночевать в палатке, где-нибудь на берегу реки. Вот и во Вьентьяне пошли вдоль Меконга в поисках места для кемпинга. За пару часов так и не выбрались из сплошной череды домов, – город уже кончился, но сразу же началась бесконечная цепочка поселков и деревень.

В поселке Сисатханак присели отдохнуть на краю крутого обрыва над Меконгом. Рядом оказался буддистский монастырь. Это был третий знак судьбы. И все равно я, наверное, пропустил бы и его. Но к нам подошел молодой любопытный монах в оранжевой тоге и наголо бритый. Познакомились. Сомчит на вполне приличном английском языке сообщил, что мы оказались под стенами монастыря Ват Кокние. Я вкратце поведал историю нашего путешествия и, только когда уже собрались попрощаться, спросил:

– Кстати, нельзя ли нам переночевать в вашем монастыре?

Монах обрадовался, как будто только и ждал, когда я его об этом спрошу.

– Конечно. Только нужно спросить благословения настоятеля. Пойдемте со мной.

Без труда получив разрешение остаться на ночь, мы достали на ужин свои припасы: капусту, морковь, пачку лапши. Монахи, пораженные нашим аскетизмом, добавили от себя тарелку риса, пару банок рыбных консервов, пакет вафель и шоколадок. А спать нам предложили прямо в храме.

– Только обязательно ложитесь головами к Буддам, – проинструктировал нас Сомчит перед уходом.

Рано утром в храм стали собираться местные жители. Служба началась с проповеди, потом монахи распевали религиозные гимны, молитвы. В конце церемонии перед ними выставили подносы с рисом, овощными и мясными блюдами, сладостями и фруктами. Прихожане сидели и терпеливо ждали. Нам же подать документы на тайские визы было гораздо важнее, чем позавтракать.

Процедура получения тайских виз проста и рутинна. Только консульский сбор берут почему-то не лаосскими кипами (и даже не американскими долларами), а исключительно тайскими батами. Хорошо еще, что их можно выменять в банке за углом. Возможно, у тайских дипломатов есть негласный договор с банком. И не только с ним! Все – от владельцев отелей до транспортных компаний, наживаются не столько на желающих посетить Таиланд, сколько на тех иностранцах, кто там уже живет и вынужден выезжать каждые три месяца для переоформления визы. Визу ставят практически сразу – убедившись по компьютеру, что за претендентом не тянется никакой хвост и его не разыскивает Интерпол. Однако выдают паспорт только через двое-трое суток. В течение этого времени нужно же где-то жить и питаться. Туристический бизнес процветает!

Трое пьяных европейцев

Три дня ожидания визы нам как раз хватило на осмотр всего города.

В 1828 г. тайцы разрушили во Вьентьяне все древние строения. Только некоторые буддистские храмы пощадили. Одним из них был Ват Сисакет – красивейший в столице Лаоса, включенный в число памятников всемирного наследия ЮНЕСКО. По всей внутренней стене, окружающей главное здание храма, тянутся бесчисленные маленькие ниши, в каждой из которых стоят фигурки Будды. Всего их – деревянных, бронзовых, каменных (стоящих, сидящих и лежащих) – там насчитывается 6840!

Среди буддистских паломников высоко котируется Ват Симыанг, в котором стоит колонна, где, по легенде, с 1563 г. живет главный дух – защитник города. Говорят, однажды беременная женщина по имени Нанг Си, повинувшись зову богов, бросилась в вырытый под

фундамент котлован в тот самый момент, когда рабочие закладывали первый камень. Мать и неродившееся дитя погибли. Но позднее Нанг Си признали не сумасшедшей, а святой покровительницей Вьентьяна.

Важнейшей религиозной достопримечательностью Вьентьяна и всего Лаоса, без сомнения, остается 45-метровая Золотая ступа, стоящая в монастыре Ват Тхатлуанг. Именно ее считают общенациональным символом. Именно она изображена на государственном гербе страны. Первые упоминания о ступе относятся к 307 г., когда пятеро монахов привезли во Вьентьян из Индии берцовую кость Будды. Над святыней построили простенькую ступу – у основания площадью четыре на четыре метра и высотой около девяти метров. В XII в., во времена владычества кхмеров, вокруг возник монастырь. Свой нынешний величественный вид ступа приобрела в 1566 г., в период правления самого могущественного лаосского короля – Сеттатхирата.

Сейчас Золотая ступа представляет собой башню, покоящуюся на квадратном основании 68 на 68 метров, выполненном в форме раскрывающегося цветка лотоса. На втором ярусе в 30 башенках высотой в три человеческих роста хранились золотые пластины в форме листа саговой пальмы с различными изречениями Будды. Но в 1828 г., когда Вьентьян захватили сиамцы, ступу разрушили, а золото украли. Реставрировали и восстанавливали ступу еще во времена французского колониального правления – в 1900 и 1935 г.

Днем мы ходили по городу, а ночевать, вдохновленные первым успехом, собирались по монастырям. В них там недостатка нет. Проблема только с выбором. Эльшат Талибов посоветовал обратиться в Ват Сокпалуанг. Там, в одном из авторитетнейших центров медитации, он сам три года был монахом.

Днем монастырь как будто вымер. И куда все подевались? Оставив рюкзаки у единственного обнаруженного монаха, мы отправились отмечать Димин день рождения в ресторан «Меконг» на берегу одноименной реки с видом на Таиланд. Здание солидное, а цены такие, что за 10\$ на троих мы на некоторое время почувствовали себя чуть ли не миллионерами.

Вечером вернулись в Ват Сокпалуанг уже немного навеселе. Трое пьяных европейцев сразу же стали центром всеобщего внимания. Из толпы выделился представитель. Как англоязычному, ему, видимо, по должности было положено налаживать международные контакты. Я вовсю затараторил на английском. Или мне, в состоянии опьянения, это так показалось?

С первой же попытки мне удалось объяснить, что нужно. «Контактер» отправился к начальству докладывать. Настоятель, нас и в глаза не видевший, дал свою санкцию. Представленная нам хибарка на первый взгляд показалась скромной, но уютной – деревянный домик в лаосском стиле на высоких сваях.

Уснули быстро, но спали только до тех пор, пока не прошло состояние опьянения. Нужно было больше пить! Тогда на такую мелочь, как жужжащие и нещадно жалящие комары, я не стал бы обращать внимания. Пытался закутаться в спальный мешок, но в нем было слишком жарко. В духоте под непрерывной атакой насекомых ночь тянулась удивительно долго. Поэтому, когда в четыре часа утра меня пригласили на медитацию, я выскочил из домика, как из тюремной камеры на свободу. Храм поразил своей прохладой, свежим воздухом и... полным отсутствием комаров. Вот где нужно было спать!

При дневном свете мы внимательно разглядели нашу хибару. Пол и стены были покрыты толстым слоем пыли. Под потолком висела неимоверно грязная старая тряпка. А на ней комаров! Хоть ложками выгребай! Видимо, эта келья предназначена только для самых почетных гостей.

Набрав воды, тряпок и щеток, мы все промыли, разогнали комаров, проветрили – привели в более пристойный вид наше жилище. И тут пришел наш знакомый – англоязычный монах.

– Мне очень неудобно, но настоятель просит вас уйти. Если бы я мог решать, я бы позволил вам остаться. Но это не в моей власти.

Вот так мы и определили границы буддистского гостеприимства – одна ночь. К счастью, в монастырях недостатка нет. На любой вкус. Только выбирай!

Таиланд

Датчанин на «Харлее»

Получив тайские визы, мы вышли на окраину города и с врачом американского посольства доехали до «Моста дружбы». Пешеходов на этот мост не пускают, поэтому пришлось платить по 2 бата (они у нас остались после уплаты консульского сбора) и въезжать в Таиланд на автобусе.

На противоположном берегу Меконга мы попали в новую для себя страну. Движение на дорогах левостороннее. Голосовать, очевидно, придется левой рукой. Но интереснее другое. Возможен ли в Таиланде автостоп? Спросить было не у кого. Поэтому для начала я предложил действовать наверняка – стопить исключительно грузовики. В результате застряли часа на два – дольше, чем потом в любом другом месте этой удивительно гостеприимной к автостопщикам страны.

Выйдя из грузовика в Удонтхани, мы встали на перекрестке и достали карту, пытаюсь по ней понять, куда же ехать дальше. Попросили помочь проходящего мимо тайца.

– Тайцев бесполезно спрашивать. Они все равно ничего в картах не понимают. Давайте я вам помогу, – к нам подошел седой, но молодежавый европеец лет 50–60. – Вы откуда? Из России? А у меня есть знакомая – Таня из Екатеринбурга! Я как раз сегодня получил от нее очередное письмо и фотографию. Если вы не торопитесь, давайте зайдем ко мне.

Перед его домом, ничем не отличавшимся от таких же безликих соседних двухэтажных строений, стоял сверкающий на солнце хромированными деталями «Харлей», украшенный козлиным черепом с огромными рогами.

– Я на своем «железном друге» объехал всю страну. Только-только вернулся из поездки в Северо-Западный Таиланд.

За обедом Карл рассказал, как, приехав из Дании в Таиланд строить новый завод, он женился на тайке.

– Жили мы дружно. Но через полгода после свадьбы жена погибла в авиакатастрофе – разбилась на нашем собственном самолете. А в Таиланде, когда женишься, одновременно с женой получаешь кучу родственников – чуть ли не целую деревню. Вот и у меня теперь на попечении вся ее родня. Особенно меня достает ее брат. Сам работать не хочет, а от меня все требует – то одно ему нужно купить, то другое. Я построил отличный дом, – он показал нам несколько фотографий шикарного особняка. – Но по тайским законам я как иностранец землю купить не могу. Поэтому формально она принадлежит брату моей жены. Этим он меня и шантажирует. Но если мне все же придется отсюда уезжать, дом ему не достанется. Я разберу его по кирпичикам и вывезу!

Пока мы проверяли по Интернету свою электронную почту и посылали сообщения друзьям и знакомым о прибытии в Таиланд (последний раз доступ в Сеть у нас был в Китае), Карл продолжал жаловаться на свои жизненные тяготы.

Из полученных по Интернету сообщений я узнал, что первая тройка кругосветчиков подавала на австралийские визы в Бангкоке. Но и они получили отказ. Георгий, расстроившись, улетел в Москву, а Стася с Эдиком опять подали документы. На этот раз претендуя уже на бизнес-визу как «журналисты» (я всех попутчиков обеспечил соответствующими бумагами).

Тайский народный буддизм

До поселка Нонг-Буа-Лампу мы доехали в кабине грузовика, а до берега водохранилища – в открытом кузове пикапа. В темноте за деревьями угадывался деревенский буддистский монастырь. К деревянному двухэтажному зданию мы прошли напрямик через придорожные заросли. Интересно, можно ли и в Таиланде, подобно Лаосу, ночевать по монастырям?

Монахов видно не было, но первый же встречный – благообразный старик, видимо живущий там в качестве сторожа, – ничуть не удивился нашей просьбе о крыше над головой и повел через темный двор к храму.

Местные строители явно были чужды архитектурных излишеств. Никаких золотых росписей, барельефов, скульптур или черепичных крыш они делать не стали. Забетонировали площадку, построили одну кирпичную стену, вдоль нее сколотили из досок помост для монахов. Сверху накрыли односкатной шиферной крышей. Вот храм и готов. Причем храм multifunctional. В нем, кроме неменных статуй Будды, был шкаф с набором посуды, газовая плита и дровяной очаг (шашлыки жарить?). Рядом с храмом мы обнаружили кран и поочередно приняли душ, окатывая себя холодной водой из шланга. Поэтому в ту ночь у нас, можно сказать, был «номер со всеми удобствами».

Утром в храм из соседней деревни потянулись крестьяне – старики, женщины и дети: босиком, в простой будничной одежде, с корзинками, до краев наполненными приготовленной дома едой. Появились и неизвестно где прятавшиеся от нас монахи. Они рассаживались на помосте строго по старшинству. Прихожане занимали места внизу на разложенных на бетонном полу циновках. И тоже в полном соответствии с иерархией. Мужчины садились впереди, за ними – женщины и дети, а всякого рода случайным посетителям (типа нас) – выделялось место в самом конце.

После окончания службы прихожане, взяв кувшины, кружки и стаканы, до краев заполненные водой, разбрелись по территории храма, поливать деревья. Потом мне неоднократно приходилось видеть эту церемонию и в других монастырях. Один из образованных монахов объяснил ее смысл. Согласно буддистскому преданию, когда Будда первым из смертных подошел к порогу Просветления, многочисленные индуистские боги испугались. Они послали на Землю огромное «ополчение» во главе с ужасным богом Мара. Будда не стал бороться в одиночку и, в свою очередь, позвал на помощь богиню Земли. Она выступила в роли адвоката. В доказательство огромных заслуг Будды, на основании которых он имеет право на вход в Нирвану, богиня трянула своими мокрыми волосами. Каждая упавшая с них капля символизировала один благой поступок. Воды оказалось так много, что образовался мощный поток, заставивший Мару отступить. Поэтому сейчас буддисты льют воду на землю, как бы надеясь на то, что в нужный момент богиня Земли сможет засвидетельствовать и их скромные заслуги на пути если не к окончательному Просветлению, то хотя бы к лучшему перерождению.

После окончания церемонии всю принесенную крестьянами пищу – кастрюли с рисом и тарелки с овощными, рыбными и мясными блюдами, сладостями домашнего приготовления из бананов и кокосов – на подносах выставили перед монахами. Затем и крестьяне, разделившись на группы, также приступили к еде. Нас, конечно, пригласили присоединиться. Так первое знакомство с тайским буддизмом плавно перешло в первую дегустацию блюд тайской народной кухни.

По одной из версий название тайской столицы произошло от слияния двух слов: «банг» (деревня) и «кок» (оливы), поэтому в переводе на русский должно звучать как «Оливковая деревня». Сами же тайцы называют город – Крунг Тхэп Пра Маха Након Амон Рама-

наносиндра (Королевский город ангелов, местопребывание божественного Индры). Как и его американский тезка, Город ангелов поражает тем, что сверхсовременные небоскребы из стекла и бетона мирно соседствуют с прилепившимися к ним лачугами. Азиатская специфика проявляется в том, что плотный смог выхлопных газов на загроможденных транспортных улицах смешивается с болотистым духом вонючих каналов-клонгов, с миазмами гниющих отходов, с ароматами тропической растительности, с запахом восточных специй и жареного мяса от передвижных уличных кухонь и жаровен.

В поисках ночлега мы, конечно, отправились в ближайший буддистский монастырь. Он сразу поразил огромными размерами храмов и окружающих зданий, утонченными лепными украшениями и невероятным количеством позолоты. Это был скорее дворец или музей, чем место обитания нищенствующих буддистских монахов.

Внешний облик монастыря сильно отличался от всех тех, в которых мы до этого ночевали. Поневоле возникал вопрос: «А принимают ли и в монастырях-дворцах паломников?» Пожилой солидный монах, выходящий из дверей главного храма, похожего, кстати, на огромную шкатулку с драгоценностями, очень удивился:

– Да вы что? Где же у нас ночевать? В отель! Идите в отель!

Этот ответ только укрепил мои сомнения. Но отступать было некуда. Придется сделать еще одну попытку. Старые монахи, наверное, настолько близко подошли к Нирване, что проблемы земной жизни их уже не волнуют. Может, спросить кого-нибудь помоложе?

Возле стеклянного павильона, в котором был установлен деревянный саркофаг с зажженными свечами, на скамейке сидели два очень молодых монаха – лет по пятнадцать-семнадцать.

– Можно нам переночевать здесь?

– Конечно, – обрадовался один из них, оказавшийся англоговорящим. – Присаживайтесь на скамейку, отдохните.

Сидим, непринужденно болтаем. Постепенно темнеет, а никаких изменений в нашем положении не происходит. Видимо, чего-то или кого-то ждем. Так и оказалось. К нам подошел еще один парень (из «гражданских»). Монахи что-то объяснили ему по-тайски, и он повел нас куда-то в глубь территории монастыря, чтобы... угостить бутылкой питьевой воды. Потом мы еще немного петляли между монастырскими зданиями и неожиданно вышли на улицу.

– Куда мы идем? – удивился я.

– Я покажу вам дешевый отель.

– Да не нужен нам никакой отель!

Парень удивился, но настаивать не стал.

– Нет так нет. Тогда я пошел. – И тут же скрылся с наших глаз.

Мы стояли на оживленной улице возле пешеходного перехода и совещались, решая, что дальше предпринять. Сделать еще одну попытку? Или поискать другой монастырь? Очевидно, наше замешательство было хорошо заметно. Проходивший мимо толстый жизнерадостный монах лет тридцати – почти точная копия китайского «смеющегося Будды» – сразу так прямо и спросил:

– Проблемы?

Узнав, в чем дело, он тут же предложил свою помощь и повел нас... в тот же самый монастырь!

На этот раз мы прошли сразу же в здание монашеского общежития. Оно находится на охраняемой, отгороженной от остальных монастырских строений территории, да и на входе был вахтер. Вместе с Сейсаном – так звали пригласившего нас монаха (как потом выяснилось, достаточно высокого «ранга») – мы поднялись на четвертый этаж. Там он ключом открыл дверь кельи.

– Заходите, располагайтесь. Это комната моего друга. Он уехал в Чианг-Май навестить родственников, а мне оставил ключи.

Монастырь снаружи был похож на дворец. Поэтому меня ничуть не удивило, что монашеская келья напоминала номер в отеле. Хотя и не люкс, но со всеми удобствами: отдельная ванная комната, мини-кухня с полным набором посуды, электрическим чайником, заваркой, сладостями. Кроватей, правда, не было, но в комнате стояли телевизор, комплект аудио- и видеотехники, книжный шкаф с фолиантами в дорогой оправе. Только что кондиционера не было. Но его прекрасно заменял напольный вентилятор с огромными лопастями.

Вскоре к нам в гости зашел еще один монах. Сучин в католическом колледже изучал западноевропейскую религиозную философию.

– А разве буддистским монахам разрешают учиться у христиан? – удивился я.

– Конечно. Буддизм – это ведь не религия, а философия. Католики крестят буддистов, даже не заставляя их при этом отказываться от своих «философских» взглядов. Поэтому у нас в колледже большая часть студентов одновременно и буддисты, и христиане. И вообще, по моему мнению, на Востоке будет все больше и больше христиан. А в западных странах, наоборот, скоро буддистов станет значительно. Ведь когда Будда проповедовал свое учение, Индия была очень богатой, а среди его учеников были сплошь принцы да князья – вся верхушка тогдашней аристократии. Христос же общался с бедняками. Вот и получилось, что христианство – религия для бедных, а буддизм – для богатых. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сейчас, когда западные страны стали богатыми, а восточные – бедными, происходит замена главенствующей религии на более соответствующую материальному положению вещей.

Аюттая – древняя столица Таиланда

В Бангкоке мы задерживаться не стали. Прошлись по центру города, мимо Королевского дворца, Национального музея, храмов, рынков... Затем на одном из дешевых автобусов – за 3,5 бата можно проехать с одного конца города до другого – добрались до университета. Оттуда до шоссе № 1 было уже рукой подать.

Стемнело, но дорога там ярко освещена, и нас было хорошо видно. Поэтому с автостопом проблем не возникло. Нас довольно быстро подбросили до аэропорта, затем до какого-то пригорода и, наконец, до границы мегаполиса. Программа на день была выполнена.

Свернув с шоссе на первую попавшуюся сельскую дорогу, мы шли, разглядывая окрестности, – искали, где лучше поставить палатку. Метрах в пятидесяти впереди остановилась легковушка. Водитель высунулся в окно.

– Я вас подвезу.

– Спасибо, не надо, – отказался я сразу за всех троих.

Он стал настаивать.

– Не стоит ночью ходить по дороге. Вы меня не бойтесь, я – полицейский. – В доказательство он показал какое-то удостоверение. – Садитесь. Не стоит здесь по ночам разгуливать. Я отвезу вас в какой-нибудь отель в Аюттаю.

– Лучше в монастырь, – предложил я.

– Зачем? – удивился он.

– Мы буддизм изучаем. Поэтому и ночуем исключительно по монастырям. Чтобы быть ближе к монахам.

Полицейского такое объяснение полностью удовлетворило.

– Я могу порекомендовать вам монастырь, в который сам хожу молиться.

Поздно ночью мы оказались перед массивными наглухо закрытыми воротами с табличкой «Ват Панан-Ченг», а чуть ниже – «Вход – 20 бат». Охраны видно не было. Так и

пришлось входить, а вернее, перелезть через забор, не только бесплатно, но и без разрешения.

Перед входом в буддистский храм принято снимать обувь. У богатых храмов ставят обувные ящики, а у бедных храмов шлепанцы бросают на площадке перед ступеньками. Поэтому всегда легко узнать, сколько человек уже находится внутри. Однако когда посреди ночи на территории мирно спящего монастыря я увидел у входа в храм гору обуви, у меня появились сомнения в универсальности своего наблюдения.

Дверь открылась легко и тихо. В полумраке удалось разглядеть, что на полу рядами лежат спящие люди обоего пола. Такого количества «паломников» одновременно я и представить себе не мог. С противоположного конца зала, переступая через спящих головами к Буддам людей, к нам приблизился человек, видимо, выполнявший там роль охранника.

– Как вы сюда попали? – спросил он по-английски.

– Нас полицейский привез на своей машине.

– ??? – пауза. – А зачем?

– Переночевать.

– Ночевать? – Пауза. – Подождите, спрошу монахов...

Пока «охранник» ходил за разрешением, от нескольких страдавших бессонницей постояльцев мне удалось узнать, что в монастыре проводится пятидневный семинар по основам буддизма. На него собрали всех учителей района.

Распорядок дня у них строгий: с 4 часов утра до 11 часов вечера идут лекции, проповеди и занятия медитацией.

Вскоре вернулся «охранник», ходивший на поиски монахов, и огорошил нас сообщением:

– В монастыре нет свободных келий.

– А в этом храме? – удивился я.

– Здесь, конечно, можно остаться. Но тогда вам придется вставать вместе со всеми – в четыре часа утра.

Разбудили, действительно, как в армии, – почти как по сигналу тревоги. Немного побродив по территории все еще спящего монастыря, на берегу реки мы обнаружили прекрасную беседку и легли в ней досыпать.

Будда в одном из своих бесчисленных перерождений был рыбой. Буддисты, видимо, решили, что это непременный этап к Просветлению, который обязательно должен пройти каждый из нас. При многих буддистских храмах создаются специальные пруды. Там прихожане могут покормить «будущих Будд» и тем самым сильно улучшить свою карму. А вот в Ват Панан-Ченг, в котором мы провели полубессонную ночь, поступили еще проще. На реке установили плавучую пристань. На ней продают корм – вареную кукурузу и жмых. Любой желающий может купить пакетик и покормить рыб. Сами рыбы уже давно привыкли к «халявной» пище и собрались на завтрак еще до появления паломников в монастыре. Они сбились в плотную кучу и устроили давку, пытаясь занять более выгодную позицию. Когда же им стали бросать корм, возникла свалка: самые нетерпеливые выпрыгивали в воздух, пытаясь поймать брошенный кусок еще на лету.

Выполнив свой долг перед рыбами, прихожане отправлялись в храм. Там они вставали на колени перед скульптурой Будды, приложив свои сложенные ладони ко лбу, три раза касались лбом пола и читали короткую молитву (вернее, символ веры: Я нахожу убежище в Будде; Я нахожу убежище в Дхамме; Я нахожу убежище в Сангхе). Заканчивалась эта короткая церемония возложением к стопам Будды цветов, воды и пищи, зажиганием свечей и ароматных палочек (цветы обеспечат здоровье и красоту; вода – «охладит» сознание, освободит его от тревог и забот; пожертвованная пища – вернется сторицей в будущем; горящие свечи – приведут к Просветлению).

Сам основатель буддизма считал, что с помощью ритуальных действий свою карму изменить нельзя. Сделать это можно только с помощью медитации. Но современные буддисты надеются, что пожертвования и подношения статуям Будды им все же зачтутся – в будущей жизни. Например, если будет суждено родиться в виде собаки, то ничего с этим не поделаешь – никакими молитвами. Все же будешь собакой. Но молитвы, поклонения и другие торжественные церемонии все немного помогут облегчить «собачью жизнь». Например, удастся попасть к богатому и заботливому хозяину.

В буддистские храмы вход разрешен всем – вне зависимости от религиозной принадлежности. От нас не ждали выполнения всех ритуалов, поклонов и подношений. Нужно только соблюдать основные правила: обувь оставлять перед входом; сидеть так, чтобы голова не была выше головы монаха или статуи Будды; не обращать ступни своих ног в сторону скульптур и алтарей.

Двухэтажная «монашеская келья»

Город Аюттая на месте слияния рек Менам и Пасак, по которым проходили важные торговые пути, основал в 1350 г. тогдашний правитель княжества Утонг. Позднее он объявил себя первым королем Сиам Рамой Тибоди Первым. А основанный им город стал столицей страны.

В течение 417 лет, пока Аюттая была столицей Таиланда, здесь правили 33 короля, были построены богатейшие дворцы и величественные храмы. В период расцвета «Рима» Юго-Восточной Азии в городе, окруженном двенадцатикилометровой крепостной стеной с семнадцатью сторожевыми башнями, было три огромных дворца и свыше четырехсот богатейших храмов.

Процветание закончилось так же неожиданно, как и началось. Апрельской ночью 1767 г. после длительной осады в город ворвалась бирманская армия. Все население было уничтожено или обращено в рабство, уникальные произведения искусства и рукописи погибли в пламени пожара.

Бирманцев вскоре изгнали, но город уже не смог оправиться от такого удара. Столицу Таиланда перенесли в Бангкок, а Аюттая так и осталась лежать в руинах. И сейчас – это одна из главных тайландских достопримечательностей, а с 1991 г. еще и памятник всемирного наследия ЮНЕСКО.

Проходя весь день по живописным развалинам, мы к закату солнца возвращались в монастырь, обсуждая по дороге, что делать дальше.

– Еще на одну ночь попросимся?

– Ведь выспаться все равно не дадут. Опять поднимут в четыре часа утра.

– Искать другой монастырь?

Так ничего и не решив, мы пришли в храм. Тут же ко мне подошла англоговорящая учительница:

– Вы когда уходите?

По тону ее вопроса я сразу же понял, к чему идет дело, и не стал дожидаться, когда нас будут насильно выставлять.

– Прямо сейчас.

– Я лишь хотела передать вам просьбу настоятеля «не мешать монахам заниматься сосредоточением».

Так я и думал.

А ведь монахов мы даже не видели – общались только со школьными учителями. Но во всех буддистских монастырях – как я потом имел возможность неоднократно убедиться – действует строгое правило: пускать случайных странников только на одну ночь.

До соседнего монастыря было недалеко. Ворота еще не закрыли, но билеты уже не продавали, и контроля не было. Как только мы вошли внутрь, нам наперерез вышел бандитского вида парень – бритый наголо, весь в наколках, с сигаретой в зубах и... в оранжевой монашеской тоге.

– Нельзя ли нам здесь переночевать? – обратился я к нему. И добавил: – Ночью по Аюттае ходить опасно.

«Бандит» куда-то ушел. Вернулся он явно расстроенный и удрученный.

– Пустых келий у нас в монастыре нет. Но ночью на улицах Аюттаи действительно опасно, придется на одну ночь поселить вас у себя.

Мы подошли к двухэтажному особняку, рядом с которым была припаркована новенькая «Тойота».

– В вашем распоряжении будет весь первый этаж. Извините только, что придется вас иногда тревожить. На втором этаже у меня нет ванной...

Только в этом – в отсутствии второй ванной – эта «монашеская келья» и отличалась от типичной дачи какого-нибудь «нового русского».

Идем на север!

Из Аюттаи поехали дальше на север. Ориентируясь по карте, подаренной нам датчанином, мы свернули с шоссе на запад – в сторону национальных парков, которые тянутся вдоль тайско-бирманской границы. На пикапах, в кузове тракторной тележки и, наконец, пешком мы к вечеру добрались до распахнутых настежь входных ворот.

Пошли наобум, пока дорога не уперлась в берег реки. Там и решили остановиться на ночь.

Не успели поставить палатку и развести костер, как из темного леса появилась группа вооруженных винтовками мужчин. К нам гости! Только вот пограничники или бирманцы? Когда патруль приблизился, я с облегчением разглядел среди тайцев одного европейца. Он оказался американцем из Орегона и, сразу же представившись, объяснил причину своего появления:

– Я уже второй год работаю в этом парке добровольцем от Корпуса мира. За все это время здесь не было ни одного европейца. А сегодня вечером ко мне прибегают взволнованные сотрудники: «Джон, твои друзья приехали!» Я тут же бросил все дела и пошел вас искать.

Усевшись вокруг костра, мы с американцем завели неспешную беседу, а тайцы расположились кольцом вокруг и в разговор не вмешивались. Я думал, они и по-английски не говорят. Но, когда орегонец стал с нами прощаться, один из тайцев вдруг заявил:

– Здесь вам не стоит оставаться. Ночью придут бирманские партизаны, и – вжик! – Для большей доходчивости он провел ребром ладони по горлу.

Американец постарался нас успокоить:

– Не бойтесь. До границы отсюда всего пара километров, и бирманские партизаны здесь действительно частые гости. Но они воюют только с тайцами. У них давняя вражда между собой. На европейцев же обычно не нападают. Я, по крайней мере, ни разу об этом не слышал.

Ночью нас никто не потревожил, но дальше в сторону границы мы идти передумали, опасаясь ненароком наткнуться на партизан.

За въезд в Национальный парк Доий-Интханон нужно платить по 20 батов. Поэтому нам пришлось выйти из попутной машины и искать обходной путь через джунгли: мимо водопада и вверх по берегу реки через колючий кустарник.

В конце февраля в Таиланде еще продолжалась зима. В окружении вечнозеленой растительности об этом быстро забываешь. И вот мы попали в тиковую рощу, где было тепло, как летом, но деревья стояли голыми, а земля была устлана толстым ковром из опавших листьев. Эта сюрреалистическая картина меня настолько поразила, что я предложил там задержаться. Палатку поставили на берегу реки. Среди камней не было подходящей ровной площадки. Пришлось самим засыпать ямы и промоины мелким речным песком.

На следующее утро на попутном пикапе мы добрались до начала подъема на гору Доий-Интханон. При высоте всего в 2563 метра эта вершина является самой высокой точкой Таиланда и одновременно «полюсом холода» страны – до -8°C ! Бывает, раз в несколько лет, даже снег выпадает. К счастью, во время нашего посещения было достаточно тепло. Но это единственный плюс. Место оказалось очень скучное. Вокруг тянутся заросшие лесом горы. Но даже разглядеть их толком нельзя. На самом лучшем месте у вершины построили военный радар, обнесенный высоким забором из колючей проволоки с табличками «Не фотографировать».

Вниз мы спускались на пикапе с работниками парка. В кузове было человек десять. Их пришлось утрамбовывать, чтобы освободить немного места.

Суп из топора

Путешествуя по храмам, мы имели прекрасную возможность познакомиться с национальной тайской кухней. Не с тем, что готовят в ресторанах специально для туристов, а с блюдами, которые тайцы делают сами для себя. Ими они делятся с монахами, а те, в свою очередь, с нами.

Если переговоры по поводу ночлега были исключительно моей прерогативой, то организацией ужина занимался обычно Дима Становов. Его техника была основана на классическом примере «супа из топора». Когда мы приходили в монастырь, Дима (вероятно, «шестым чувством») выбирал одного из монахов. Общение между ними проходило с помощью языка жестов. Но если его перевести в слова, то получился бы примерно такой диалог.

Дима начинал издаലെка:

– У нас все здорово, прямо отлично. Вот только чайника не хватает.

– Ну, чайник – это не проблема, – успокаивал монах.

Вскоре он приходил с чайником.

– И что мы с ним будем делать? У нас ведь ни заварки нет, ни кофе, ни какао, ни сгущенного молока, я уж не говорю о печенье.

На то, чтобы найти и принести что-нибудь из этого списка или все сразу, монаху требовалось немного больше времени. Но и с этим, как правило, он справлялся легко. И тут Дима его ошарашивал:

– Так что же мы будем на голодный желудок кофеи распивать? Надо бы для начала поесть что-нибудь посущественнее.

Монахам после обеда, а тем более по вечерам, когда мы обычно и приходили в очередной монастырь, в соответствии с монастырским уставом есть не положено, поэтому первая реакция была стандартная:

– Вон там ресторан (или продуктовый магазин).

Ответ на нее тоже стандартный:

– Ноу мани.

Это понятно любому, даже без перевода. Говорить же, что в монастыре вообще нет ничего съедобного, значит соврать, – а это для буддистов один из самых тяжких грехов, за которые в следующем перерождении попадают в ад.

В одних монастырях монахи питаются тем, что собрали с местных жителей во время утреннего обхода (в обед доедают то, что осталось с завтрака). В других ее готовят «гражданские», работающие на монастырских кухнях. В любом случае сами монахи теоретически не должны иметь никакого отношения ни к приготовлению пищи, ни к ее хранению. Однако на практике это оказывается не совсем так.

В вопросе, что считать едой, а что – нет, царит полная неразбериха. Самые консервативные – пьют только воду; более либеральные – сок, молоко, чай, кофе, какао со сгущенным молоком; а самые неортодоксальные – в «не еду» включают также печенье, вафли, конфеты... Все это, естественно, можно найти как на общих кухнях, где любой монах в любое время может выпить чаю или кофе, так и в кельях.

Казалось бы, рис должен быть исключением. Это «еда» с любой точки зрения (для тайских крестьян зачастую единственная еда). Однако когда мы голодными приходили в какой-нибудь монастырь переночевать, монахи приносили из своих келий не только сухой паек (консервы, печенье, чай, кофе, какао, сгущенное молоко и т. д.), но и вареный рис. И мне, честно говоря, до сих пор не дает покоя вопрос: «Для чего по вечерам держат в кельях вареный рис, если на завтрак будет свежий?»

Вначале мы заходили в монастыри только по вечерам, проситься на ночлег. Но вскоре развели, что днем, в самую жару, там же можно отдохнуть в тени, принять душ, попить...

Чем больше я узнавал жизнь тайских монахов, тем больше удивлялся. Например, среди них очень много курящих. Как известно, Будда Шакьямуни составлял монастырский устав еще в V веке до н. э. О запрете на алкоголь он упомянул, а вот о курении, естественно, не было сказано ни слова. Вот и в монастыре, в который мы зашли переждать дневную жару, монахи как раз устроили перекур. Или... медитацию? Это с какой стороны посмотреть.

В одной буддистской притче говорится о том, как два монаха обратились к своему настоятелю с просьбой разрешить курить. На следующий день один из приятелей увидел, как его товарищ смело расхаживает по монастырю с сигаретой в зубах, а ему настоятель это строго-настрого запретил.

– А что ты говорил? – спросил монах, выпустив клубы дыма изо рта.

– Я спросил: «Можно ли курить во время медитации?» И получил ответ: «Нет».

– А я спросил: «Можно ли медитировать во время курения?»...

Американец в лесу

Когда едешь автостопом по Таиланду и просишь подбросить в сторону какого-нибудь определенного монастыря «сколько по пути», то никогда не высажат на повороте, а обязательно привезут прямо к храму. Вот и в знаменитый лесной монастырь Ват Пананачат Беунвай нам не понадобилось идти от трассы три километра пешком. Хотя водителю и пришлось для этого сделать крюк (зато он, видимо, сильно улучшил свою карму).

Хотя важность медитации известна в Таиланде любому школьнику, количество людей, действительно ее практикующих, там ничуть не больше, чем в западных странах. Даже среди монахов процент любителей этих умственных упражнений не больше, чем среди европейских профессоров и студентов. Большую часть мастеров медитации можно найти в лесных монастырях. Туда стремятся монахи, стремящиеся держаться подальше от людской суеты, и иностранцы, приезжающие в Таиланд учиться восточной мудрости.

Лесной монастырь Ват Пананачат Беунвай известен не только в Таиланде, но и за рубежом как один из крупнейших учебных центров. Именно поэтому здесь, в глухой тайской провинции, так много иностранцев. Европейцы-послушники носят белую одежду и живут в отдельных «кельях». Здесь это – разбросанные в беспорядке по густому лесу домики на сваях. На них для надежной защиты от надоедливых насекомых надевают перевернутые

днищем вверх яркие пластиковые тарелки, резко контрастирующие с общим стилем дощатых строений.

На заросшей густым лесом территории монастыря мы встретили американца, приехавшего на трехмесячный курс медитации.

– Наш ум находится в постоянном движении. Чтобы его успокоить, нужно сосредоточить свое внимание на каком-нибудь объекте. Теория медитации существует уже третью тысячу лет. Согласно ей, нужно концентрироваться на чем-то до тех пор, пока не сможешь «видеть» выбранный объект «внутренним взором». В качестве такого объекта для медитации можно выбрать даже человеческий труп. Можно упражняться и на абстракциях, таких как Будда, Дхамма, Сангха или пространство, сознание, ничто; на эмоциях – любовь, сострадание, радость, единение.

– И вас учат здесь всем этим методам? – удивился я.

– Нет конечно. Это и не нужно. Все они, в конечном счете, ведут к одной цели – к Нирване. Здесь мы обычно практикуем самый популярный в Таиланде, и вообще у последователей буддизма тхеравады, метод «полное осознание». Его суть очень проста: чем бы ты ни занимался, ты должен постоянно отдавать себе полный отчет во всех своих действиях. Например, если при ходьбе нужно осознать, как левая нога поднялась, правая опускается, касается земли, опирается на нее, начинает отрываться, приподнимается...

Как мы жили в «телефонной будке»

После затянувшейся на четыре недели поездки на север Таиланда мы опять вернулись в Бангкок. В поисках ночлега пошли по всем попадавшимся на нашем пути монастырям. Но везде, как сговорились, отказывались оставлять нас даже на одну ночь: «У нас места нет!»

Когда уже стемнело, мы забрели в ярко освещенный Ват Теприсинтаравас. Шли к нему напрямик, по каким-то темным закоулкам, поэтому и внутрь попали не сквозь центральные ворота, а через заднюю калитку. На веранде одного из коттеджей сидел солидный монах в окружении учеников – Срипай Кусарасито.

Как позднее выяснилось, мы случайно попали на настоятеля тайского монастыря в Чикаго – иерарха, имеющего ранг, примерно соответствующий христианскому епископу. По приглашению одного из своих американских учеников Срипай Кусарасито был и в Москве. Возможно, именно в благодарность за оказанный в России теплый прием он сразу же согласился нас приютить.

Оставалось найти свободное место. А в бангкокских монастырях это не такое простое дело. Однако решение все же нашлось. Нас поселили в библиотеке. Скорее ее можно было назвать огромной... телефонной будкой. Внутри одноэтажного домика на расстоянии вытянутой руки от зарешеченных окон стоят два телефона-автомата. Снаружи через прутья решетки можно дотянуться до трубки, опустить монеты, набрать номер. А вот расковырять монетоприемник, оторвать трубку и вообще как-то раскурочить сам автомат уже несподручно.

В этой «телефонной будке» мы провели не одну ночь, как в других монастырях, а три ночи подряд. Каждый вечер к нам в гости заходили «американец» Срипай Кусарасито и его друг Па Саней Фумпуанг (мы прозвали его Брежневым из-за удивительного сходства с прототипом). Они вместе учились в семинарии и поднимались по ступенькам иерархии.

В это время мы оказались в двойственном положении. С одной стороны, нам по-прежнему хотелось попасть в Австралию, причем с визами! А с другой – у нас оставалось примерно по 50 долларов – как раз на консульский сбор. Если нам опять откажут в визе, то не будет денег на то, чтобы вернуться назад домой (минимум 45\$ нужно на визы Лаоса и

Китая). Если же дадут, что маловероятно, будет не легче. Как мы сможем вообще без денег добраться из Таиланда до Австралии?

Несколько дней мы колебались, склоняясь то в одну, то в другую сторону. Была даже идея вообще отказаться от австралийских виз. Может, добравшись до Индонезии, искать пути через Тихий океан сразу в Америку? Или возвращаться назад в Москву? Однажды мы даже зашли в индонезийское посольство на разведку. Но... посольство оказалось закрыто, праздновался день рождения пророка Мухаммеда. Значит, не судьба.

По Таиланду мы разгуливали в желтых футболках с эмблемой «Школы автостопа». Но при входе в австралийское посольство все же пришлось их снять. Переодевались прямо перед удивленными охранниками. Рисковать было нельзя. Слово «автостоп», как я уже убедился, у чиновников вызывает определенные, совсем не нужные претендентам на визы, ассоциации.

В посольстве выяснилось, что Стасе с Эдиком визы дали (на Георгия тоже пришло разрешение, но он не дождался). Почему бы и нам не попробовать?

– А зачем посылать в Австралию сразу так много журналистов? – удивилась второй секретарь посольства Элизабет Джибс. – Троим мы визу дали, и хватит.

– Но я же главный! Как же они будут там без руководителя. А эти двое – со мной.

– Не знаю, не знаю, – в сомнении качала головой Элизабет. – Вы, конечно, имеете полное право подать на визы. Я вам запретить не могу, но и результат не гарантирую. Мы сами не решаем, кому давать бизнес-визу, а кому – нет. Ваши документы пошлем в Канберру и будем ждать ответ. На это потребуется не меньше месяца. Как у вас с тайской визой?

– Если нужно, продлим. Или выедем в Малайзию и вернемся назад с новыми двухмесячными визами, – заверил я. – Был бы результат!

Православная церковь в Бангкоке

Утром мы зашли в русскую православную церковь. Вернее, самой церкви пока нет. Священник Олег Черепанин приехал ее создавать. В Таиланде государственная религия – буддизм. Тайские чиновники в принципе не против христиан. Но они не понимают отличия православной церкви и предлагают присоединиться к уже зарегистрированной римско-католической. Так, например, уже сделали греки. Но Московская патриархия на это не пойдет. Получается тупиковая ситуация. Выход только один – пробиться на самый верх, на прием к королю.

Таиланд – конституционная монархия. Король вроде бы официально не руководит правительством, но в действительности он имеет огромное влияние. И не только на чиновников. Король очень популярен и среди простых тайцев. Он занимается фотографией, увлекается автогонками, разводит домашний скот и птицу, выращивает пробные сорта риса, играет в бадминтон, участвует в парусных регатах и даже собственноручно строит яхты.

Раньше простым смертным, в соответствии со специальным указом, строжайше запрещалось прикасаться к главе государства и членам его семьи. Ослушание каралось смертной казнью. Действовал также закон, по которому «не рекомендовалось» смотреть на королевских особ. Предписывалось закрывать ставни, двери и окна при их приближении. В «нарушителей» стража стреляла глиняными пулями. Поводом для отмены первого закона послужил трагический случай: однажды королева Сиам, прогуливаясь по реке, упала с лодки в воды Чао Прайи и... утонула, поскольку ни один из присутствовавших не посмел кинуться ей на помощь и протянуть руку. Второй запрет был снят при короле Монгкуте (1851–1868), когда одному из любопытных глиняная пуля попала в глаз.

Однако и сейчас рядовому гражданину встретиться с королем не так-то просто. Теоретически есть только одна возможность попасть к нему на аудиенцию. Таиландом сейчас

правит король Пумпидон Адульдет, известный также под именем Рамы Девятого. Но официально его нужно называть не иначе как Его Величество, Верховный духовный владыка, Великая земная сила, Несравненное могущество, Величайший в королевстве, Повелитель Рама, Правитель королевства, Глава суверенного народа, Король Сиама, Верховный защитник и монарх. Для тех, кто намеренно или случайно сделает ошибку в этом сложном имени и тем самым нанесет королю оскорбление, полагается наказание – три месяца тюрьмы. После отбытия срока каждый провинившийся имеет право лично принести королю свои самые искренние извинения. Не воспользоваться ли этим законом для того, чтобы проникнуть на аудиенцию?

Первая тройка кругосветчиков, как оказалось, тоже побывала у отца Олега.

– Ко мне уже заходили трое ваших: девушка-блондинка с двумя высокими парнями. Я звонил в Москву, спрашивал разрешения оставить их на ночь. Но мне объяснили, что, пока у меня нет своего прихода, я не могу давать приют кому попало. Я вашим ребятам предлагал заплатить за ночь в отеле, но они категорически отказались. Поехали ночевать в Паттайю.

Буддистские монастыри Бангкока

Если Русская православная церковь в Бангкоке находится еще в самом зачаточном состоянии, то буддистские монастыри можно встретить на каждом шагу. Самый известный среди них – Ват Пракео. В нем хранится весьма почитаемая в Таиланде реликвия. Статуя, вырезанная из одного цельного куска жадеита, была чудесным образом найдена в 1434 г. в Чианграе. Когда удар молнии расколол ступу-чеди, миру открылась спрятанная внутри гипсовая скульптура Будды, а в ней – Изумрудный Будда.

Возле южной стены Ват Пракео в XVI в. был основан Ват По, известный как Пра-Четупон (храм лежащего Будды). Он считается старейшим и одновременно крупнейшим буддистским монастырем города.

Будда запрещал поклоняться себе, и первые 500 лет его изображений не было. Но сейчас его статуи в Таиланде можно встретить на каждом углу. А уж в монастырях и шагу нельзя ступить, чтобы на них не наткнуться.

Чаще всего Будда изображается сидящим в позе лотоса, но можно увидеть его стоящим или лежащим (обычно на правом боку). Между храмами существует негласное соревнование. В одном хранится самый большой сидящий Будда, в другом – стоящий, в третьем – лежащий. Те же, кто не может тягаться размерами, берут количеством – 1000 Будд, 10 000, 100 000. Есть и отдельные подкатегории. Не каждому под силу построить большую бронзовую или каменную скульптуру. Но ведь мир такой разнообразный. Всегда можно создать Будду из какого-нибудь необычного материала, и некоторое время он будет крупнейшим в своей категории.

В Ват По статуя лежащего Будды длиной 46 метров и высотой 15 метров создана в середине XIX в. Ее сделали из кирпича, оштукатурили и покрыли пластинками золота, а огромные ступни – перламутром. Вдоль стены храма поставили рядом 108 бронзовых мисок. Если бросить в каждую из них хотя бы по копейке, то получишь не только лучшее перерождение, но и удачу в нынешней жизни. Поэтому в воздухе постоянно «висит» звон монет. Пожертвования принимают в любой валюте. Но не все идут в дело. Часть банкнот используется для украшения и складывается на столе под стеклом. Дима увидел там и 100-рублевую бумажку. Монахи ее совсем не ценили и были готовы отдать. Но не смогли достать. Она намертво прилипла.

В монастыре Ват Траймит статуя Будды размером всего около трех метров – смешная по тамошним меркам величина. Но сделана она целиком из золота. Причем, как это часто и бывает в Таиланде, нашли ее случайно. В 1957 г. старую гипсовую статую попытались пере-

двинуть с одного места на другое и уронили. От удара штукатурка разлетелась вдребезги, открыв спрятанного внутри золотого Будду.

На территории Ват По насчитывается около 100 ступ. Они различаются отдельными деталями и размерами, но всегда строятся по стандартному плану. На круглом основании из кирпича или камня стоит прямоугольный плинтус, а на нем – пирамида колоколообразной формы, разделенная орнаментальным обручем на две части. Венчает сооружение шпиль и зонтик с колокольчиками.

Такая структура имеет множество символических интерпретаций. По одной из них она представляет гору Меру; по второй – буддистский рай; по третьей – перевернутую монашескую чашу для подаяний; по четвертой – индийский фаллический символ лингам; по пятой – женскую грудь. Выбирайте вариант по вкусу.

Самая высокая и самая старая в Таиланде ступа – ступа Пра Тхатпаном – стоит в Након-патоме. Археологи считают, что ее начали строить примерно полторы тысячи лет назад. Но, согласно легенде, всего через восемь лет после смерти Будды монах Махакашьяпа принес сюда его ребро. Для хранения этой реликвии и стали строить ступу. Все согласны только в том, что ступу несколько раз надстраивали, пока она, наконец, достигла своей нынешней высоты. В 1975 году во время разрушительного землетрясения она рухнула, но уже через два года была опять восстановлена.

Буддистские монахини

Будда был человеком демократичным и свободомыслящим. Но он долго не хотел принимать в монашеский орден женщин. Только после того, как его мать попросила у него посвящения в монахини, ему пришлось сдаться. Хотя и с тяжелым сердцем. Говорят, что он сказал при этом своему любимому ученику Ананде: «Если раньше я надеялся на то, что основанный мной монашеский орден просуществует 50 000 лет, то после того, как в него стали принимать женщин, он развалится за 5000 лет». С тех пор прошло только 2500 лет, поэтому судить об истинности предсказания пока рано. Но пренебрежительное отношение к женщинам-монахиням и сейчас проявляется во всех слоях буддистского общества.

Самостоятельных женских монастырей нет. Монашенкам обычно выделяют угол в одном из мужских монастырей (вход мужчинам туда строго-настрога запрещен!). Они также бреются наголо, но ходят не в желто-оранжевых одеждах, как «настоящие» монахи, а в белых – подобно «послушникам». Женщины-монашенки не получают религиозного образования и не соблюдают строгие монастырские правила (им достаточно выполнять обязательные для всех буддистов Четыре заповеди: не убивать, не воровать, не пить, не прелюбодействовать). И прихожане, и монахи-мужчины относятся к ним почти как к «бедным родственникам», которых терпят исключительно из милости. Поэтому в монахини обычно и попадают только сироты и вдовы, о которых некому больше позаботиться.

Притом что мы ежедневно посещали по несколько монастырей, с монашками мы впервые познакомились только в Петбури. Очередной пикап высадил нас на шоссе. Город скрывался за высоким холмом, возвышавшимся над абсолютно плоской равниной. На вершине, естественно, стоит монастырь – такое святое место не могло остаться невострєбованным.

Удобно расположившись в тени, на прохладном мраморном полу длинной веранды галереи, мы разглядывали проходящую внизу дорогу, равнину и синеющие на горизонте горы. В листве шумел ветер, по крыше носилась стайка обезьян. Но людей поначалу видно не было. Потом мимо прошла монашка, за ней другая, третья. Как это обычно и бывает в монастырях, в которые мы заходили переждать дневную жару, нам вскоре предложили по бутылке питьевой воды. Потом, заметив, что мы не спешим уходить, стали угощать фруктами, сладостями, чаем. Но, что было совершенно удивительно, монашки сами предложили

нам остаться у них на ночь. Время было послеобеденное, думать про ночлег было еще рано. Но отказаться от такого предложения мы не смогли (ни до, ни после нам не предлагали ночевать в монастыре, а всего лишь не могли отказать в нашей просьбе). Ужин (и завтрак) они также предложили сами, не дожидаясь даже намеков с нашей стороны.

В отличие от монахов, слоняющихся без дела или собирающихся группами поболтать, монашенки постоянно что-то шьют, вяжут, плетут, мастерят. Вообще ведут жизнь отнюдь не праздную. Да и в храм они заходят не для молитв и медитаций, а тоже все больше по делу – протереть пыль, убрать мусор, поставить новые свечи и сменить фрукты у алтарей.

Показной рис

Общее направление у нас было – на юг Таиланда. Но, как это обычно и бывает в авто-стопе, двигались мы хаотически, сворачивая то вправо, то влево, в зависимости от случайностей и okazji.

Из сельской глухомани загруженный ананасами пикап вывез нас на берег моря, в курортный городок Хуа-Хин. Однако погода к купанию не располагала. С моря дул сильный холодный ветер, поднимавший высокую волну. А периодически еще и дождь начинался. В такую погоду лучше вернуться на трассу и продолжить путь на юг, к теплу. Так мы и поступили.

В Пранбури лучи заходящего солнца отражались в покрытых золотом крышах стоящего на высоком холме монастыря. До него, казалось, рукой подать. Постучав по кабине пикапа, мы остановили машину, выпрыгнули из нее и пошли к монастырю напрямик, по азимуту. А зря!

Забрели в густой лес, тропинку потеряли и долго продирались напрямик через колючий кустарник. И все напрасно! Когда до монастыря было уже всего ничего, дорогу преградила река. Шириной она была всего метра три, но вода мутная и течение сильное. Пойти вброд мы не решились, а моста или удачно упавшего дерева не нашлось. Очередной раз убедившись в том, что короткий путь не всегда самый быстрый, мы вернулись на шоссе.

Монастырь, на достижение которого мы потратили так много времени и сил, вблизи оказался не таким впечатляющим, как издали. К тому же площадь перед ним была завалена мусором от только что закончившейся ярмарки. Центральный храм был заполнен «туристами». В Таиланде туристические компании организуют дешевые автобусные туры с ночлегом по монастырям.

У нас с собой был маленький пакетик риса – нужно было только найти, где его сварить. Дима остался в монастыре, а мы с Татьяной Александровной отправились на поиски.

Монастырь стоит возле устья реки. Там работала землеройная машина, а рядом в плавучем домике жили рабочие с семьями.

– Не поможете сварить нам рис? – обратился я к ним с вопросом и показал принесенный нами пакетик риса и котелок.

– Конечно, – заверил нас самый старый из рабочих и предложил нам сесть за стол.

К нашему рису добавили еще примерно столько же своего, вымыли прямо в реке и положили в электрическую рисоварку. Он готовился примерно двадцать минут. За это время нас успели накормить ухой и напоить чаем. А ведь после этого – на уже полный желудок – нужно было еще и рис есть.

На следующее утро попала прямая машина сразу до Пхукета. Хотя мы в тот день планировали доехать только до Чумпона, отказываться не стали. Сидели в кузове пикапа, но под дырявой крышей. Она плохо защищала нас от палящих лучей солнца, еще хуже от начавшегося сильного ливня. Дождь продолжался и тогда, когда мы по мосту, переброшенному через узкий пролив, въезжали на остров Пхукет.

Посвящение в монахи

Название острова Пхукет произошло от малайского слова «букит» (холм). Холмов там действительно очень много. На окраине города, который тоже называется Пхукет, на вершине одного из холмов соорудили небольшой, но очень элегантный храм. Монахи там не живут – слишком мало места. Зато на самом краю обрыва есть удобная бетонированная площадка – как раз для палатки.

– Внизу возле киоска с цветами я видел два ананаса, – сказал Дима. – Пойду узнаю, может, их можно взять?

Через десять минут он вернулся с ананасами и... двумя пакетами еды.

– Я спросил женщину, которая там торгует, можно ли взять ананасы. «Зачем?» – удивилась она. Когда же я объяснил, что для ужина, собрала для нас всю свою еду – видимо, ананасами здесь питаются только те, у кого нет денег даже на рис.

Вечером погода была замечательная, и мы допоздна наслаждались открывавшимся видом. А утром проснулись от шума ливня. Снизу уже подтекло, и спальные мешки промокли. Пришлось быстро-быстро собираться и идти сушиться в храм. Его уже открыли, как будто специально для нас. Других посетителей в этот утренний час не было. Свои мокрые спальники мы разложили за спиной гигантской скульптуры лежащего Будды, включили вентиляторы.

Чхалонг раньше был очень популярным курортом. Сейчас большинство отдыхающих предпочитает пляжи на западном берегу острова, но храм Ват Чхалонг, хотя и не поражает архитектурными изысками, по-прежнему остается центром паломничества. Там мы попали на церемонию посвящения в монахи.

Буддистским монахом может стать тот, кто достиг двадцатилетнего возраста и при этом: не имеет заразных болезней или долгов; является дееспособным; получил согласие родителей и жены (если женат). Кроме того, существует и образовательный ценз, хотя и минимальный.

Посвящение в монахи проходит в специальной комнате. Сидя на коленях перед лицом монахов, кандидат, уже наголо обритый и одетый в желтую монашескую робу, должен правильно ответить на вопросы. Только после этого он может попросить, чтобы его приняли в монахи. Если никто из присутствующих на церемонии не возражает, новичка официально объявляют монахом и присваивают новое, духовное имя (на пали).

Принятый в монашеский орден умирает как гражданское лицо. Он отказывается от всей своей собственности и впредь будет обладать только желтой монашеской робой, миской для подаяний, поясом, бритвой, иглой с ниткой, контейнером для воды и опахалом из пальмового листа. По крайней мере, так должно быть по уставу.

Желтая роба является символом бедности и показателем принадлежности к ордену. Буддисты верят, что она сама по себе обладает магическими свойствами: защищает от атаки духов, ведьм и другой нечисти. Поэтому и обращаются с ней так же уважительно, как и с другими святыми объектами. Даже вопрос: «Носить робу на одном плече или на обоих?», считается настолько важным, что приводит к образованию монашеских сект.

Тайские буддисты считают, что лучший способ замолить грехи и улучшить карму – это построить монастырь. Конечно, не всем это по карману. Но богатые просто обязаны внести свой вклад в архитектуру. Часть монастырей построена и содержится непосредственно королевской семьей. Поначалу мы их обходили стороной – очень уж они напоминают дворцы. Разве кому-нибудь придет в голову попроситься на ночь, например, в храм Святого Петра в Риме или во дворец далай-ламы Потала в Лхасе?

Но однажды я предложил своим попутчикам, конечно, исключительно из научного интереса, заглянуть в сияющий белым мрамором и сусальным золотом королевский монастырь – в самом центре Бангкока, в окружении небоскребов и торговых центров.

– А можно ли у вас переночевать?

Монах-библиотекарь, к которому я обратился с этим вопросом, был шокирован.

– Нашему монастырю уже 300 лет. И впервые (!!!) иностранцы просят к нам на ночлег!

Он пошел передавать нашу просьбу и надолго пропал. Видимо, напрямую к настоятелю у него доступа не было, и запрос проходил по инстанциям до самого главного иерарха и назад. Но разрешение остаться на ночь мы все же получили.

Сонкран в Чианг-Мае

С Володей Ивановым мы расстались в Пекине. Оттуда он добирался в Таиланд кружным путем: через Гонконг, Макао, Вьетнам и Кампучию и через Интернет сообщил, что уже добрался до Таиланда и устроился работать в Паттайе на змеиной ферме. После очередного визита в австралийское посольство, где нам пришлось заполнить очередной ворох бумаг, мы отправились его навестить.

В Паттайе оказалось две змеиных фермы. Володю Иванова мы нашли на второй, дальней.

– В Паттайе я обошел все русские рестораны. Оказалось, не сезон. Две недели болтался по городу, ночевал на пляже, в буддистских храмах. Саша из клуба подводного плавания «Ихтиандр» – когда шел спать на берег моря, я оставлял у него рюкзак, – предложил мне поработать на змеиной ферме. Ее хозяин Дима, естественно, тоже русский. Здесь с тех пор и живу: кормлю змей и других животных, наблюдаю за порядком. А порядка-то здесь как раз и нет! У Димы есть компаньон – таец. Прошлой ночью он пришел пьяный и устроил погром, расколотил стеклянные аквариумы, разбил склянки с заспиртованными змеями. Пришлось вызвать полицию, составить протокол. Будут теперь судиться.

Переночевав на змеиной ферме, мы утром отправились дальше на восток, договорившись встретиться с Володей на Пасху в Бангкоке у отца Олега.

В течение трехмесячного периода – с полной луны июля до полной луны октября – у буддистов строгий пост: никаких праздников нет, свадьбы не справляются, публичные развлечения запрещены, а монахи обязаны оставаться в своих монастырях, а не путешествовать.

Все праздники приходятся на сухой сезон (он также совпадает с пиком туристического сезона!). Тогда и прихожане не загружены полевыми работами, да и путешествовать легче, чем в период дождей.

Сонкран празднуют в первую половину апреля, когда солнце в соответствии с древним индийским астрологическим календарем переходит из созвездия Рыб в созвездие Овна. Подготовка же начинается задолго до этого: шьют новые костюмы и платья, проводится генеральная уборка: скребут улицы и дворы, моют полы, окна, стены, сжигают мусор.

Для нас Сонкран начался совсем неожиданно. Мы подъезжали к Чианг-Маю в открытом кузове пикапа и едва оказались на городской окраине, как сразу же стали привлекательной мишенью для всех, кто стоял вдоль дороги с запасами воды. Вначале на нас только брызгали из водяных пистолетов. Потом стали лить ведрами. Пока доехали до центра города, промокли так, будто нас в одежде и вместе с рюкзаками (и всем их содержимым, включая документы) вымачивали несколько часов в ванне с водой.

Зашли обсушиться в ближайший монастырь. Развесили свои мокрые вещи на скамейке – сушить под жаркими лучами солнца.

Большинство тайских монахов – выходцы из бедных крестьянских семей. Для них пострижение в монахи означает повышение социального статуса, а монастырь оказывается более комфортным местом, чем родной дом. Однако не все послушники, узнав на своей шкуре прелести монастырской жизни, рвутся на всю жизнь уйти в монахи. Их пугает скука «святого» быта.

Работать монахи не должны, а учиться, в подавляющем большинстве, не хотят. Ежедневная же рутина дает очень мало возможностей для упражнения ума и тела. Именно поэтому скучающие монахи всегда с огромным интересом «набрасываются» на посетителей. Они редко готовы и еще реже хотят вести религиозные диспуты, но с радостью болтают на бытовые темы. Вот и в этом монастыре к нам подошел монах. Посыпались обычные вопросы: кто, откуда, куда и т. д. Он же нам сам и предложил:

– Можете остаться у нас на ночь.

Нас поселили в длинном, но узком и запыленном зале, возле двери которого мы как раз случайно оказались. В шкафах были свалены циновки, одеяла, подушки. Очевидно, это было что-то типа общежития для паломников.

Три дня в Чианг-Мае вода была повсюду. На тротуарах стояли прилавки с ведрами, ваннами и бочками. По улицам шли кавалькады пикапов с группами тинэйджеров, «вооруженных» водяными пистолетами. Одни обливали прохожих и проезжающих, чтобы символически смыть их грехи, другие – исключительно для веселья. Доставалось всем без исключения: и зевакам, и официальным лицам.

Только по вечерам после захода солнца объявлялось перемирие. Сразу же начинались народные гуляния и концерты. Центральную улицу закрывали для транспорта, ставили прямо на дороге столики, разжигали полевые кухни. Однажды мы увидели, как несколько ребят с гитарой пели песни и собирали деньги на поддержку какого-то молодежного лагеря. Последовав их примеру, мы устроили сбор спонсорских средств на поддержку «Школы автостопа». Даже без гитары нам за два вечера удалось собрать около 10\$ на визы. А ведь мы обращались только к иностранцам и редким англоговорящим тайцам!

В то время как молодежь бесилась на улицах, старики и самые набожные буддисты тянулись в монастыри «улучшать карму»: молиться и делать щедрые новогодние подарки монахам. Наиболее сердобольные «освобождали» рыбу и животных (пойманную в реке рыбу за деньги запускают в специальный пруд, где ее уже нельзя ловить; а для животных создают приюты, где их будут кормить до тех пор, пока они не умрут естественной смертью).

В монастыре нас терпели все три праздничных дня. А когда мы собрались уезжать, настоятель, которого мы ни разу не видели, передал нам через одного из монахов новогодний подарок – по 100 батов.

Три раза на одном джипе

Из Чианг-Мая мы поехали в сторону Мае-Хонг-Сона. На выезде из города остановился красный двухместный джип «Судзуки» с семейной парой немецких туристов.

– А мы вас вчера видели! Вы собирали деньги на кругосветное путешествие. Садитесь, подвезем вас немного. Внесем свою лепту в вашу эпопею.

Когда доехали до водопада, немцы заплатили по 20 батов и пошли через вход, а мы – через джунгли, в обход постов. На это, конечно, понадобилось больше времени. Поэтому немцы нас не дождались. Но, проехав на трех пикапах километров двести, мы их встретили опять. Курт и Хельга нас сразу же узнали и остановились. На этот раз мы вместе попали в пещеру (вход был бесплатный) и долго бродили по ней в сопровождении гида (его оплачивали немцы) с мощным фонарем, рассматривая сталактиты и сталагмиты.

Когда мы вышли из пещеры, уже смеркалось.

– Мы сейчас едем на деревенский праздник, – сказал Курт и добавил: – Кормят там всех бесплатно.

Праздник был в самом разгаре. К бесплатной еде мы в Таиланде уже привыкли. А вот от такой вкусной кухни, наоборот, отвыкли. Впервые с тех пор, как мы уехали из России, в этой глухой деревне на лаосской границе нас угостили не надоевшим рисом, а удивительно вкусным куриным супом с картошкой (!!!).

Праздник продолжался. Но долго смотреть на то, как тайцы упиваются дешевым виски с содовой, было скучно и грустно. Отказавшись от нескольких настойчивых предложений присоединиться к пьяным компаниям, мы на попутном грузовике добрались до поселка Мэсуй и сразу же отправились на поиски монастыря. Случайно наткнуться на него не удалось, пришлось спрашивать у редких случайных прохожих.

Один никак не мог понять, что нам нужно.

– Где буддистский храм? – спрашиваю я его.

– А? Полицейский участок?

– Нет! Буддистский храм!

– Полицейский участок? – опять повторил он (может, это было единственное английское слово, которое он знал).

Второй прохожий меня тоже не понял. Но, немного поразмыслив, он, видимо, подумал: ну, что могут искать три иностранца ночью? И тут же послал нас в... отель.

И только у продавцов стоявших на обочине шоссе киосков мы все же допытались, где искать местный монастырь. На то, чтобы поселиться в только что построенном новом храме, понадобилось значительно меньше времени и сил, чем на поиски.

Утром на дороге показался все тот же красный «Судзуки». Уже в третий раз! По такому случаю мы провели с немцами целый день, посетив по пути еще одну пещеру, лесной монастырь и два водопада.

От Мае-Хонг-Сона к Мэсаряну

Из Мае-Хонг-Сона выехали, как обычно, в открытом кузове пикапа. И, честно говоря, нам там нравилось значительно больше, чем в кабинах легковых машин с работающим на полную мощность кондиционером. Недостаток своего положения пришлось почувствовать, когда ночью началась гроза: сверкали молнии, гремел гром, струи дождя хлестали нам в лицо. А спрятаться от этого буйства стихии было некуда. Пока доехали до Мэсаряна, успели промокнуть насквозь.

Монастырь нашли быстро, но время было позднее, и ворота уже закрыли. Пока мы колебались, перелезть ли через стену, подъехал пикап. Из него вышел монах – как потом выяснилось, единственный в этом монастыре. Он живет в доме с двумя молодыми женщинами (!!!), но нас поселил отдельно – в пустом храме.

Хотя по уставу монахи должны питаться смесью пищи, попавшей в их миску для подачи, очень редкие «аскеты» следуют этому правилу. Да и пища сейчас упакована в отдельные полиэтиленовые пакетики: рис, различные приправы и сладости не смешиваются в один комок. Кроме того, неоднократно наблюдая за тем, как монахи едят, я заметил, что они не берут то, что случайно окажется перед их носом, а выбирают самые вкусные блюда.

Миряне всегда, когда приходят в монастырь, обязательно приносят с собой какие-нибудь вкусности. А у некоторых монахов есть постоянные спонсоры, которые обеспечивают их пищей ежедневно. Видимо, кто-то содержал и единственного монаха, жившего в монастыре в Мэсаряне. А готовили ему, похоже, жившие с ним (непонятно на каких правах) женщины.

Путешествуя по буддистским монастырям, мы незаметно для себя пропитывались буддистским спокойствием и медитативным настроем. Даже самая трудная для европейцев медитация «дзадзен» – сидеть и ничего не делать – стала для нас привычным занятием. Вот и из монастыря в Мэсаряне мы вышли только после обеда, хотя полдня ничем, собственно, и не занимались.

Карма, настойчивость и мудрость

По мнению буддистов, рождение мужчиной или женщиной, русским или тайцем, богатыми или бедным, умным или глупым и т. д. – определяется кармой. Но это не значит, что у нас вообще нет никакой свободы выбора. Даже внутри заданных границ мы можем менять свое положение в широких пределах. Для этого одной кармы мало, нужны мудрость и настойчивость.

Объясняя взаимосвязь трех элементов успешного действия, один монах как-то рассказывал мне такую притчу. В одном из перерождений Будда был рыбой. Однажды его поймали. Он попал в лодку, где уже было две рыбы. Одна из них была очень упорной и настойчивой: она долго билась и трепыхалась, пытаясь выпрыгнуть из лодки. Рыбаку это надоело, и он ее убил. Вторая подумала: «Ничего нельзя поделать – все определяется моей кармой», расслабилась и... закончила жизнь в кастрюле с ухой. И только одна рыба – будущий Будда – проявила сразу и мудрость, и инициативу. Дождавшись момента, когда начался шторм и рыбак был занят тем, чтобы удержать свою лодку на нужном курсе, она перепрыгнула через борт, – обрела свободу и спасла свою жизнь.

Важность этих трех составляющих успеха мы смогли оценить и на своем собственном примере. Путешествуя по буддистским монастырям и соблюдая большую часть буддистских заповедей (кроме запрета не есть между обедом и завтраком), мы улучшали карму; три раза подавая на австралийские визы – демонстрировали настойчивость. Но для успеха нужна была и мудрость.

Путешествуя автостопом от монастыря к монастырю, мы уже привыкли обходиться совсем без денег. Но нам бы не удалось убедить работников австралийского посольства, что таким же образом мы доберемся и до Австралии – в чем и сами, честно говоря, отнюдь не были уверены. Вместо денег предоставили гарантийное письмо от издательства, которое прошло «на ура». Но чиновников интересовало другое.

– А как именно вам все оплачивают? Каков механизм?

Вот тут-то и настал черед продемонстрировать собственную мудрость. Действительно, как бы мы получали деньги, если бы нам их кто-нибудь на самом деле пересылал? Проблема была в том, что у нас не было не только самих денег. Не было ни квитанций, ни чеков, ни билетов на транспорт – ничего! И этому нужно было срочно придумать правдоподобное объяснение!

К счастью, во время обучения в МГУ я научился создавать вполне правдоподобные, хотя и чисто гипотетические схемы. И вот что я придумал. Якобы в Москве на мой счет перечисляют некую сумму. Я получаю деньги по пластиковой карточке из банкомата и трачу их на проживание и проезд. А все чеки, подтверждающие и расходы и доходы, в качестве оправдательных документов отсылаю в издательство. Именно поэтому у меня нет на руках ни денег (их я потратил), ни чеков (их я уже отправил).

Это объяснение в посольстве сочли достаточно правдоподобным и тем самым подтвердили мою «мудрость». Теперь оставалось только набраться терпения и ждать. Все, что было в моих силах, я сделал. Окончательный результат, каким бы он ни был, теперь будет зависеть только от кармы.

Ностальгия

Мы были «пришпилены» к австралийскому посольству, как бабочка к листу булавкой. Если и едем в какой-нибудь конец страны, то знаем, что все равно придется вскоре возвращаться назад в Бангкок, оформлять очередные бумаги. За месяц объездили все важнейшие туристические достопримечательности Таиланда; во второй – просто интересные места, а на третий – чтобы не повторяться – открывали скучные деревни и никому не нужные пыльные провинциальные городки. Не удивлюсь, если мы были там первыми европейцами. И уверен, что еще очень надолго – единственными.

Это было тяжелое испытание. Как правильно заметил Андрей Макаревич: «Гораздо трудней не свихнуться со скуки и выдержать полный штиль». Нам всем было тяжело, но первым не выдержал Дима Становов. Уже месяц он регулярно заводил разговоры о своем желании вернуться назад в Москву. И с каждым днем все настойчивее и настойчивее.

– Может, мы все-таки получим австралийские визы? Или хотя бы в Малайзию съездим. Она же безвизовая, – Татьяна Александровна все еще пыталась Диму уговорить.

Какое-то время этот аргумент действовал, но в Канчана-бури Дима стал уже непреклонен.

– Нет. Я возвращаюсь.

– А как без денег проедешь по Китаю? Там же ночевать не приглашают.

– В Таиланде я уже привык без денег обходиться. Думаю, и в Китае не пропаду.

Уже пятый месяц мы путешествовали вдвоем. Причем, почти как во время космического полета, никогда не разделялись. И при этом ежедневно приходилось принимать сотни решений. В нашей тройке чаще всего именно мне приходилось принимать на себя роль лидера – как наиболее опытному путешественнику и единственному знатоку английского языка. Но и Татьяна Александровна рвалась поруководить. Бывало, мы попадали на развилку, где я предлагал свернуть направо, а Татьяна Александровна – налево. Причем ни у нее, ни у меня не было аргументов в пользу своего выбора. В таких случаях решение принималось большинством голосов и зависело от того, к кому примкнет Дима.

Когда он собрался возвращаться домой, а я – продолжать кругосветку, Татьяна Александровна оказалась в трудном положении. На этот раз ей нужно было решать, к кому примкнуть: в Россию возвращаться не хотелось, но и перспектива терпеть мой «авторитарный стиль руководства» ее отнюдь не радовала. В который уже раз она попыталась соблазнить Диму радужной, но маловероятной перспективой:

– Может, нам все же дадут австралийские визы?

Но Дима уже не поддавался на уговоры:

– Все равно уеду домой!

Нам тогда казалось, что ему не хватило настойчивости. Но сейчас я в этом уже не уверен. Мы были еще на пути к Австралии, когда Дима, проехав в одиночку через Лаос и Китай, вернулся в Москву. Там, рассказывая на очередной субботней встрече «Школы автостопа» о нашей поездке, он случайно познакомился с Ксенией. Вскоре она стала его женой, а в начале 2005 г. у них родился сын Валерий. Возможно, назвали его в мою честь. Ведь именно благодаря затеянной мной кругосветке он и появился на свет! Вот ведь какие иногда бывают странные взаимосвязи причин и следствий.

Некоторое время промучившись с выбором, Татьяна Александровна все же предпочла продолжить кругосветку. Я же обещал не бросать ее одну в «диких» странах. Мы расстались с Димой, договорившись встретиться через неделю в Бангкоке. И мы с Татьяной Александровной уже вдвоем поехали в сторону национальных парков, которыми так знаменита провинция Канчанабури.

Монахи – тоже люди

Монахи – такие же люди, как и мы с вами. Они вступили в монашеский орден, надели желтые робы и живут в соответствии с монастырскими правилами, но еще не достигли окончательного освобождения. А раз так, то и у них есть какие-то свои привязанности и соблазны. Также, как и все остальные люди, монахи завидуют, злятся, скандалят... Если даже самому Будде потребовались сотни перерождений для того, чтобы достичь Нирваны, то вряд ли нынешние монахи надеются добиться этой цели быстрее.

Именно потому, что монахи всего лишь люди, Будда и разработал сложный монастырский устав. Включенные в него правила направлены не на уничтожение желаний – это цель медитации, а всего лишь на контроль за их проявлениями.

В первую очередь речь, конечно, идет о плотских желаниях. Как хорошо известно, они в монастырях часто даже сильнее, чем в миру. Поэтому буддистский монастырский устав делает особое ударение на celibate. За сексуальные проступки монахам грозит не только гипотетическое кармическое наказание – попадание в ад. Их сразу же исключают из ордена и подвергают публичному осуждению. При этом возмущение мирян сексуальными прегрешениями вызвано не столько праведным гневом, сколько тем, что деньги и время, потраченные на содержание «аморальных» монахов, никак не способствуют «улучшению кармы». Они, считай, были потрачены зря! Поэтому, когда в монашеской среде случаются «аморалки», буддистское сообщество всячески старается их скрыть. Именно поэтому за три месяца путешествия по монастырям я не слышал ни одной «любовной» истории. Но это, конечно, не означает, что все тайские монахи бесполое существа.

Будда считал, что на пути к просветлению монах должен держаться срединного пути – с одной стороны, отказываться от потакания земным удовольствиям, а с другой – не заниматься самоистязанием. Труднее всего справиться с естественными позывами плоти. Именно они считаются основным препятствием на пути к освобождению. А степень угасания сексуального желания считается одним из показателей продвижения к святости.

Монастырский устав содержит много правил, направленных на контроль сексуальных желаний через уменьшение контактов с женщинами. Монахам запрещается: спать с ними под одной крышей (в том числе и животными женского пола); путешествовать; прикасаться или принимать какие-либо вещи из рук в руки, касаться женской одежды; носить на руках девочек; обнимать животных женского пола.

Эти запреты являются очень строгими и не допускают никаких исключений. Например, монах не имеет права касаться даже своей собственной матери. Даже в тех случаях, когда это кажется неизбежным. Например, если она споткнется и упадет, он должен подать ей полу своей робы или посох, но никак не руку (и думать при этом, что тащит бревно!).

Расставшись с Димой, мы на пару с Татьяной Александровной проехали за день всего километров тридцать – большую часть времени потратили на посещение водопадов. Вечером мы ехали в кузове пикапа в сторону очередного водопада. И тут погода стала быстро портиться. Небо моментально затянуло огромной темно-синей тучей. Чувствовалось, что с минуты на минуту начнется страшная гроза. Поэтому, как только я увидел у дороги деревенский монастырь, сразу же стал стучать по кабине. Едва машина остановилась, мы спрыгнули на дорогу и побежали под ближайшую крышу. Уже на полпути на нас упали первые капли. Потом ливень хлынул с такой силой, будто в небе открыли заслонку. Монах, наблюдавший за тем, как мы бежим, сразу же пригласил нас на веранду своего домика – угостил чаем и сам же предложил оставаться на ночь.

В новеньком коттедже, похожем на подмосковную летнюю дачу, было всего две комнаты, разделенные открытой верандой. В одной комнате жил монах – и настоятель, и завхоз, и духовный лидер в одном лице; в другой – два мальчика-подростка.

Когда мы путешествовали по Таиланду втроем, нас, видимо, воспринимали неделимой группой и никогда не предлагали селиться в разные комнаты. А в этот раз монах предложил Татьяне Александровне спать в его комнате, а мы с ним расположились на веранде. Дождь лил всю ночь. Крыша не выдержала. Прямо над моей головой образовалась дыра. Оттуда вначале капало, потом потекла тоненькая струйка, с каждым часом становившаяся все сильнее. Мне пришлось отползать – не спать же в луже. Отодвинувшись от стены, я тем самым сильно приблизился к лежавшему у противоположной стены монаху. Он, как бы это сказать помягче, понял мои намерения неверно... Сразу стало ясно, что лучше уж спать в луже.

Первая Пасха в Юго-Восточной Азии

Мы ехали в Бангкок на Всенощную в русской православной церкви. Времени оставалось достаточно. Но неожиданно начался мощный тропический ливень. Только-только успели выскочить из открытого кузова пикапа и стремглав броситься под ближайшую крышу – на веранду открытого кафе. Казалось, вот-вот дождь закончится и можно будет вернуться назад на трассу. Но прошел час, второй, наступили сумерки, стемнело, а дождь и не думал прекращаться. Неизвестно чего ждущие европейцы, естественно, вызвали всеобщий интерес. К нам стали по одному, по двое подходить тайцы, что-то спрашивать. Но разговор завязался только после того, как в компании нашлась англоговорящая женщина. Узнав, что мы едем в Бангкок, она удивилась.

– Так вот же автобус стоит. – Они вытянулись в ряд в переулке возле одной из стен кафе.

– А у нас денег нет. Мы автостопом едем. Вот дождемся, как дождь закончится, и на трассу.

Тайка перевела наши слова толпе зевак и добровольных помощников. Начался гвалт. Каждый громко высказывал свои предложения, спорил с другими. Что они обсуждали, мы узнали только после того, как англоязычная тайка нам перевела.

– Мы договорились с водителем, – она показала на толстого мужика, который тоже давно отирался в толпе зевак. – Он отвезет вас в Бангкок бесплатно.

Только благодаря такой неожиданной помощи (видимо, свыше!) мы и успели в Бангкок к началу службы. Там мы встретились с Володей Ивановым. Он уже закончил свою работу на змеиной ферме в Паттайе и дальше в Малайзию собирался ехать вместе с нами.

Из Бангкока можно выйти пешком. Но зачем целый день тащиться по жаре, если проезд на автобусе стоит всего 3,5 бата. Мы пришли на автобусную остановку и стали ждать. Однако нужного нам автобуса почему-то очень долго не было. Нам было что друг другу рассказать... Стоим, вспоминаем свои приключения, и вдруг Володя побледнел.

– А где моя сумка? – и стал оглядываться по сторонам.

Наши рюкзаки стояли на месте, а его сумка бесследно исчезла. Мы были так увлечены разговором, что не заметили, когда это произошло. Автобусов на станции останавливалось много. Один из них только-только отошел. Может, его еще можно было успеть остановить. Но наше внимание отвлекла женщина – кроме нее и нас на остановке никого не было. Она вызвалась идти с нами в полицейский участок и только потом сообщила:

– Я видела, как молодой парень схватил вашу сумку и прыгнул в автобус!

Неожиданное происшествие захватило нас врасплох. Мы привыкли, что денег и ценных вещей у нас нет (видеокамера последний месяц хранилась в доме у отца Олега, настоятеля русской церкви), поэтому и потеряли бдительность. Сейчас, вспоминая происшествие, я все больше склоняюсь к мысли, что та «добровольная помощница» была сообщницей вора.

И со своей задачей отвлечь наше внимание, пустить по ложному следу и контролировать процесс поисков она справилась блестяще. Вероятно, она продолжает работать на улицах Бангкока. Поэтому, если кого-нибудь из читателей этой книги там обворуют, не удивляйтесь, если она «придет на помощь», а передавайте ей от нас привет!

В сумке, к счастью, ни денег, ни документов не было. Но Володя в очередной раз потерял свой фотоаппарат.

Не заниматься любовью. Ни в какой форме!

По статистике в Таиланде не меньше 30 000 буддистских монастырей – в городах и деревнях, в лесах и горах... И практически в любом из них можно остановиться, пусть и всего лишь на одну ночь. Можно спокойно путешествовать целый день, рассматривая достопримечательности, совершенно не беспокоясь о наличии отелей и свободных мест в них. Как только стемнеет, достаточно оглядеться вокруг или спросить кого-нибудь из местных жителей, чтобы найти ближайший монастырь.

За три месяца путешествия мы детально отработали технологию: проходим через ворота внутрь на территорию и сразу же на задний двор – туда, где живут монахи. Часто какой-нибудь любопытный, желающий попрактиковаться в английском, сам к нам подходил и завязывал разговор. Если же этого не происходило, то я выбирал одного из монахов (лучше всего обращаться к монахам среднего возраста; очень молодые – еще ничего не знают; очень старые – если и знали, забыли) и спрашивал его по-английски: «Можем мы переночевать здесь одну ночь?» Если он делал вид, что не понимает, переходил на язык жестов – сложив ладони, прикладывал их голове и показывал один палец – «на одну ночь» (чтобы сразу было понятно, что мы не новички и правила знаем).

Следующий этап – получение разрешения настоятеля – обычно проходил без нашего непосредственного участия. Чаще всего нас селили непосредственно в храме. Это просторное помещение под крышей (часто без стен), с вентиляторами на потолке. Днем здесь проходят молитвы и медитации, завтраки и обеды, праздники и поминки. А по ночам на полу спят такие же, как и мы, странники. Для них приготовлены комплекты циновок, подушек и одеял.

Когда мы путешествовали вдвоем с Димой, монахи, видимо, принимали нас за семью. Когда же его место занял Володя Иванов, наша группа стала выглядеть довольно странно: двое мужчин примерно одного возраста с женщиной. Если это и вызывало вопросы, то на первых порах невысказанные. И вот заходим мы вдвоем в очередной монастырь. Как обычно, я объясняю монаху, что нам нужно переночевать одну ночь.

Он соглашается нас принять и что-то добавляет. Но что именно, я понял только с третьей попытки.

– Только любовью не заниматься. – Заметив мою реакцию, он добавил: – Ни в какой форме!

– ??? Конечно, не будем! – заверил я его.

Нас поселили в отдельном домике, и всю ночь «сексуально озабоченный» монах ходил вокруг, периодически заглядывая в окна. Видимо, проверял, выполняем ли мы свое обещание. Или ему было интересно выяснить: а не существует ли какой-нибудь доселе неизвестной формы любви?

Чтобы и в других монастырях у монахов, глядя на нас, не возникало сексуальных мыслей, нужно было придумать какое-то разумное объяснение на вопрос: «Почему вы путешествуете вдвоем». Я предложил так.

– Давай будем говорить, что мы с Татьяной Александровной муж и жена, а Володя – мой брат.

Но первый же монах, которому я это сказал, удивился:

– Он твой брат? А я подумал, что это твоя сестра, а он – ее муж.

Внимательно посмотрев друг на друга, мы вынуждены были признать, что действительно мы с Татьяной Александровной внешне больше друг на друга походим.

– Ладно, – предложил я. – Давайте Татьяна Александровна и Володя будут муж и жена, а я – ее брат.

Так мы потом и путешествовали. А после того, как Володя от нас отделился, мы с Татьяной Александровной так и продолжали оставаться «братом с сестрой». Именно так мы и представлялись всем, с кем знакомились в пути. Оказалось, что такая легенда идеально подходит для тех, кто путешествует в смешанной паре, но не имеет со своим попутчиком близких отношений. Всем встречающимся по пути гостеприимным людям было понятно, что в одну комнату нас поселить можно, а в одну кровать класть уже не стоит.

Тайский вариант «Дома Советов»

Подъезжая к Чхантабури, мы обратили внимание на табличку «Ват Кхао Суким». До монастыря оставалось километров тридцать по шоссе и потом еще километров пять в сторону. Но, как это в Таиланде обычно и бывает, нас подвезли прямо к воротам.

За три месяца путешествия по Таиланду я видел уже столько разных монастырей, что, казалось, уже ничто меня не может удивить. Но выяснилось, что это не так.

В темноте здания монастыря разглядеть толком не удалось. Наверх по крутому склону ведет широкая каменная лестница, а параллельно ей проходит фуникулер (за 5 батов). Поднявшись по ней, мы вышли к основанию огромного пятиэтажного монстрообразного здания.

– Как нам найти монахов? – спросил я попавшегося по пути тайца.

– Вам переночевать, – не столько спросил, сколько констатировал он. – Идите сразу туда, – и показал на дверь.

Открыв дверь с табличкой «sleeping room» («спальня»), мы попали в зал размером с футбольное поле. И он уже больше чем наполовину был заполнен спящими людьми!!! В дальнем конце возвышалась гора из подушек (по крайней мере, несколько тысяч!!!) и стопка циновок (еще одна гора). Утром мы нашли и «dinner room» (обеденный зал). Там тоже было самообслуживание: берешь тарелку, накладываешь себе еды из огромного котла, наливаешь из бачка кофе, а затем сам за собой убираешь.

Когда в 1997 г. до Таиланда докатился экономический кризис, потрясший экономику всех стран Юго-Восточной Азии, тайские буддисты сразу же поняли его причину – «карма загрязнилась», и стали еще активнее, чем прежде, жертвовать деньги на строительство храмов.

И тут начался настоящий строительный бум – сейчас практически в любом буддистском монастыре увидишь новенький – только что построенный или еще недостроенный храм. Они поражают не столько архитектурными изысками, сколько размерами. Бетонные монстры размером с крытый рынок или стадион можно увидеть даже в деревнях, не говоря уж о крупных городах. Но даже среди них Ват Кхао Суким выделяется, как Гулливер среди пигмеев.

По размеру это пятиэтажное здание сравнимо с Кремлевским Дворцом съездов. А зайдя внутрь, попадаешь в... огромный антикварный магазин. Там собраны мебель, посуда, домашняя утварь, монеты – разной художественной ценности, но все очень и очень дорогое! «Хлама» (с точки зрения Будды) так много, что в огромных помещениях размером с два футбольных поля остались только узенькие «тропинки», по которым больше одного-двух человек зараз не пройдет. Сюрреализма этому необычному «храму» добавляют и встречающиеся восковые скульптуры монахов – почти как в Музее мадам Тюссо.

Но и это еще не все. Оказывается, это величественное сооружение не более чем временный «барак». Скоро будет построен новый храм – почти полная копия грандиозного Дома Советов с двадцатиметровой статуей Ленина, который планировали построить в двадцатых годах XX в. в Москве на месте взорванного храма Христа Спасителя. Уже сейчас можно увидеть макет, увенчанный гигантской статуей Будды. Рядом с ним идет активный сбор пожертвований на строительство, а на соседней горе уже вырыт гигантский котлован под фундамент.

В Малайзию, срочно!

У Чонбури нас подобрала тайская семья, и переночевали мы у них в гостях, в двухэтажном особняке на окраине Бангкока. Чтобы обойти уличные пробки, утром в центр города, как и большинство едущих на работу тайцев, добирались по воде. Длинные моторные баржи снуют по узким каналам-клонгам, разгоняя плавающие по ним нечистоты. Периодически высокая волна перехлестывает через борт. Но хуже всего на остановках, где пассажиры спрыгивают на берег, а их место тут же занимают другие. Причем и тем, и другим приходится делать это, рискуя в любой момент свалиться в воду или быть зажатым между бортом и пристанью. Это вам не скучная поездка на метро, а заряд бодрости на весь рабочий день.

С австралийскими визами ясности по-прежнему не было. А тайские заканчивались уже через два дня. За это время нужно было успеть выехать из страны. Хорошо еще, что Малайзия для россиян безвизовая. Значит, и консульский сбор платить не придется.

На выезде из Бангкока застопился белый джип «Судзуки» с двумя девушками.

– До Петчабури?

– Да.

Мы быстро запрыгнули в открытый кузов. Проехали метров двести и... развернулись в обратном направлении. Что случилось? Я застучал по кабине. Машина остановилась.

– Мы едем в Петчабури!

– И мы тоже! Просто решили еще одну подругу с собой взять.

– Тогда мы выходим.

– Нет. Оставайтесь.

Джип опять развернулся и на этот раз поехал в сторону Петчабури.

Неудобно получилось. Я только потом понял, что девушки всего лишь хотели показать «фارانгов» (так в Таиланде называют иностранцев-европейцев) своей подруге.

Когда ночь застигла нас на каком-то безымянном перекрестке, мы направились в сторону ближайшего поселка. Там наверняка должен быть монастырь. И он там действительно есть. В тот вечер в главный храм на праздничную службу собрались все местные жители. Те, у кого не было желания распевать молитвы, сидели за столиками, попивали пиво и наблюдали за церемонией со стороны. Видимо, свои «кармические очки» они надеялись получить за свои пожертвования.

Одна теплая компания пригласила нас за свой столик, а позднее один из «собутельников» – к себе домой. Он оказался владельцем частного детского сада, поэтому последнюю ночь в Таиланде мы провели среди игрушек и благоухающих детской мочой матрасов.

Малайзия

Христиане, индуисты и буддисты Пинанга

Таиланд далеко опережает остальные страны Юго-Восточной Азии в деле привлечения иностранных туристов. Его соседи завидуют и идут на все, чтобы перетянуть к себе хотя бы часть из них.

Малайзия, например, привлекает тем, что для въезда в нее не нужна виза никому, кроме граждан коммунистических стран. Россиян вначале пускали на одну неделю, затем – на две, сейчас – на месяц. Видимо, так малайские чиновники оценивают динамику освобождения нашей страны от коммунистической идеологии (для примера, западные туристы могут свободно въезжать на срок до трех месяцев!).

В Таиланде мы пробыли три месяца.

– А вы знаете, что у вас сегодня последний день действия визы? – спросил тайский пограничник.

– Именно поэтому и уходим.

На малайской же стороне вообще ничего не спросили. В анкете я попросил визу на месяц – мне и поставили на месяц. Володя Иванов просил 30 дней – ему и дали ровно на 30 дней. И, что приятно, никаких провокационных вопросов, типа «а есть ли у вас деньги?», не задавали. В Азии русских все же принимают за европейцев (судя по отношению к русским туристам в посольствах и на границах западных стран, для них мы – азиаты).

В Малайзии на дорогах нет очень популярных в соседнем Таиланде пикапов. Поэтому, как и при въезде в Таиланд, мы стали стопить грузовики. На одном из них приехали в Баттерворт. И первое, что там увидели – церковь. Постучали в дверь стоявшего по соседству дома священника.

– Мы – путешественники из России. Можно нам посмотреть вашу церковь?

– Конечно, – священник-индеец тут же взял ключи и пошел открывать.

Как выяснилось, мы попали в англиканскую церковь Святого Марка – одну из старейших в Малайзии. Она была основана в 1929 г. англичанами. И сейчас службы здесь продолжаются: по субботам они идут на английском языке, а по четвергам – на тамильском.

– Сегодня как раз четверг. Можно нам на службу остаться?

– Оставайтесь.

– Может, мы и переночевать здесь сможем?

– Конечно, – несколько не удивился священник и повел нас в пристройку показывать свободную комнату.

Как оказалось, мы случайно попали на «День матери», и после службы с песнями, проповедями и шутками на тамильском языке нас пригласили на праздничный ужин с раздачей подарков всем присутствующим, включая, конечно, и нас – единственных европейцев в компании прихожан-индусов.

Остров Пинанг, прославившийся как жемчужина Востока, древние малайцы называли Пулау Ка Сату (Единственный остров). В 1786 г. англичанин Франциск Лайт купил его у султана Кедах и переименовал в остров принца Уэльского. Поначалу англичанам пришлось трудно. Место, которое выбрали для поселения, было покрыто непроходимыми зарослями. Они с трудом поддавались раскорчевке. Но Лайт нашел оригинальный метод мотивировать сипаев, привезенных англичанами на каторжную работу. Он зарядил пушку серебряными монетами и выстрелил в джунгли. Вскоре земля была расчищена и первый лагерь установлен.

Малайзия – исламское государство. Мечетей здесь значительно больше, чем церквей. К центральной мечети города – Капитан Клинг – прихожане подтягивались к вечернему намазу. Но можно ли и нам туда войти?

Наши размышления и нерешительность прервал веселый старик:

– Чем я могу вам помочь?

– Нам переночевать нужно, а денег на отель нет.

– Я бы пригласил вас к себе, но я сам нахожусь здесь в гостях. Давайте зайдем в мечеть, я найду человека, который вам поможет.

Так мы попали в Центр пропаганды ислама. Абдулла Камарудин вначале обрадовался нашему приходу, видимо, приняв нас за «объект пропаганды», но наша просьба о ночлеге его явно застала врасплох.

– Я даже и не знаю, как вам помочь. В мечети вас на ночь оставить нельзя. Подождите, схожу разведать. Может, мы найдем для вас комнату в медресе.

Минут через десять он вернулся.

– Знаете, в медресе вам, наверное, будет не очень удобно. Но я нашел для вас подходящее место.

И он устроил нас в трехместном номере с кондиционером, нагрузив на прощанье стопкой брошюр про ислам.

В Джорджтауне среди многочисленных церквей и мечетей встречаются и редкие буддистские монастыри. Бирманский Ват Дхаммика-Рама, основанный в 1805 г., – самый древний из них. С него мы и начали. Храмы – дорогие, из мрамора и золота; колодец, судя по надписи, первый источник питьевой воды в городе. Настоятель встретил нас приветливо, напоил водой (не из «святого» колодца, а из бутылок), угостил печеньем. Да и просьба о ночлеге его не удивила.

– Свободных комнат у нас нет, но можете спать прямо здесь, на веранде.

За предложение мы поблагодарили, но спать на открытой веранде без вентиляторов, которые нужны не для прохлады, а для защиты от комаров, опасались.

Прямо напротив бирманского монастыря находится тайский Ват Чая-Мангкаларам. Он основан еще 22 июля 1845 г. Но центральный храм, в котором установлена 36-метровая статуя лежащего Будды (третья в мире по величине), по своей архитектуре удивительно напоминает типичный самолетный ангар. Монахи к себе на ночь нас не приняли, но подробно объяснили, как найти другой, не такой помпезный ват (на туристической карте острова он не обозначен).

Следуя их подробным указаниям «пройти прямо, на втором перекрестке свернуть налево, пройти метров триста и за заправкой «Шелл» свернуть направо», мы вскоре пришли к воротам простого тайского монастыря. И там мы сразу же почувствовали себя «как дома».

Поселили нас в длинной, но узкой комнате. И, надо сказать, вовремя. Сразу же разразился тропический ливень, началась гроза.

Буддистские монастыри для нас все еще были привычнее, чем церкви и тем более мечети. Вот и на следующую ночь мы пошли искать ночлег у буддистов – в китайский храм Кек-Лок-Си. Семейная пара встреченных по пути китайцев посоветовала:

– Идите все время прямо, никуда не сворачивая.

Мы последовали совету, но успели пройти только пару сотен метров, как рядом с нами затормозила машина. Внутри – та самая китайская чета.

– Садитесь, мы вас довезем. Иначе вы не успеете в храм до закрытия.

Китайский монастырь Кек-Лок-Си (храм Западного Рая), принадлежащий секте «Чистой земли» – крупнейший в Малайзии. Храмы и пагода построены в классическом китайском стиле – много красного цвета и позолоты, драконов, Смеющихся Будд и свастик.

Туристы приходят сюда посмотреть на храмы богини милосердия Куань-Инь, Улыбающегося Будды и Будды Гаутамы и пагоду Бан-По-Тхар («Пагода 10 000 Будд»).

Перед входом в храм Куань-Инь сидел монах в светло-бежевой куртке и таких же штанах.

– Я сам здесь не живу. Ночью в храме и вокруг него вообще никого не будет.

– А можно ли спать на веранде перед входом?

– Я думаю, да.

Володя Иванов предложил там остаться, а мне и Татьяне Александровне интересно было подняться еще выше, на разведку. Договорились, если мы не вернемся вечером, утром встретимся у входа в храм.

Монастырь все еще строится. Пройдя по дороге немного вверх, мы обнаружили недоделанную статую сидящего Будды, а еще выше – недостроенное величественное пятиэтажное здание.

– А можно ли в нем переночевать? – спросил я у болтающегося неподалеку строителя.

– Можно, только вы никому не говорите, что это я вам разрешил.

Стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, мы просочились внутрь здания, стали подниматься наверх. И только тогда поняли, что попали в недостроенный... колумбарий. В левом крыле уже были установлены урны с прахом, а в правом еще лежал строительный мусор.

С верхнего этажа весь Джорджтаун виден как на ладони. Общее благолепие картины дополняла тихая траурная музыка. Да и спать она не мешала, скорее, наоборот, убаюкивала. Утром Татьяна Александровна сказала:

– То ли мне приснилось, то ли на самом деле, ночью приходил сюда мужчина и с удивлением на нас смотрел. Да и музыки почему-то уже нет. Может, это он выключил?

На карте острова мы нашли еще один буддистский храм – Храм змей. Добирались с трудом – с тремя пересадками. И оказалось, зря старались! Раньше в этом храме действительно жили змеи, но после одного из землетрясений они все куда-то сгнули. И теперь – для развлечения туристов – змей там выращивают в вольерах, чтобы давать напрокат желающим с ними сфотографироваться. Именно за этим занятием мы и застали пару «новых русских».

– Мы только на две недели вырвались отдохнуть: прямым рейсом из Хабаровска в Сингапур, затем сюда и назад домой. Бизнес!

Как известно, время – деньги. Денег у нас не было, а времени, наоборот, целый месяц – приходилось терпеливо ждать, чем же закончится процесс рассмотрения наших заявлений на австралийские визы.

Христианское и мусульманское гостеприимство

Голосовать прямо на хайвее, да еще и в самом центре Куала-Лумпура, наверняка запрещено. Но нам удалось уехать еще до того, как нас вычислили полицейские.

– Меня зовут Джеймс, – представился водитель, по внешнему виду типичный индеец. – Могу довезти вас до Куантана.

– Почему такое необычное имя?

– Я католик, и это имя мне дали при крещении.

– А в Куантане есть католическая церковь?

– Есть. Но я живу в Куала-Лумпуре и в церковь хожу здесь. Бизнес же у меня по всей стране. Я торгую хирургическими перчатками, – он тут же остановил машину, открыл багажник, достал из него коробку и показал образец. – Торгую и запасными частями для компьютеров. И вообще всем, что производится в Малайзии. – Следующие два часа он пытался объяснить нам преимущества создания с ним совместного малайско-российского предприятия.

В Куантане Джеймс пригласил к себе:

– Спать, правда, придется на полу. Запасной кровати у меня нет.

Еды у него тоже не было, поэтому ужинать пошли в индийский ресторан.

Следующий день мы провели на пляже – ласковая вода, белый песок, пальмы, парочка европейцев и безбрежный Тихий океан. В дальнейший путь отправились только во второй половине дня.

В Кертехе нас высадили возле мечети. Там почему-то было много народу. Может, праздник? Убедившись, что нигде на видном месте не висит табличка «вход только для мусульман», мы зашли внутрь. В медресе при мечети занимались дети младшего школьного возраста. Это они, выйдя на перемену, создали привлекшую наше внимание толпу.

– Раз уж зашли, нужно спросить кипятка, чаю заварить, – предложил Володя Иванов и пошел искать школьную столовую.

Вернулся он разочарованный.

– Столовую я нашел. Но обед уже кончился. Не только никакой еды не осталось, но даже горячей воды нет.

Пока мы обсуждали между собой дальнейшие планы, нами заинтересовались прихожане, собирающиеся на намаз. Первым подошел Хаджи Абдулла Резак.

– Какие-то проблемы? Может, вы голодны? Да? А вы яйца едите? Тогда я вам сейчас привезу.

Пока он ездил, вокруг нас успело собраться несколько человек.

– Нужно спросить имама, – посоветовал мужчина, оказавшийся начальником местной полиции. – Может, он найдет, где вам переночевать.

Имам Хаджи Махади Масджит Тенку принес с собой три кокосовых ореха.

– К нам иногда обращаются за помощью приезжие. В прошлом году два месяца при мечети жил алжирец, мы всем миром собирали ему деньги на возвращение домой. Турки были, арабы. Но все они – мусульмане. Христиане же к нам приходят впервые.

– А можем ли мы здесь переночевать? – время было послеобеденное, искать ночлег еще рано, но мне было интересно выяснить, возможно ли в принципе «неверным» ночевать в мечети. – Например, мы могли бы спать прямо здесь, в беседке.

– Можете и в беседке. Но лучше я открою для вас офис. Там вам будет комфортнее. Только нужно подождать, пока вечерний намаз закончится.

Об отсутствии у нас денег мы говорили исключительно для того, чтобы предупредить советы пойти ночевать в отель, а ужинать – в ресторан. Через пару часов, за которые мы успели пообщаться с любопытными прихожанами и наесться вареных яиц, привезенных заботливым Абдуллой (по словам одного из наших собеседников, он – владелец супермаркета; а яйца из тех, которые не смогли продать и все равно должны были выкидывать), имам вернулся и вручил нам толстый конверт (100 рингит мелкими купюрами) с добровольными пожертвованиями, собранными для нас в мечети.

После окончания службы имам провел нас в офис. Там обнаружился чайник. Это сразу напомнило мне, что вся история началась с банальной просьбы о кипятке. Абдулла, увидев, что мы съели все привезенные им яйца (свое отвращение от такой пищи мы успешно скрывали), привез нам еще штук пятьдесят. Такого количества яиц я не ел ни разу в своей жизни. И надеюсь, не придется и впредь. Зато теперь, стоит мне увидеть вареное яйцо, как сразу же вспоминается мечеть в Кертехе.

У тайских буддистов

Из Кота-Бару свернули на запад. Мы ехали по самым консервативно-мусульманским районам Малайзии. Когда нас высадили в каком-то мелком городке, наше внимание привлек

знакомый силуэт тайского буддистского вата. Храм внутри был с одной стороны очень похож на то, что мы уже видели, а с другой имел и свои «малайские» характерные черты.

Как мы и ожидали, получить там ночлег было проще простого: нам сразу же выделили комнатку в маленьком деревянном домике.

Вероятно, нет в мире другого духовенства, которое пользовалось бы таким почетом и уважением, как буддистское. Все прихожане, в том числе и члены королевской семьи, должны становиться перед монахами на колени и три раза кланяться. Даже сами боги, если они хотят улучшить свою карму, должны поклоняться монахам. Ни один мирянин не может стоять в присутствии монаха или сидеть со ступнями, направленными в его сторону. На публичных церемониях монахи обычно сидят на специальных платформах. Если же это невозможно, то хотя бы на специальных циновках, которые символизируют его высокий ранг.

Считается, что особенно святые монахи, победившие желания и тем самым достигшие освобождения, обладают некими магическими силами. Именно поэтому их уважают. А уважение неизменно выражается в подарках и подношениях. Получается парадоксальная ситуация: чем «святее» монах становится, чем больше отвергает мир и земные удовольствия, тем больше получает. Именно поэтому самые аскетичные монахи живут в наиболее комфортных условиях: пользуются антикварной мебелью, едят дорогую пищу, разъезжают в роскошных лимузинах. Особым «шиком» считается дарить монахам те вещи, которыми они никак не могут воспользоваться. Например, в монастыре, настоятель которого, известный своим аскетизмом и святостью, недавно ослеп, под специальным навесом стоит шикарный лимузин, который подарила ему богатая набожная прихожанка.

Продолжая поездку по северу Малайзии, мы обнаружили еще несколько тайских буддистских монастырей. В одном попали на торжественное открытие нового храма, в другом – на церемонию посвящения в монахи мальчиков-подростков. А на ночь зашли в Ват Тхай-Чареон в Бегиа. Там нас поселили в недостроенном здании монастырской школы. Но поспать спокойно не дали. Один из живущих при храме «гражданских» оказался фанатичным поклонником Карла Маркса. До поздней ночи он убеждал нас в преимуществах коммунизма и рассуждал о неизбежности мировой революции.

Первая ночь в сикхском храме

В Куала-Кангаре находится самая красивая мечеть Малайзии – мечеть Убудия. Я уже сотни раз на многочисленных открытках видел ее сверкающие золотом купола. В действительности же мечеть оказалась не такой яркой и чистенькой, как на картинках: штукатурка облупилась и потрескалась, минареты поблекли. А как там внутри, неизвестно. Над входом висит табличка: «Немусульманам вход строго запрещен».

В мечети Капитан Клиг в Джорджтауне нам подарили ворох рекламных брошюр об исламе на английском языке. Из них я узнал и историю возникновения этой мировой религии, и отношение правоверных к женщинам (в специальной брошюре основательно доказывалось, что оно значительно более прогрессивное, чем у племен аравийских кочевников V века нашей эры), и их миролюбие. Только одно мне осталось неясным: почему в одни мечети «неверным» входить можно, а в другие нельзя. Поэтому каждый раз, приближаясь к мечети, я чувствовал себя как на минном поле: вдруг была запрещающая табличка, которую мы не заметили, и теперь на нас в любой момент может обрушиться праведный гнев.

Именно поэтому в Куала-Кангаре мы не стали проситься на ночлег в одну из многочисленных мечетей, а пошли через весь город в поисках христианской церкви.

На группу бредущих в темноте иностранцев обратил внимание проезжавший мимо на мотоцикле темнокожий пожилой индеец в чалме.

– Вам помочь?

– Мы ищем место переночевать.
– Отель?
– У нас нет денег.
– Можете пойти на вокзал. Он открыт всю ночь.
– Спасибо за совет. Но лучше бы вы помогли найти нам церковь.
– Недалеко отсюда есть католический храм. Но время уже позднее, я не уверен, что сейчас вы там кого-нибудь найдете.

– Это в протестантской церкви людей найти сложно, а католики почти каждый вечер собираются – или на мессу, или просто пообщаться, – поделился я с ним своими наблюдениями.

Но индеец продолжал сомневаться.

– Давайте сделаем так. Вы продолжайте идти по этой улице прямо, никуда не сворачивая, а я съезжу, узнаю, есть ли там кто-нибудь, – и он умчался.

Через десять минут индеец вернулся.

– Вы были правы. Действительно, храм открыт. Найти его очень просто: пройдете еще пару кварталов, потом сверните направо, увидите госпиталь, за ним нужно будет повернуть налево, а там уже рукой подать.

Мы были уже на подходе к храму, когда я краем глаза заметил сикхский храм: здание стоит в глубине окруженного высоким забором участка, но развевающийся на высоком флагштоке желтый флаг виден издали. Интересно, а там принимают паломников на ночь?

В абсолютно пустом храме сидел бородач и вслух читал сикхскую священную книгу «Ади Грантх». Он отвлекся от своего занятия, чтобы спросить, что мне от него нужно. Я тут же изложил свою просьбу.

– Подождите десять минут, я закончу чтение.

– Подождем, – согласился я.

– Он не сказал нам ни да, ни нет. Если через десять минут выяснится, что у сикхов остаться на ночь нельзя, то и в католическую церковь мы уже опоздаем, – стала волноваться Татьяна Александровна.

– На вокзал пойдем ночевать, – обрадовался Володя Иванов, во время своих одиночных странствий он большую часть ночей проводил на вокзалах.

Пока мы спорили, что предпринять, бородач успел дочитать до конца главы, где можно было сделать перерыв (сикхи к чтению своей Книги относятся с пиететом – во время праздников ее читают несколько суток подряд без остановки, сменяя друг друга). В сопровождении чтеца мы вышли из храма и пошли в глубь темного двора. Там обнаружился длинный, похожий на казарму или барак, дом, как и все здесь, выкрашенный в желтый цвет. Оттуда вышли два молодых сикха.

– Присаживайтесь здесь, на веранде. Хотите чаю? Мы не можем сами вам разрешить оставаться, нам нужно спросить старосту.

Староста жил не при храме, но где-то недалеко, потому что появился он буквально через пять минут. Он строго на нас посмотрел.

– Если мы разрешим вам остаться на ночь, вы должны строго соблюдать наши правила: не пить и не курить, вести себя с достоинством. Согласны? Тогда идемте, я покажу вам комнату.

«Ассамблея Бога» в Куала-Лумпуре

Приехав очередной раз в Куала-Лумпур, мы нашли единственный в городе тайский буддистский монастырь, надеясь, что там нас оставят на ночь. Нашли настоятеля.

Веселый старичок принял нас с распростертыми объятиями, но, услышав просьбу о ночлеге, сразу погрузился.

– Я бы с радостью вас оставил. Но решаю не я, а попечительский совет. А они строго-настрого запрещают принимать паломников на постой.

Что же такое? Почему порядки в тайских буддистских монастырях в Малайзии так разительно отличаются от тех, с которыми мы познакомились в Таиланде? Или он придумывает? Придется задать уточняющий вопрос.

– А поесть?

Настоятель и тут попытался выкрутиться.

– У нас еды нет: обед уже прошел, а ужина не будет, самим придется терпеть до завтра. Возьмите немного денег, – он дал нам по 10 рингит. – Сходите в ресторан.

Выйдя из буддистского монастыря, мы пошли в поисках... нет, не ресторана, а какой-нибудь церкви. Первой нам попала баптистская, но она была наглухо закрыта; затем мы прошли мимо «Библейского колледжа» – тоже без признаков жизни.

Церковь «Ассамблея Бога» мы узнали только по табличке, с виду это высотное здание из стекла и бетона напоминало скорее штаб-квартиру какой-нибудь крупной компании. В приемной, как и положено, – секретарша. Она тут же предложила нам по чашечке кофе. Это еще больше усилило ощущение, что мы по ошибке попали в какую-то корпорацию. В кабинет нас не пригласили. Пастор, молодой китаец в шикарном деловом костюме с золотой ручкой «Паркер», сам вышел в приемную. Я не стал долго крутить вокруг да около и сразу сказал, что мы зашли к ним в поисках ночлега «на одну ночь» (за три месяца путешествия по тайским монастырям мы незаметно для себя переняли этот «буддистский» принцип). Пастор, по внешнему виду похожий на современного менеджера, и к нашей просьбе отнесся как к производственной проблеме, требующей управленческих решений.

Искусство управления, как известно, основано на умении делегировать подчиненным решение тех проблем, с которыми начальство не может справиться само. Пастор-китаец исчез в недрах здания и надолго пропал. Но все же о нас он не забыл и вернулся с пожилым индийцем.

– Это Джатфри Бакар – директор нашего детского сада-интерната. Он вам поможет, а мне разрешите откланяться и вернуться к своим делам.

По дороге в детский сад Джатфри объяснил, что нам повезло: был последний день школьных каникул, и все дети разъехались по домам, поэтому для нас найдется место. Правда, нас разделили: меня с Володей поселили в одну комнату, а Татьяну Александровну – в другую.

Разошлись, как в море корабли

На следующий день мы, в который уже раз, зашли в австралийское посольство, но опять ничего нового не узнали. Жизнь пошла по кругу. И позиция на выезде из города была нам уже знакома. В прошлый раз мы уехали оттуда в Малакку. Место хорошее – у въезда на автостраду, поэтому долго на нем мы не задержались.

– В сторону Малакки подбросите?

– Нет. Я только до Серембана, – возразил молодой парень за рулем «Тойоты» и попытался уехать.

Я стал его останавливать:

– Подвезите хотя бы до Серембана.

– Садитесь, – согласился он, но, едва мы сели, как он стал сокрушаться: – Как же вы дальше поедете?

– Да так же, на попутках, – я попытался его успокоить, но мне это не удалось.

– А куда вам нужно?
– В Джохор-Бару – это крайняя южная точка страны.
– Тогда вам лучше ехать на автобусе.
– Ноу мани, – это был мой стандартный ответ на все подобные предложения.
– Ну, это не проблема, я вам помогу, – он свернул с автострады и поехал назад к центру города.

Возле центрального автовокзала он нас высадил.

– Вот вам 50 рингит – этого как раз должно хватить на три билета.

Первая попытка выехать из города не удалась. Через два часа мы вернулись на свое любимое место и вскоре уехали, но не в Джохор-Бару и даже не в Малакку, а в какой-то неизвестный городок в стороне от автострады. У католической церкви к нам подошел молодой парень.

– Вам нужно переночевать (интересно, как он догадался?)? Я отведу вас к священнику.

Никогда – ни до, ни после – не встречали мы в церквях таких догадливых прихожан.

На втором этаже школьного здания, в запыленном и абсолютно пустом общежитии с затхлым воздухом одновременно могло бы расположиться человек пятьдесят – именно столько было пустых кроватей. Но в ту ночь все они были в нашем полном распоряжении.

Утром мы пошли к выходу из города, ориентируясь по указателям. На одном из перекрестков я увидел знак влево, хотел свернуть, но быстро понял, что это только для транспорта: впереди начиналась улица с односторонним движением. Поняв, что на пешеходов этот запрет не распространяется, я предпочел и дальше идти по набережной, вдоль берега реки. Володя Иванов свернул вслед за машинами. А Татьяна Александровна, видя, как мы спокойно расходимся в разных направлениях, растерялась. Она подбежала ко мне.

– Дорога идет налево.

– Это для машин. Нам лучше идти прямо, дойдем до моста, перейдем на другую сторону реки, тогда и будем голосовать, – объяснил я.

– Но Володя Иванов свернул налево, – она продолжала волноваться. – Давай я схожу к нему, скажу, что мы встретимся за мостом.

Она ходила минут десять и вернулась расстроенная.

– Когда я его видела до этого, он стоял на автозаправке и голосовал. А сейчас его уже и след простыл.

Так мы неожиданно остались с Татьяной Александровной вдвоем и пошли на выезд из города мимо величественной мечети.

Попытка авиастопа

В Джохор-Бару в сикхском храме народу было много, как на праздник. Все там делается сообща, вне зависимости от статуса и ранга. Но какая-то специализация все же сохраняется. Суп варят исключительно мужчины. Женщинам же доверяют только лепить лепешки. Да прислуживать на раздаче.

Мы выделялись своим видом и вызывали вполне естественное любопытство. Многие подходили поговорить.

Высокий седой старик, узнав, что мы русские, сообщил:

– У нас в храме в прошлом году жил русский. У него украли деньги, и он неделю ждал, когда придет его друг и ему поможет.

Я сказал, что мы ищем попутное грузовое судно из Сингапура в Россию.

Сикх обрадовался.

– Считайте, что вам крупно повезло. Я работаю инженером в местном аэропорту. В соседнем Сингапуре все значительно дороже: и стоянка, и техническое обслуживание, и топ-

ливо. Поэтому многие самолеты быстро там разгружаются и перелетают к нам. Здесь они заправляются и летят назад на погрузку. На мелкий ремонт также из Сингапура к нам отправляют. Сейчас, например, у нас стоит один транспортный российский самолет. Я могу поговорить с летчиками – я их хорошо знаю, – они возьмут вас в Москву.

У Татьяны Александровны аж дыхание перехватило от радости.

– Да! Да, хотим.

– У вас же половина вещей осталась в Куала-Лумпуре, – попытался я ее урезонить.

– Черт с ними. Пусть остаются, – она уже была в предвкушении скорого возвращения на Родину. – Еще неизвестно, дадут ли нам австралийскую визу. А если и дадут, как мы до нее доберемся? У нас же нет денег даже на визы!

Татьяна Александровна взяла рюкзак, собираясь сразу ехать в аэропорт, но сикх охладил ее пыл.

– Вот вам мой телефон. Я узнаю, когда самолет вылетает, а вы завтра утром мне перезвоните.

Ночевать мы остались в храме, получив разрешение от попечительского совета (у сикхов нет профессиональных священников, каждый сикх имеет право читать Книгу и совершать все необходимые ритуалы, руководят храмами старейшие и наиболее почитаемые члены общины).

Собираясь в кругосветку, я понимал, что с визами мы намучаемся. Но не ожидал, что до такой степени. Три месяца мы кружили по Таиланду, вот уже месяц по Малайзии, а получим ли мы австралийские визы, по-прежнему было неизвестно. И в то же время возвращаться назад, как это сделал Дима Становов, мне очень не хотелось – это было бы признанием своего поражения. А вот если бы нам удалось улететь в Москву на попутном самолете – авиастопом, то это можно было бы считать и не возвращением, а обходным маневром. Или нет? Такие противоречивые мысли не давали мне покоя всю ночь. И даже во сне мучили кошмары. Утром я решил испытать судьбу: позвонил в аэропорт знакомому сикху.

– Во время проверки технического состояния самолета нашли серьезную неисправность. На ее устранение уйдет не меньше двух недель.

– А с экипажем можно познакомиться? Может, они не захотят нас брать?

– Летчики оставили самолет и улетели в Москву обычным пассажирским рейсом.

Значит, не судьба! Ждать две недели мы не могли – виза заканчивалась.

Изгнание духов

Вернувшись в Куала-Лумпур, мы заглянули в попавшуюся на пути католическую церковь. Священник лежал в больнице, а без его разрешения охранник нас ни за что не хотел оставлять. Из миссии Рамакришны нас послали... в буддистский храм. До него было метров триста, но мы не дошли. По пути увидели лютеранскую церковь и свернули туда. Пастор-индиец попытался открутиться:

– У нас нигде вас поселить.

Но после неоднократных уверений, что нам не нужно кроватей, достаточно места на полу, сломался:

– Хорошо, можете остаться на ночь в детском саду.

Он привел нас в двухэтажное здание и открыл дверь.

Мы вошли и оказались... на сцене, в типичном школьном актовом зале. Увидев вентиляторы, я стал щелкать выключателем.

– Электричества у нас сейчас нет из-за аварии на линии. Душа тоже нет, – видимо, пастор все еще надеялся, что мы откажемся от таких спартанских условий и, как бы предваряя

наш естественный вопрос про ужин, добавил: – Приходите в семь часов вечера на службу, там будут чай и кофе.

В этот вечер в церкви выступал заезжий гастролер – специалист по экзорсизму (изгнанию злых духов). Прихожане подходили к «магу» по одному. Он делал пассы и уговаривал беса выйти из тела грешника. Выступление «заклинателя духов» проводилось бесплатно, как рекламная акция. Те же, кто заинтересовался этим методом психотерапии, приглашались на индивидуальные платные консультации. И, если эффективность демонстрации определять по количеству бьющихся в припадке или теряющих сознание истеричных женщин, то лютеранская магия оказывается на порядок мощнее буддистской.

Когда прихожане стали расходиться, к нам подошел маленький живой старичок, дал свою визитную карточку.

– Меня зовут Соломон – как древнего еврейского царя. Позвоните мне. Я живу недалеко от церкви, я вам постараюсь помочь всем, чем смогу.

Есть австралийская виза!

6 июня 2000 г., ровно через пять месяцев с того морозного дня, когда мы пришли в австралийское посольство в Пекине и сдали документы, мы все же получили визы! Но расслабляться было рано. Через день у нас заканчивался тридцатидневный период безвизового пребывания в Малайзии.

Мы очень спешили в сингапурское посольство, но чуть-чуть не успели. Прямо перед нами, ровно в 12.00, окошко закрылось. Вот бюрократы!

К нам подошел парень.

– Вы русские? Я тоже в Сингапур собираюсь. Только что визу получил и уже разведаль, что самый дешевый билет на автобус до Джохор-Бару стоит всего 26 рингит.

– Наконец-то узнали. Уже три раза там были, но автостопом.

– Автостопом? И в Сингапур так же поедете? Может, и меня с собой возьмете в компанию?

– Мы только завтра сможем сдать на визы, а выехать – послезавтра. Придется ждать.

– Согласен.

– Раз у нас неожиданно образовалось свободное время – завтра утром опять в посольство, сдавать документы, то мы можем сгонять в порт Келанг. Может, там можно попасть на российское судно до Австралии. У тебя какие планы? Никаких? Тогда можешь к нам присоединиться. Заодно автостопу тебя научим.

Попытка гидростопа

По дороге в порт – пока мы два часа шли пешком на выезд из города и голосовали три раза в разных местах минут по тридцать – мы успели рассказать о своей кругосветке, а Саша Ли Ми Ян рассказывал о себе:

– Родился я на Украине, а живу в Мары, в Туркмении. Один дед у меня – чистокровный китаец. От него я и получил свою фамилию, хотя китайцем себя не считаю. Вообще я затрудняюсь точно сказать, к какой нации отношусь – среди моих предков и русские, и туркмены. Фамилия – китайская, родной язык – русский, паспорт – туркменский. Когда учился в старших классах школы, я увлекался английским языком, поэтому, когда стали отбирать на поездку на год по обмену в американскую школу, легко прошел конкурс. После школы поступил в Политехнический институт учиться на нефтяника. А в институте также легко прошел отбор на учебу в Малайзии. Уже год учусь здесь в университете. Сейчас у меня кани-

кулы, я скопил немного денег на то, чтобы съездить в Сингапур, может, найду там работу или приглашение на стажировку.

В порту Келанг Саша уже бывал.

– В прошлом году я случайно – как и с вами – познакомился с двумя русскими. Они, конечно, не добирались до Малайзии автостопом, да и жили в шикарном отеле, но цель у них была та же – попасть в Австралию. Причем у них даже австралийских виз не было. Мы вместе приехали в порт, нашли российский сухогруз. Там нас приняли с распростертыми объятиями – напоили, накормили. Но в Австралию они не шли. Туда уходил польский танкер, но его капитан наотрез отказался брать нелегалов. Ни за какие деньги! Так и пришлось незадачливым путешественникам возвращаться назад в Россию.

При попытке просочиться в порт Келанг нас задержала охрана. Пригласили на КПП.

– Надо срочно придумать, кого мы ищем. Какие суда стоят сейчас на причале, они не скажут. Надо сделать вид, что мы пришли встречать своего друга.

– Который нам поможет! – я уже рассказывал ему о нашей «легенде».

Я достал видеокамеру, а роль основного переговорщика досталась Саше.

– Мы идем на грузовое судно «Шипка». По-моему, именно так назывался сухогруз, на котором я был в прошлом году, – уже по-русски пояснил нам Саша и опять перешел на английский: – На нем капитаном наш друг.

– Его зовут Владимир Иванов, – поддержал его я.

– Сейчас посмотрим по компьютеру, на каком причале стоит это судно, и провезем вас прямо к борту.

Охранник долго стучал по клавишам и все же с огромным удивлением вынужден был признать:

– Сейчас у нас в порту нет никакой «Шипки». Давайте я проверю те суда, которые должны подойти в ближайшие дни, – на это ушло еще несколько минут, но результат тот же, – и среди них нет.

Саша взялся ему «помогать».

– В прошлом году мой друг приходил в Малайзию на «Шипке», а сейчас он, возможно, на другом судне. Посмотрите в списках членов команды, может, найдете. – Нам он объяснил: – Иванов такая широко распространенная русская фамилия, что, может, мы найдем хоть какое-нибудь судно с русским экипажем. Нам бы на территорию порта пройти.

– У нас, к сожалению, нет списков экипажей. Только названия судов.

– Давайте посмотрим их.

Нам предъявили весь список: не только все суда, стоявшие в порту, но и те, которые должны были прибыть в ближайшие дни. Среди них не было ни одного названия, которое можно было бы однозначно определить как русское.

Выйдя из КПП, мы сразу же застопили выехавшую из порта легковушку. Водитель, работавший грузчиком в порту уже не первый год, узнав про нашу неудачную попытку, сообщил:

– Раньше сюда много приходило российских судов – чуть ли не каждый день, а сейчас, после развала СССР, в лучшем случае раз в месяц.

Вернувшись утром в Куала-Лумпур, мы сразу же после открытия сингапурского посольства сдали документы на визы.

– У нас завтра истекает малайская виза. Можете вы нам сделать визы уже сегодня после обеда?

– Нет. Только завтра.

– А мы не успеем выехать.

– Все равно завтра. Но раз уж это так важно, не после обеда, а утром.

Прогуливаясь по городу, мы прямо на центральной улице нос к носу столкнулись с Соломоном, прихожанином лютеранской церкви. Он нас тоже узнал.

– Ну, как ваши дела? Негде переночевать? Можно у меня.

Как только мы приехали к нему домой, Соломон сразу же достал альбом с фотографиями и стал рассказывать о своих поездках с церковными группами и миссионерами. Альбом был заполнен групповыми фотографиями на борту круизных лайнеров, в холлах гостиниц, в церквях.

– Вот эта женщина, – он показывал на фото, – так меня любила, так любила, но я на ней не женился. А вот эта, – он показывал уже другую женщину, – ну страшно была в меня влюблена, но я не мог ответить ей взаимностью. Прелюбодеяние – один из смертных грехов, и я не мог пойти на сексуальные отношения без брака.

Как настоящий старый холостяк, Соломон готовить не любил и не умел. Ужинать нас он пригласил в свой любимый индийский ресторанчик под открытым небом. А на сон грядущий долго читал и комментировал отрывки из Библии.

На следующее утро мы сразу же рванули в сингапурское посольство. Там нас не обманули – визы были уже готовы. Сразу же – на выезд из города, на уже до боли знакомое место. Дорога до Джохор-Бару тоже была нам привычна.

К погранпереходу мы попали уже в сумерках. Сингапур, некогда бывший островом, уже давно стал полуостровом – его связала с материком двухкилометровая насыпная дамба через пролив Джохор. Народу – не протолкнешься. Автобусы подходили и уходили один за другим. Нам, не глядя, шлепнули выездные штампы. Вот так всегда! Спешись, чтобы выехать из страны в последний день действия визы, а никто не ценит. А вот если бы мы задержались в Малайзии хоть на один день, тогда, я уверен, каждый полицейский и таможенник не упустил бы возможности читать нотацию или потребовал заплатить штраф.

Сингапур

Дорогостоящая чистота

Узкий перешеек, связывающий Сингапур с Малаккским полуостровом, с полным основанием можно назвать «дорогой жизни». По автостраде на остров попадают малайские «гастарбайтеры», по железной дороге – составы с металлом и нефтью, а по трубопроводу – питьевая вода.

Мы шли в сторону Сингапура с редкими попутчиками, а навстречу нам двигалась плотная толпа пешеходов, велосипедистов, мотоциклистов и автомобилей – в пятницу вечером малайцы, работающие в богатом Сингапуре, возвращаются на выходные к своим семьям. Людские потоки – входящий в Сингапур и выходящий – встречаются в монументальном здании, совмещающем в себе таможенную, железнодорожную и автовокзалы.

С первых же минут в Сингапуре мы пошли проторенным путем – в ближайшую церковь. На Вудланд-авеню нашли методистскую церковь Святого Антония из Падуи.

Пастор-китаец преподобный Джон Кху встретил нас на удивление радушно. Мне даже не пришлось никакие легенды рассказывать, я так честно и сказал:

– Мы путешествуем вокруг света, только что попали в Сингапур, ищем, где бы переночевать одну ночь.

– Русские! У нас в комнате для гостей две недели жила монашка из России. Сейчас эта комната как раз свободна. Вы сможете там остановиться. Вы уже ужинали? – Он открыл ящик стола, достал оттуда три банкноты по 10 сингапурских долларов. – Вот вам на ужин. А сейчас я покажу ваши апартаменты.

В комнате для гостей стояло как раз три кровати. Потом Джон показал, как пользоваться душем, – в Сингапуре не совсем обычные краны. Затем провел дворами на соседнюю улочку.

– В этом магазине самый дешевый хлеб, в том – овощи. А если задумаете поесть в кафе, то лучше всего идите вон в то. Я не буду закрывать калитку, чтобы вам не пришлось обходить вокруг. И не бойтесь, ночью у нас можно гулять без всякого страха.

На сингапурской земле царят внешнее благополучие и стерильная чистота. Не то что мусора, – пылинки не увидишь на гладких улицах, словно вымытых зубными щетками. Видимо, сами сингапурцы невысокого мнения о ближнем: иначе зачем бы они вешали на столбах щиты с изображением руки, бросающей окурки, и чудовищной цифрой штрафа: 1000 сингапурских долларов (500\$)! А безопасность достигается старым проверенным методом – все соседи «стучат» друг на друга.

Христиане и сикхи Сингапура

На следующее утро мы на попутном микроавтобусе добрались до центра города. Нас высадили на улице Ватерлоо, возле китайского буддистского храма Тан-Си-Чонг. Так и везде в Сингапуре – улицы с чисто английскими названиями заполнены этническими китайцами. Этот храм пользуется среди местных жителей особой популярностью. Он посвящен богине милосердия Куань Инь. Говорят, будто все, что у нее попросишь, сбудется.

Однако в Сингапуре живут не только китайцы. Буквально в двух шагах от китайского храма стоит индуистский, построенный в 1989 г., храм Кришны. Еще немного дальше – храм Шри Веерьякалиамман (Храбрая Кали), построенный в 1881 г. бенгальскими рабочими в честь воинственной богини. Над воротами установлен традиционный для индуистских хра-

мов гопурам – пирамида со скульптурами богов, богинь и мифологических героев. Прежде чем войти внутрь, верующие звонят в колокольчик, как бы извещая богиню о своем приходе с пожертвованиями и просьбами. Сразу же за дверями стоит ящик для складывания расколотых кокосовых орехов, которые должны символизировать уничтожение человеческого эго. Храм положено обходить исключительно по часовой стрелке и обязательно нечетное количество раз.

С задней стороны храма стоит буддистский храм Шакья-Муни-Будда-Гайя, известный также как Храм тысячи огоньков. В нем перемешаны и типично тайские элементы, и китайские бодхисатвы, и, что еще более удивительно, – индуистские божества. Гаутама Будда всю свою жизнь боролся против божеств и идолопоклонства. Как насмешка над ним, в этом храме установлена его 15-метровая статуя весом 300 тонн.

Он был и ярким противником всякой мистики и гаданий. Но современные буддисты, кажется, совсем не озабочены пунктуальным соблюдением заветов своего Учителя. Вот и в храме они установили колесо фортуны. Насколько его предсказания сбываются, неизвестно. Мне, например, выпал желтый листочек (с иероглифическим текстом, продублированным на английском языке), в котором предсказывается успех в судебной тяжбе. Сам по себе я человек не сутяжный, поэтому случая проверить пока не представилось.

Проходя по Силат-роад, заглянули и в сикхский храм. Народу было много – готовились к какому-то большому празднику. Сикхи, как это обычно и бывает, заметив наше невинное любопытство, сами пригласили войти. В каждом сикхском храме на первом этаже находится столовая самообслуживания (молятся в зале на втором этаже). Там обычно есть какая-нибудь еда: лепешки-чапати, рис, овощи, йогурт, сладкая каша, сладости и обязательно чай с молоком и корицей. Сикхи твердо придерживаются правила «путь к душе лежит через желудок». Стоит, проходя мимо сикхского храма, лишь немного задержаться перед входом, с интересом рассматривая фасад, как обязательно кто-нибудь из сикхов подойдет и пригласит внутрь, в столовую – поесть, в зал для молитв специально никого не зазывают, но и тем, кто хочет зайти, не запрещают.

Сикхские храмы – гурдвары («ворота Гуру») открыты для всех. Есть только одно неперемutable правило – в знак уважения к Гуру Нанаку, в храме (в том числе и в столовой) обязательно нужно покрывать голову – хоть чем-нибудь. Поэтому и оказываются там импозантно одетые мужчины в дорогих костюмах с... носовыми платками на головах.

У сикхов нет ни священников, ни монахов. В храмах все члены общины, вне зависимости от их социального статуса, по очереди готовят еду и работают на ее раздаче. Продуктами ежедневно обеспечивают сикхи – владельцы продуктовых лавок и магазинов, а деньги на общие нужды жертвуют, конечно, пропорционально своим доходам.

Христианские церкви в центре города можно встретить на каждом шагу. Построены они были европейцами, но сейчас паства большей частью состоит из китайцев с небольшой примесью индийцев. После радушного приема, оказанного нам предыдущей ночью, мы думали, что во всех сингапурских церквях будут встречать с распростертыми объятиями. Но нет. В римско-католической церкви Святой Девы из Лурда священник не только отказался нас оставить на ночь, но и заявил:

– В сингапурских церквях строго-настрого запрещено принимать постояльцев.

В португальской церкви Святого Иосифа священник сказал что-то невразумительное на тему «мне коза сейчас сказала, что у нас здесь места мало». В методистской церкви Фейерфилд мы не нашли ни единой живой души. В церкви Святых Петра и Павла священник был. Сославшись на занятость, он послал нас в церковное общежитие. Оттуда послали еще дальше. Армянская православная церковь – самая первая сингапурская христианская церковь. Ее построили на деньги армянской диаспоры в 1836 г. Но ровно через сто лет отсюда ушел последний настоятель. И с тех пор церковь находится на положении полуполуцеркви-полу-

музея. Сейчас службы там идут только по крупным праздникам, а церковный дом сдается людям, никакого отношения ни к армянам, ни вообще к христианам не имеющим. Из чисто научного интереса мы заглянули также в методистскую церковь Кум Яна, в англиканский кафедральный собор Святого Андрея, в монастырь Младенца Иисуса, в кафедральный собор Доброго Пастыря, но везде безрезультатно.

Возле Церкви Христа болтался какой-то китаец – то ли из прихожан, то ли из священников.

– Пошли бы в отель-бэкпакерс, – посоветовал он и достал из кармана несколько банкнот. – Вот вам 60 долларов. Этого вам троим хватит на две ночи в отеле «Гавайи» на Бенкулен-стрит, отсюда всего метров пятьсот, – и показал направление.

Он оказался прав на все 100! Трехместный номер на две ночи стоит ровно 60 долларов (30 американских) – ни больше, ни меньше.

Отель-бэкпакерс «Гавайи» стоит у начала Орчад-род, известного своими шикарными отелями, огромными развлекательными и торговыми центрами. В самом конце этого огромного проспекта в уютном переулке прячется российское посольство. За полгода путешествия мы настолько оторвались от российской действительности, что пришли туда в понедельник 12 июня. И только увидев, что двери наглухо закрыты, поняли свою ошибку. К счастью, в консульском отделе оказались не бюрократы – пригласили нас внутрь.

– Проблемы?

Свои проблемы мы научились решать сами и пришли в посольство только за информацией.

– Ходят ли российские суда из Сингапура в Австралию?

Ответ был обескураживающий:

– Теперь уже не советское время. Тогда капитан, придя в порт, первым делом должен был встать на учет в посольстве. Сейчас – совсем другое дело. Если наши суда и заходят в порт, то нам о них становится известно, только если они попадают в переделку. Так, например, уже шесть месяцев стоит арестованный за долги сахалинский траулер.

На выходе из посольства мы познакомились с бывшей москвичкой Мариной.

– У меня муж француз, и мы уже десять лет живем с ним в Сингапуре. Нашей дочери сейчас 12 лет, и я регулярно вожу ее на частные уроки русского языка в посольство.

Марина подарила нам подробный атлас Сингапура. Там были обозначены все церкви, буддистские и индуистские храмы, мечети. По нему мы потом все время и ориентировались.

Все христианские церкви Сингапура на атласе были обозначены одинаковыми символами. Поэтому мы действовали методом случайного тыка, попадая и к католикам, и к методистам, и к баптистам. Все церкви в центре мы обошли в первые два дня, поэтому каждый следующий вечер выбирали какое-нибудь направление (кроме юго-востока – там было море) и шли, пока не надоеет (заодно и город изучили не только лучше любых туристов, но и многих местных жителей). Когда идти было уже лень или погода совсем портилась, доставали атлас и смотрели, какая церковь оказалась к нам ближе всего. Как выяснилось, степень гостеприимства зависит не столько от конфессиональной принадлежности христиан, сколько от географического местоположения церкви – чем дальше от центра, тем гостеприимнее и священники, и прихожане.

В малайском порту Келанг мы убедились, что на территорию порта пройти нелегко. А в Сингапуре и до порта тащиться было далеко. Причалы растянулись на десятки километров, а большинство судов болтаются на рейде в проливе. На них вообще непонятно как попасть. Самих же моряков отловить можно – все, кого отпускают погулять в городе, высаживаются из водных «такси» на причале Клиффорда.

Вычислить среди них русских не составляет труда. От азиатов они отличаются по внешнему виду, а от европейцев тем, что всегда держатся сплоченной группой (видимо, при-

вычка, оставшаяся еще с советских времен). И все же, даже несмотря на свое «численное преимущество», моряки относились к нам с подозрением, а уж на объектив видеокамеры реагировали, как выходящие из зала суда преступники.

– Вы нас не снимайте, мы никому не говорим, что находимся в загранике, даже соседям по подъезду. Времена сейчас сами знаете какие. Зачем лишний раз обращать на себя внимание бандитов.

Но это все были моряки, работавшие в смешанных экипажах на судах под иностранными флагами. Чисто российское судно при нас в Сингапур зашло только однажды. Команда рыболовного сейнера из Южно-Сахалинска была почти в полном составе. И все, как один, сильно навеселе.

– Ура! Русские! – они бросились к нам обниматься – пьяные все же. – В Австралию? Нет, мы идем назад в Россию. С нами? Конечно, какой вопрос! Довезем вас до Южно-Сахалинска! Вначале, правда, зайдём в Корею, трал поменяем, потом в море – месяца на три-четыре, а потом точно – на Сахалин!

– Татьяна Александровна, собирайтесь, поплавайте с рыбаками полгода и домой. – Видно было, что ее такая перспектива не обрадовала, поэтому я продолжил: – Если отказываетесь, то бросаем это дело и идем в индонезийское посольство за визой.

Индонезийское посольство мы нашли легко – оно было отмечено в атласе, но документы на визу сразу сдать не смогли. Для этого обязательно нужно иметь обратный билет. Что же делать? Купить авиабилет, а после получения его тут же сдать? На это денег у нас не было. К счастью, в Индонезию из Сингапура можно попасть не только по воздуху. На ближайший индонезийский остров Батам ходит паром. Вот только признают ли билет до него и обратно? Придется рискнуть. К счастью, наши билеты на паром приняли без вопросов. А ведь могли бы и спросить: «Как вы собираетесь возвращаться в Сингапур, если у вас однократная сингапурская виза?»

Индонезия

Остров Батам – ворота в Индонезию

Индонезия находится на самом крупном в мире архипелаге, состоящем из 13 600 островов, растянувшихся на 5000 километров на границе между Тихим и Индийским океанами. В стране живет свыше 350 этнических групп, говорящих на 250 языках. Межэтнические и межконфессиональные противоречия существовали там испокон веков. Но начавшаяся в мае 1998 г., после десятилетий военного режима, демократизация привела к сильному ослаблению центральной власти и падению авторитета правоохранительных органов. А чем это грозит, мы прекрасно знаем на примере 1990-х гг. в России. Бандитизм, коррупция, рост сепаратизма. В Индонезии, разделенной на тысячи островов, ситуация еще сложнее.

Пользуясь слабостью центрального правительства, Восточный Тимор в сентябре 1999 г. добился независимости, бунтовали Ириан Джая (западная часть острова Новая Гвинея) и Моллуккские острова. По всей стране шли столкновения между мусульманами и христианами, китайские погромы. И в эту страну мы попали из благополучного Сингапура, где ввоз жевательной резинки считается контрабандой, а самым страшным преступлением – переход улицы на красный свет светофора.

Паром пришел на индонезийский остров Батам. Таможенник обратил внимание, что у нас есть обратные билеты назад до Сингапура, но сингапурской визы нет. Зато есть австралийская, но нет билета в Австралию.

– А деньги-то у вас есть?

Не зная, что ответить, я перешел в ответное наступление.

– Мы – журналисты, – я показал свое удостоверение. – Нас ждут в Джакарте. У меня есть телефон российского посольства. Вы можете туда позвонить.

Я, конечно, блефовал. В российском посольстве нас никто не ждал. Но таможенник-то этого не знал. А проверить постеснялся.

Едва мы вышли из здания таможни, как в темноте (уличных фонарей там, конечно же, не было) нас сразу же обступила толпа зазывал. С криками: «Мистер! Мистер!», они хватали за руки, тянули в разные стороны, что-то предлагали... Такого напора мы не ожидали и, честно говоря, растерялись. Рванули по какой-то темной дороге. Хэлперы увязались вслед, но, поняв, что толку от нас нет и не будет, отстали. А мы продолжали идти по какой-то неизвестной дороге, в совершенно случайном направлении. Лишь бы уйти куда-нибудь подальше от назойливой толпы, а там разберемся.

Индонезийского языка мы не знали, ни единого слова! Но, что для нас было значительно важнее, было неизвестно, как здесь обстоит дело с автостопом. Проезжающие мимо мотоциклисты приветствовали нас возгласами «Хеллоу, мистер!», автомобилисты притормаживали, предлагая подвезти. По пути? Или за деньги? Спросить было не у кого. Махать рукой не понадобилось. Очередная легковушка тоже остановилась сама. Куда бы попроситься?

– В церковь, – вижу, не понимает. Показал водителю на пальцах крест, тогда до него дошло.

– А! Греджа.

Так началось изучение индонезийского языка.

Высадив у ворот протестантской церкви Джемаат Иммануэль, водитель денег не попросил, а мы не предложили. Вот и первый успешный опыт индонезийского автостопа.

В церкви шла репетиция церковного хора. Среди любителей пения нашелся знаток английского языка. К нему мы и обратились:

- Можно нам здесь переночевать?
- Пойду спрошу пастора. А вы ужинали?

На ужин нам пожарили бананы, а вот пастора найти не смогли. Проблему решили просто: устроили нас на одну ночь в ближайшем отеле.

Карты Индонезии не было. От школьных уроков географии я помнил только то, что первый большой остров на нашем пути – Суматра. Чтобы попасть туда, необходимо добраться до порта. Но их на Батаме целых три (это я выяснил еще в Сингапуре, когда покупал билеты на паром). Какой из них нам нужен?

Рядом притормозила легковушка.

- Проблемы?
- На Суматру нужно плыть. Но не знаем откуда.
- Садитесь, я вам помогу.

В порту выяснилось, что все паромы на Суматру ушли рано утром.

– Вы можете добраться на пароме до Селат-Паджанга, а там сразу сесть на судно до Пеканбару, – хэлперы обступили со всех сторон, пытаясь навязать нам свои билеты.

В порту, как назло, ни одной, даже самой примитивной карты Индонезии не было. Пришлось поверить на слово.

На «Комете» мы за пару часов домчались до Селат-Паджанга. Там уже стояла под погрузкой древняя деревянная посуда. Места нам достались спальные. И всю ночь мы плыли, лежа в деревянных отсеках размером с холодильник. Утром пристали в порту Пеканбару. Но на каком острове?

Зашли в ближайшую церковь (все протестантские церкви Индонезии входят в объединение, обозначаемое аббревиатурой НКБП). Пастор, на наше счастье, оказался англоязычный. Посмотрев у него карту Индонезии, я наконец-то убедился, что мы действительно находимся на Суматре. Причем не на берегу, а в самом центре! Оказывается, полночи на судне мы плыли вверх по реке. Пользуясь возможностью, я переписал в записную книжку последовательность населенных пунктов, через которые проходит трасса на Джакарту. Будем хоть знать, куда проситься.

Можно ли спать в мечети?

К вечеру на грузовике подъезжали к Солоку. Всю дорогу я объяснял шоферу, что мы люди безденежные, поэтому и едем автостопом. И что? Высадил он нас прямо напротив дорогого интуристовского отеля.

На отель мы даже не взглянули, сразу пошли на выход из города. По пути нам попалась ярко освещенная двухэтажная мечеть. На втором этаже (вернее, это был очень широкий балкон, идущий по всему периметру) шли занятия с детьми. Родители тусовались на улице, ожидая, когда можно будет забрать своих чад домой.

– А можно ли нам у вас переночевать? – Своим вопросом я вызвал смещение среди прихожан.

Мнения разделились: одни считали, что мы можем остаться спать прямо в мечети, другие возражали. Переводчицей выступала Нурсанти – студентка с факультета иностранных языков местного университета. Проблема была в том, что имама, который и должен устанавливать порядки, в мечети не было. Пришлось сторожу брать ответственность на себя.

– Вы можете остаться спать здесь, – заключил он, а прихожане шумно его поддержали.

Вскоре нас разбудили. Среди уже известных лиц появился еще один персонаж – серьезный бородатый мужик.

– Приехал мулла и сказал, что в мечети вам спать нельзя, – Нурсанти ввела меня в курс дела. – Вы нас извините, но вам придется встать. Мы перевезем вас в другое место. Нас отвезли в какое-то пустующее офисное здание, где мы и провели остаток ночи.

Христиане – братья и сестры

Пару раз мы подъезжали на пикапах и легковушках, но все же больше рассчитывали на грузовики. Вечер застал нас в Банко. Мы попытались и оттуда уехать, но к нам прицепился полицейский, навязчиво пытавшийся посадить на автобус. Объяснить, что у нас на это нет денег, не удалось. Пришлось сделать вид, что мы специально приехали из России для того, чтобы посетить такой замечательный индонезийский городок, к великому нашему сожалению, не отмеченный ни на одной туристической карте и не описанный в путеводителях.

В Банко мы все мечети обходили стороной.

– Не подскажете, как мне найти христианскую церковь? – спросил я прохожего.

Он испепелил меня взглядом.

– Да вы что! Это же мусульманский город!

Наверное, так же после 11 сентября реагировали бы жители Нью-Йорка на иностранца, спрашивающего, как пройти в мечеть.

Может, в Банко на самом деле нет христиан? Мы настроились на ночлег под открытым небом и пошли на выезд из города. И совершенно случайно я увидел на склоне холма кладбище с крестами. Значит, здесь должна быть и церковь! И уже с новыми силами я продолжил опрос местного населения. После того как десять человек подряд заверили, что в городе живут только мусульмане, мой энтузиазм заметно охладел. Но я упорно продолжал приставать с расспросами. И моя настойчивость была вознаграждена. Интеллигентный мужик в очках, к тому же говоривший по-английски (возможно, и христианин), подтвердил:

– Действительно, у нас на окраине города есть одна маленькая церквушка, – он показал нам направление.

Церковь спряталась в коротком узком переулке, между пожарной частью и... мечетью. Нашли мы ее с огромным трудом. Но, когда постучали в дверь пасторского дома, не пришлось ничего объяснять. Христиане, живущие в меньшинстве в мусульманском окружении, относятся к единоверцам, как в первые века христианства, как к своим братьям и сестрам.

Вечером к пастору Ангжиату Пурбе на регулярную встречу по изучению Библии собралась группа прихожан – почему-то только мужчины. Я попытался выяснить:

– Какая у вас церковь?

– НРКБ.

– А она католическая или протестантская?

Прихожане посмотрели с таким удивлением, что возникло неприятное ощущение, будто они впервые услышали о том, что не все христиане братья и сестры (а уж если бы я сообщил о том, как в Ольстере протестанты и католики друг друга готовы удушить голыми руками, то это наверняка расценили бы, как злостную клевету). О том, что мы попали в протестантскую, а конкретнее – в лютеранскую церковь, мы узнали только на следующее утро от пастора.

Три дня в Джакарте

Автостоп на Суматре оказался занятием очень утомительным. Как и в Китае, нам не давали подолгу стоять на одном месте. Но не потому, что быстро увозили. Местные жители из окрестных домов собирались вокруг и помогали нам «остановить автобус». Все водители легковых машин рассчитывали, что мы заплатим за проезд. Я пытался объяснить, что у нас

нет денег. Но мне не верили! Как же так?! Европейцы, и без денег! Приходилось рассказывать легенду о том, что нас якобы обворовали. Но и это мало помогало!

На третий день мучений неожиданно повезло – попали в грузовик, идущий прямо до Джакарты. Следующие два дня ехали, останавливаясь только у придорожных забегаловок пообедать и на стоянках – переночевать. На ночь водитель оставлял нам кабину, а сам уходил спать в другой грузовик (они двигались втроем).

Двухдневная поездка дала прекрасную возможность узнать жизнь индонезийских дальнбойщиков. Во многом она схожа с жизнью их российских коллег: дороги безобразные – асфальт есть, но с ямами и выбоинами. Неудивительно поэтому, что нам несколько раз пришлось останавливаться на шиномонтаж. Самописцев, как в Европе, в индонезийских грузовиках нет. Но больше трех часов подряд мы ни разу не ехали. Регулярно останавливались позавтракать, пообедать или просто попить чаю. Или опять же на шиномонтаж. Полиция сплошь коррумпированная – останавливают на каждом посту, документы проверяют не всегда, а вот бакшиш требуют: стандартная такса – 2000 рупий.

Через пролив между Суматрой и Явой паромы ходят круглосуточно. Едва один отходит от причала, как его место тут же спешит занять следующий. Погрузка и выгрузка идут практически без перерыва. Но и при этом на причале образуется длинная очередь из грузовиков и автобусов. Мы встали в хвост и настроились на длительное ожидание. Только через несколько часов удалось въехать на паром, и еще примерно через час мы были уже на Яве.

Джакарта – индонезийский Ибу-Кота (Мать-город) – не только столица Индонезии, но и крупнейший мегаполис всей Юго-Восточной Азии. 22 июня 1527 г. его захватил мусульманский принц Фатахилла из султаната Бантам. Тогда город и получил свое нынешнее название – Джакарта, что в переводе означает «Окончательная победа». То, что победа не была окончательной, уже в 1619 г. доказали голландцы. Они разрушили город до основания, а на руинах стали строить Батавию – столицу Голландской Восточной Индии: проводить каналы, возводить дома в классическом голландском стиле – попытались воссоздать уголок своей родины, второй Амстердам.

Все бы было хорошо, но они не учли азиатского представления о гигиене: каналы, в которые местные жители стали сбрасывать мусор и нечистоты, стали рассадниками малярии и дизентерии. Вскоре весь город, за исключением нескольких центральных улиц и престижного района Ментенг, застроенного особняками и виллами, стал похож на огромную клоаку. Капитан Кук, возвращаясь в Европу после триумфальных открытий в Австралии и Новой Зеландии, за время которых он потерял всего одного члена экипажа, зашел в Батавию на стоянку. И здесь от дизентерии и малярии умерло сразу 27 матросов. Вот вам и Новый Амстердам!

Мы приехали в один из трущобных пригородов Джакарты, вид которых наверняка не сильно изменился с момента визита капитана Кука. Хижины построены из подручного материала: досок, кусков фанеры, листов гофрированного железа, шифера, картона, пластика... – все идет здесь в дело. А вот и знаменитые голландские каналы, ставшие индонезийской канализацией. Грязную вонючую воду разглядеть можно с большим трудом – почти вся поверхность закрыта пластиковыми бутылками, полиэтиленовыми мешками и всем тем, что «не тонет»... Вдоль берега тянется ряд туалетных домиков – они установлены на помостах прямо над водой, никаких выгребных ям не нужно. Между ними – помосты для стирки белья, тут же местные жители умываются, чистят зубы. Это не просто совмещенный санузел, а объединение водопровода с канализацией. Райское место!

Первую ночь в Джакарте мы провели на стоянке дальнбойщиков. А на следующее утро ее хозяин повез нас в центр города, прямо к дверям российского посольства.

Консул, едва увидев нас, сразу же спросил:

– Что случилось? Паспорта украли?

Судя по тому, что нам уже рассказали о Джакарте, украсть их здесь могли запросто. Но у нас был вопрос важнее.

– А ходят ли российские грузовые суда из Индонезии в Австралию?

Консул в этом вопросе разбирался не лучше, чем его коллега в Сингапуре. Он, естественно, летал на самолете, так же, как и все российские специалисты и пока еще редкие туристы. Помочь он нам не мог, но совет все же дал:

– Я, конечно, не могу запретить вам ехать в Западный Тимор, но не советую. Обстановка там очень беспокойная. А о Восточном Тиморе и речи быть не может.

На центральной площади Джакарты – Медан Мердека (площадь Свободы) отгрохали помпезный монумент-музей Монас (Национальный монумент). Его венчает 137-метровый обелиск из итальянского гранита с позолоченным «Факелом Независимости», а перед входом, куда тянется длинная очередь, как в Мавзолей Ленина, стоит конная статуя национального героя – принца Дипонегоро. Тут же перед входом раскинулся стихийный рынок.

В северо-восточном конце площади видны купола и минареты мечети Истикал – одной из крупнейших в Юго-Восточной Азии. Прямо напротив мечети стоит католический кафедральный собор, неподалеку от него протестантская церковь Святого Эмануэля и англиканская церковь Всех Святых. Как в них относятся к «братьям-христианам», мы так и не узнали. На несколько дней нам предоставили приют в Российском культурном центре на улице Дипонегоро.

Игорь Петрович Василюк извинился за то, что отдельной комнаты для нас нет.

– Мы можем поселить вас в кинозале. Только вам придется каждый вечер возвращаться сюда не позднее девяти часов вечера. Нас недавно ограбили, поэтому мы теперь по вечерам включаем сигнализацию.

На следующий день мы зашли в представительство АПН – мне нужно было срочно отправить статью в журнал «Учеба, работа, бизнес за рубежом». Сергей Мельников встретился со Стасей и Эдиком.

– Они приплыли в Джакарту на каком-то попутном судне с Батама, прожили у нас в представительстве три недели. Каждый день ходили в порт, пытаясь попасть на попутное судно до Австралии. Но успеха так и не добились. Виза у них заканчивалась, дольше оставаться у нас они не могли. Я краем уха как-то слышал, что Стася выяснила: якобы существует регулярная пассажирская линия, связывающая остров Ломбок с Австралией. Они купили билет на ночной поезд до Сурабаи – это крупный порт на восточном побережье Явы, и уехали. С тех пор я о них ничего не слышал.

– Мы знаем, что до Австралии они добрались. Но как им это удалось, неизвестно. На связь они не выходят – не хотят нам мешать своими советами.

На следующий день мы для очистки совести все же съездили в грузовой порт. Нас, как европейцев, на территорию пропустили без вопросов. Судов на Австралию в тот день не было, а повторять «трехнедельную осаду» мы не стали.

Автостопом по Яве

На станции Гамбир мы попали в перерыв между электричками. Нужно было ждать три часа. Чтобы скоротать время, мы пошли прогуляться по центру и совершенно случайно оказались у сикхского храма. Оттуда вышла индийская супружеская чета и пошла к одиноко стоявшему джипу. Они пригласили нас в храм и даже устроили экскурсию.

Вечером мы вчетвером приехали в современное здание, по внешнему виду напоминающее типичный областной Дворец культуры. Там начиналась индийская свадьба. Среди примерно пятисот гостей большинство было индийцев, но встречались и европейцы. Они, скорее всего, так же, как и мы, попали туда случайно. Или их специально привезли – как

«свадебных генералов». В Азии белый человек является желанным гостем на любом празднике.

Свадебная церемония была сложной: молодоженам вручали многочисленные подарки; на сцене выступали с торжественными поздравлениями родственники, друзья и знакомые; какие-то полупрофессиональные творческие коллективы пели песни и танцевали... Гости вначале внимали всему происходящему с интересом, но как только в зале появились пиво и виски с содовой (для трезвенников, которых там было немного, в углу стоял столик с кока-колой) началось безудержное веселье: в зале была кутерьма, на сцену лезли все, кто хотел петь или танцевать, – вне зависимости от наличия голоса и сноровки.

На следующий день мы приехали на станцию как раз к отправлению электрички. Она поначалу поразила своей пустотой и удивительной, прямо-таки европейской чистотой. Но чем дальше мы отъезжали от центра, тем больше внутрь набивалось народу (те, кому не хватило места внутри, висели на подножках снаружи или сидели на крыше) и тем толще становился слой мусора на полу. По вагону сновали торговцы, по полу на четвереньках ползали детишки с вениками, собирая с пассажиров мелочь – как своеобразный «налог на чистоту» (в России этот бизнес не приживется – наши пассажиры электричек не способны с такой скоростью производить мусор).

Всему хорошему в нашей жизни приходит конец, закончилась и наша поездка на электричке. Пора опять возвращаться к автостопу. Ориентируясь по дорожным указателям, мы вышли на трассу.

– Вы на Кракатау? – спросил водитель туристического джипа.

– А где это?

– Садитесь, я по дороге расскажу.

Водитель, очевидно, работал туристическим гидом, поэтому я сразу предупредил:

– Мы автостопом едем.

– Это я уже понял, но мне все равно по пути – я еду за группой немецких альпинистов на вулкан Кракатау.

Когда мы сели, он продолжил:

– Этот вулкан стал известен на весь мир в 1883 г. Тогда началось сильнейшее извержение: ударные волны, рожденные подземными взрывами, трижды обошли земной шар, а рев был слышен на расстоянии тысячи километров. Водяной вал, поднятый подземным взрывом, достиг берегов не только Америки и Африки, но даже Англии и Франции! На Яве волна в 30–40 метров высотой сметала на своем пути прибрежные деревни. Огромная черная туча закрыла солнце. С неба сыпался пепел и жирная, липкая грязь. После этого вулканического взрыва в атмосфере скопилась огромная масса пыли, и в течение нескольких лет на Земле наблюдали необычные кроваво-красные зори.

Чуть ли не в каждой деревне на дороге стояли пикеты местных жителей. Они размахивали сачками (типа тех, которыми ловят бабочек) и что-то выкрикивали – собирали с проезжавших мимо водителей деньги на благотворительность.

– Смотрите, как здорово они придумали. Когда деньги кончатся, мы тоже выйдем на дорогу и будем пожертвования собирать.

– У нас же сачка нет, – Татьяна Александровна сразу вернула меня на землю.

– Значит, не будем ждать, пока деньги кончатся совсем, а на остаток купим сачок побольше, – согласился я и стал размышлять на тему «Сколько денег мы бы собрали, если бы вышли на дорогу».

Сожженная церковь

Водитель пикапа обещал довезти нас до Тасикмалаи, но высадил в каком-то маленьком поселке в тридцати километрах до города, а сам свернул куда-то в джунгли. Мужчина, сидевший на лавочке возле своего дома, случайно стал свидетелем того, как мы вышли из машины, и сразу же стал звать нас к себе на чашку чая. Оказалось, и эта маленькая безымянная деревня в индонезийской глубинке связана с нашей далекой Родиной. В 1961 г., когда в космос летал Юрий Гагарин, индонезиец через советское посольство выписывал журнал «Советский Союз». А его сосед все еще катается на автомобиле «Москвич» 1968 г. выпуска.

Для голосования мы вначале выбрали самое удобное место – под единственным на весь поселок уличным фонарем. А зря! Тут же чуть ли не весь поселок взялся нам «помогать» – автобус останавливать! Еле отбились. Пришлось уходить в темноту.

Раньше понятие «религиозная война» ассоциировалось у меня исключительно со средневековой историей, с романтикой Крестовых походов. Но в Индонезии и в наше время мусульмане и христиане продолжают убивать друг друга. Хотя все, с кем мне удалось разговаривать, в один голос утверждали: «Никаких религиозных противоречий в стране нет. Все межконфессиональные конфликты порождаются политическими и экономическими противоречиями».

Сожженные христианские церкви можно встретить повсеместно. В одну из них мы и попали в Тасикмалае. Священник рассказал:

– Нашу церковь мусульмане подожгли 26 декабря 1996 г., к счастью, никто не погиб. Вы можете посмотреть на то, как она горела, – он показал на стену, на которой висела вставленная в рамку под стеклом цветная фотография горящей церкви. – Здание уже полностью восстановлено. И оно стало даже лучше, чем было до пожара. Но урок мы запомнили и не хотим, чтобы подобное когда-нибудь повторилось. Если до этого инцидента у нас не было практически никаких контактов с мусульманами, то сейчас наш епископ регулярно встречается с лидерами мусульманской общины. Кроме того, мы выделили часть церковных помещений для работающих по ночам велорикш, а они все – мусульмане, впрочем, как и церковные сторожа, и садовники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.